
ВѢСТНИКЪ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССИИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
1862
КІЕВЪ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ІЮЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1862.

Печатать дозволяется. Кiевъ 5-го Iюля, 1862 года.

Ценсоръ В. Чеховичъ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 1.

ГОЛОСЪ

одного польскаго публициста римско-католика, отъ лица всей польской, тогоже вѣроисповѣданія, шляхты, представленный вѣроятно на генеральный сеймъ, въ защиту подвластныхъ тогда Польшѣ русиновъ, силою обращаемыхъ въ латинство и въ унію, и противъ затѣй короля Сигизмунда III, чтобы Русь превратить въ Польшу чрезъ насильственное ихъ ополяченіе. Документъ этотъ въ копіи находится въ архивѣ св. Сѵнода, въ отдѣлѣ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ и записанъ въ прибавительной описи подъ № 14. Копія эта, судя по ветхости бумаги, почерка и обычнаго въ то время пренебреженія ортографическими знаками, кажется, должна быть современна подлиннику. На первой страницѣ текста, въ самомъ верху, надписано: Edycia Narbutowa, а на оборотѣ послѣдней страницы отмѣчено рукою переписчика: Patriae Vulnera (раны отечества), наконецъ внизу другою рукою и позднѣйшаго почерка: Proiekt szlachty syzmatyckiey Podgurskiey, że nie słusznie król uciemięża Rus i dał przywiley Krupeckiemu na Episkopią Przemyską. Изъ содержанія документа видимъ противное: не православная шляхта, которую авторъ сей надписи, по обычаю папистовъ, зоветъ схизматицкою, но именно шляхта римско-католическаго вѣроисповѣданія поднимаетъ сильный голосъ въ защиту единокровныхъ имъ русиновъ. Изъ этого явленія мы видимъ, что въ тѣ времена еще не всѣхъ поляковъ обуялъ неразумный фанатизмъ

римской пропаганды, какимъ, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи проникнуты были всѣ они вообще, а въ особенности наши ополячившіеся русины, несправедливо называвшіе себя поляками.

Вытертыя по мѣстамъ слова и цѣлыя выраженія въ рукописи, мы здѣсь означаемъ пунктирами.

(Подлинникъ).

Te urazy ktore mamy od żołnierza sę wielke ale są podobne ko ranie roncznej ktorą acz iest bolesna ale smierci nie przynosi bo siła ich żyie z ranionemi rękami a nakoniec y bez rąk.

Ale ja teraz o ranie w sercu oyczyzny naszey mówić będę bo kto kolwiek prawo łamie zgodę między narody z ktorych polska rzeczpospolita złożona używa ten w serce oyczyzne zabija iaka iest kłotnia ktorą zaczęli z narodem ruskim bracią i krwią naszą ta iest iako rana serdeczna ktoraby namnięyszą była smierc przynosi tey sprawy, część iedną wiem,

(Переводъ).

Тѣ обиды, которыя терпимъ отъ жолнеровъ (солдатъ) велики, но онѣ похожи на ручную рану, которая, хотя и мучительна, но не приноситъ смерти, ибо сила ихъ (?) живетъ съ ранеными руками и даже безъ рукъ (*).

Но теперь я буду говорить о ранѣ въ сердцѣ нашаго отечества, ибо кто нарушаетъ законы и согласіе между народами, изъ коихъ состоитъ рѣчь посполитая польская, тотъ убиваетъ отечество въ самое сердце. Такова есть ссора, какую начали съ нашею единокровною братію—русскимъ народомъ. Она (ссора), какъ рана сердечная, какъ-бы ни была мала, приноситъ смерть сему дѣлу. Одну

(*) Темный смыслъ подлинника мы вездѣ переводимъ буквально.

drugiey części choć o niey ustawicznie myslę rozumieć nie mogę bo wiem dobrze co się począwszy od ziazdu brzestkiego onym dzieie to wiem dobrze iako na seymikach .... a na seymach z nich smiechy stroią na seymikach obiecuią a na seymach odstępuią. To ia wiem bo to wszystko wiedzą ale czego oni chcą potym ciemnym narodzie y iaką radą i do ktorego celu mierzą tego ia żadnym sposobem rozumieć niemogę bo iesli tego chcą żeby Rusi niebyło w rusi to iest rzecz niepodobna y takie podobienstwo iest iakoby się mi chciało żeby morze tu było koło Sambora a beszczad koło Gdanska. Mistrz moy Jan Passerał u ktoregom się politiky

часть знаю, другой же части, хотя постоянно о ней думаю, понять не могу, ибо то хорошо знаю, что дѣлается со времени брестскаго съѣзда (**) и какъ на сеймикахъ .... (***) и на сеймахъ надъ ними (русскими) насмѣхаются, на сеймикахъ обѣщаютъ, а на сеймахъ отказываютъ. Все это я знаю, ибо это всѣ знаютъ, но чего хотятъ отъ этого темнаго народа, по чьему совѣту и до какой цѣли стремятся, право никакимъ образомъ понять не могу, ибо если желаютъ того, чтобъ Руси не было въ Руси, то это дѣло невозможное и это было бы похоже на то, когда бы я пожелалъ чтобъ здѣсь при Самборѣ было море, а суша подлѣ Гданска (Данцига). Мой учитель Янъ Пасceралъ, у котораго я учился политики, настаивалъ въ парижскомъ парламентѣ, чтобы изгнаны были монахи, что и случилось, и

(**) Извѣстнаго Брестскаго Собора.

(***) Пункты означаютъ вытертое отъ ветхости мѣсто въ рукописи.

uczył nacierał na perłamencie w Paryżu aby zakonniki wypendzono co y stało się y gdy szukano tego co oni winni przełożywszy wiele obraz który przeciwko prawu francuzkiemu czynili powiedział tę nayswiętszą, że chcą żeby franciey we franciey niebyło y użył tego przykładu za Niérona powiada Cesarza stał są taki cud że na pewnym mieyscu był długi las oliwny a po drugiey stronie rola posiana iedney nocy on las oliwny przeszedł na tę stronę gdzie była rola posiana a rola tam przeszła gdzie był las oliwny. Zdał się prawda ten cud choc tam mało grunty przemieniałysię y odnowe panstwa niosł bo to panstwo rzymskie poszło do franciey a stamtąd do niemcow, to dziwnieysza że chcą żeby iszpania

когда спрашивали, въ чемъ они были виновны, онъ, перечисливъ всѣ сдѣланныя ими оскорбленія французскихъ правъ, прибавилъ, что величайшимъ изъ сихъ оскорбленій было то, что они хотятъ чтобъ во Франціи не было Франціи и въ примѣръ привелъ, что во времена императора Нерона случилось такое чудо, что на извѣстномъ мѣстѣ былъ большой оливковый лѣсъ, а по другой сторонѣ засѣянное поле, однажды ночью этотъ оливковый лѣсъ перешелъ на ту сторону, гдѣ было засѣянное поле, а поле перешло туда, гдѣ былъ оливковый лѣсъ. Чудо это въ самомъ дѣлѣ случилось, хотя тамъ и мало поля перемѣнялись, и оно *знаменовало* обновленіе государства, ибо римское государство перешло во Францію, а оттуда къ нѣмцамъ. Еще удивительнѣе то, что хотятъ, чтобъ Испанія была тамъ гдѣ Франція, а Франція тамъ гдѣ Испанія! Подобный примѣръ и здѣсь я употреблю:

tam była gdzie francia a francia tam gdzie iszpania tegoż przykładu y ia tu używam żaden to rozum żaden gwałt przewiesc niemoże aby rus niebyła w rusi coż a kiedyż się ...... zobaczy aby polakow nie było w polsce ma bezmalac iuż nietak bo lubo po polsku mowiemy ale praw y zwyczaiow polskich zapomnięlismy, ale rzecze kto nichcemy odmieniać rusi w rusi bo i niemożem ale chcecie ich pozyskać do wiary naszey i powszechney Rzymskiey y do iedności wedle consylium florentskiego tego ia nie mam nic iesli to przystoyno czynią y według nauki Chrystusa pana. Zazywać mo...... Pana Canclerza do ewangelikow tak miał kiedy by to mogło być abyscie byli papieznikami dałbym na to po-

никакой умъ, никакое насиліе не можетъ достигнуть того, чтобы Русь не была въ Руси, что-же если..... увидитъ, чтобы поляковъ не было въ Польшѣ, что чуть ли не такъ и есть, ибо хотя и говоримъ по польски, но забыли права и обычаи польскіе. Скажутъ: не хотимъ отмѣнять Русь въ Руси, да и не можемъ. Но хотите ихъ привлечь къ вѣрѣ нашей римско-католической и къ уніи, согласно флорентійскому собору, отъ этого я не прочь, если только дѣйствуютъ въ этомъ дѣлѣ прилично и согласно съ ученіемъ Христовымъ. Употреблять рѣчь ...... пана канцлера къ евангеликамъ такъ онъ говорилъ, если-бы возможно было то, чтобы всѣ сдѣлались папистами, ябы отдалъ половину моей жизни, для того половину, чтобы пользуясь другою половиною я могъ утѣшаться этимъ святымъ единеніемъ (вѣры), но если кто будетъ

łowice, zdrowia mego dla tego połowicę żebym drugą połowięc żyiąc cieszył się z iedności tey swiętey a iesli wam kto będzie gwałt czynił dam wszystkie zdrowie swe przy was abym na te niewolę niepatszał toż ia y skażdym rozumiem z nas szlachcie poczciwey mowić maią. Bądzcie prosiemy naszey papierzkiey wiary bo iest niewątpliwie sama ustna dobra y pewna i dowody ma mieć nieomylne ale iesli gwałtem chcą przyniewolić zdrowie swe przy was u przed wami położymy, ale czegosz chcą po nich żeby papieznikami naszemi byli iakimże sposobem tego chcą iesli takim iako pan zbawiciel kazał ucząc, prorokuiąc, czuda czyniąc

дѣлать вамъ насиліе отдамъ для васъ всю мою жизнь, чтобъ только не быть свидѣтелемъ этого принужденія. Точно также я разумѣю и о каждомъ нашемъ честномъ шляхтичѣ, — пусть говорятъ, будьте, просимъ васъ, нашей панской вѣры, ибо она несомнѣнно самая *устная* (?), хорошая и истинная и имѣетъ неоспоримыя доказательства, но если хотятъ васъ принудить къ ней насиліемъ, тогда мы жизнь свою при васъ и предъ вами положимъ, но чегожъ хотятъ отъ нихъ чтобъ были нашими папистами, и какимъ способомъ хотятъ этого (достигнуть)? Если такимъ какъ Господь Спаситель приказалъ: поучая, пророчествуя, творя чудеса, тогда не одни они (т. е. шляхта), но и я *О. Крупецкаго* (****) буду счи-

(***) Послѣ смерти епископа Михаила Копыстенскаго несогласившагося на унію, король Сигизмундъ III на пржемысльскую епископскую каѳедру назначилъ уніата Аѳанасія Крупецкаго, посвященнаго въ этотъ санъ въ 1610 году, что произвело большее волненіе между жителями сей епископіи. Къ этому году относится и настоящій голосъ.

y owszem nie iedno oni ale y ia X. Krupeckiego będę miał za apostoła, ale haydukami cerkwie odbiać, pozwami na trybunał trapić popow łapać czernice wyganiac to się niezgadza z wolą i z nauką zbawiciela naszego rzecze y o niesławę nam.. .... szukaią swego pozytku a nie chrystusowego. A iesli duchownych rzeczy szukaią czemuż nie duchownymi sposoby albo może być lepszy duchowny sposob od kogo innego podany iesli był od Chrysta pana, nie iedno szalenstwo ale bluznierstwo iest co nad nauką zbawiciela czynic a iesli szukaią piomędzy pożytkow wiosek czemuż tego zaraz gwałtem iako zwykł nieprzyiaciel niebiorą nieszpecąc pisma swętego y duchownych nauk na przykrycie łakomstwa

тать апостоломъ. Посредствомъ же гайдуковъ отбивать церкви, смущать позывами въ трибуналы, ловить поповъ, изгонять черницъ (монахинь),—это не согласуется съ волею и ученіемъ Спасителя нашего. Скажутъ, и не къ славѣ нашей......... ищемъ своей пользы, а не христовой. А если духовныхъ дѣлъ ищутъ, почему же не духовными средствами? Можетъ ли быть духовное средство кѣмъ нибудь другимъ указанное лучше, чѣмъ то, которое указалъ Христосъ? Не одно безуміе, но и богохульство дѣлать что нибудь противъ ученія Спасителя, а если ищутъ въ числѣ выгодъ деревень, такъ почему же ихъ не забираютъ вразъ насильно, подобно непріятелю, не искажая св. писанія и не изворачивая духовнаго ученія для прикрытія своей алчности. На тридентскомъ соборѣ на упрекъ, сдѣланный французскими духовными духовнымъ испанскимъ,

swego nienaciągaiąc na zborze trzydentskim zadali francuzcy duchowni ispanskim duchownym że nieszłusznie i niechrzescianskie krol yszpanski indiią bierze abo iesli ich chce nawrocic na wiarę chrzescianską czemuż ich nienawracaią według nauki chrzescianskiey kazaniem proroctwy cudami ale woyska i działa ktorych Christus pan niezażywał y wszyscy prawdziwi uczniowie iego niemiały tam co czynić, odpowiedziało iszpanskie duchowenstwo że krol iszpanski z miłości chrześciąnskiey chce nawracac indyiczyki y posyła kaznodzieiow do nich ktorych żeby niepobili posyła woysko przy nich i nieczyni gwałtu indiom ieno kaznodzieiow swoich bronić aby ich indowie niepobili rozsmiały się wszyscy na te odpowiedz hisz-

зачѣмъ король испанскій незаконно и не по христіански забираетъ Индію, или если ихъ (индѣйцевъ) хочетъ обратить въ христіанскую вѣру, почемуже не обращаетъ согласно съученіемъхристіанскимъ проповѣдью, пророчествами, чудесами, но войсками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, которыхъ Христосъ неупотреблялъ ивсѣ его истинные ученики того недѣлали, — испанское духовенство отвѣчало, что испанскій король изъ любви христіанской хочетъ обращать индѣйцевъ и посылаетъ къ нимъ своихъ проповѣдниковъ, которыхъ чтобъ не избили посылаетъ съ ними войска и индѣйцамъ насилія не дѣлаетъ, только лишь для защиты своихъ проповѣдниковъ, чтобъ ихъ индѣйцы не истребили. Всѣ засмѣялись на этотъ отвѣтъ испанцевъ и запрещено было болѣе говорить о семъ. Тоже и я въ этомъ дѣлѣ скажу: если изъ христіанской любви (хотятъ)

pańską a wiencey o tym mowie zakazano toż ia w tey sprawie mowić iesli z miłosci chrzescianskiey lepszą drogę nam pokazać niechay że słuchaią pana Boga naszego ktory sam iest droga prawdy y żywot. A iesli w indiy szuka hiszpan złota a w władyctwach ruskich szukaią groszow niechayże tey farby nabożenstwa zaniechaią. Ale coż uboga rus ponosi aby według prawa zachowani byli ale praw niemaią abo to że na pergamienie albo na papierze niemaią, alę maią na umysłach ludzkich prawo zwyczay bo coż innego iest prawo iedno zwyczay przez wiele lat dobręm uznany a potym y przyięte aby kto szpecić niemogł na papier włożony zwyczay iesli długim uzywaniem y przyzwoleniem między ludzie wprowa-

показать намъ лучшій путь, то пусть слушаютъ Господа Бога нашего, который самъ есть путь истины и жизнь. Если же въ Индіи испанецъ ищетъ золота, а въ *владыцтвахъ* (епископіяхъ) русскихъ ищутъ грошей, пускай благочестіе такого цвѣта (колорита) оставятъ. Но чего не переноситъ бѣдная Русь, чтобъ остаться при своихъ правахъ? Правъ они (русины) не имѣютъ. Хотя они не имѣютъ ихъ только на бумагѣ или на пергаментѣ, — но въ народной памяти у нихъ есть право—обычай. Ибо что такое право какъ не обычай, признанный въ продолженіи многихъ лѣтъ за благо и потомъ принятый и преданный письмени, чтобы кто нибудь немогъ исказить его; обычай введенный чрезъ долгое употребленіе подтверждаетъ и объясняетъ права, и право писаное мертво, если его не оживляетъ обычай. Обычай (существующій) съ такихъ дав-

dzone zwyczay iest ktory potwierdza i wykłada prawa y prawo pisane iest zmarłe iesli zwyczay onego nieżywi. Zwyczay tak długiego czasu ktorego początku pamiętnika niemasz ma powagę naydawnieyszego przywileiu bo łacno o dowcip ktory słowa pisane wyszpocic może ale to co iest w używaniu u wielu ludziey trudno y naychytrzeyszemu ynaczey udać niz ludzie powszechni. rozumiem z iakich zwyczaiow pełna iest nasza oyczyzna i kiedy strzeż Boże miano nam iako iey szpecić zadna nasza wolność na mieyscu niezostałabysię ale rzecze kto te słowa zwyczaiu są wzięte z prawa rzymskiego a w polskim prawie tego niemasz albo to zle że prawo rzymskie zgodzone z naszym prawem iako iest wła-

нихъ временъ, что о начал̕е его н̕етъ памятниковъ им̕еетъ авторитетъ самой древней привиллегіи, потому, что челов̕екъ способный легко можетъ изворотить слова писанныя, но то что находится въ употребленіи у народа трудно и самому утонченн̕ейшему представить иначе, какъ оно существуетъ въ народ̕е. Понимаю, какими обычаями преисполнено наше отечество и когда, сохрани Богъ, захот̕ели бы ихъ какъ нибудь обезобразить, тогда никакая наша свобода не осталась бы на м̕ест̕е. Но скажутъ, что эти слова обычая заимствованы изъ римскаго права, и въ польскомъ почти вовсе н̕етъ этого. Разв̕е это худо, что римское право согласно съ нашимъ правомъ? Таково свойство христіанскихъ законовъ, что все что составляетъ законъ у одного христіанскаго народа, то д̕елается обязательнымъ и для всякаго дру-

sność praw chresciańskich ze co iest prawem u ktorego kolwiek narodu chresciańskiego to iest słusznoscią u kazdego. Ale azaz y krol polski nieprzysięga na zwyczaie rzecze kto w prszysięgach Henryka y Zygmunta krola pierwszego ktoren ręczy za syna swego krola Augusta a potym w przysięgę krola Zugmunda Augusta na ktorą potym wszyscy krolowie przysięgaią bo tak przysięgaią na wszystko cokolwiek.. .... daley postanowili dzierzce krolowie dawni Kazimierz wielki Lodwik lois rzeczony Władisław jagello Władisław iagiellowicz Kazimierż jagellowicz Albrycht Alexander Zygmund pierwszy. Zygmund Aygust zwyczaie wałtował Zygmund pierwszy pod tytułem innego obierania krola w statucie na karcie 82 a Zy-

гаго народа. Но скажутъ, развѣ и король польскій не присягалъ на обычаи? Въ присягахъ Генрика, Стефана и Сигизмунда перваго короля, который даетъ поруку и за своего сына короля Августа, потомъ въ присягѣ короля Сигизмунда Августа, которую послѣ подтверждаютъ присягою и всѣ короли, ибо такъ присягаютъ на все то, что только что нибудь........ послѣ постановили прежніе короли самодержцы Казимиръ В., Лудовикъ, Лоисомъ прозванный, Владиславъ Ягелло, Владиславъ Ягеллоновичь, Казиміръ Ягеллоновичь, Албрихтъ-Александръ, Сигизмундъ I, Сигизмундъ Августъ. Обычаи подтвердили—Сигизмундъ I, подъ заглавіемъ: избраніе другаго короля, въ статутѣ на 82 стран., а Сигизмундъ Августъ въ своемъ клятвенномъ обѣщаніи, находящемся въ началѣ конституціи. Это есть право неприсяжное ....

gmunt August w przysiędze swoiey ktora iest na początku constytuciey to iest prawo nieprzysiężone.... w teyi sprawie, podzmysz do przykładow za ktoremi iako za przewodnikiem Rzeczy pospol. w drodze niezbłądzimy kto iest nie iedno tak niewstydliwy ale i tak niezbożny ktoby smiał rzec że czasy nasze lepszemi mogą byc rozumiane nad czasy krola Zygmunta pierwszego ktoby smiał rzecz stan szlachecki pilnuie tak prawo y swobod swoich iako pilnował za tegosz krola Zygmunta. A ten krol swięty Zygmund pierwszy cerkwie ruskie tak budował y bogacił iako koscioly katolikow y monaster swiętego Spasa od Lwa kniazia ostatniego ruskiego założony y zaczęty doprawić kazał y ten maięntnosć czerncom

въ этомъ дѣлѣ. Будемъ подражать примѣрамъ, слѣдуя которымъ, какъ за путеводителями Рѣчи Посполитой, съ пути не собьемся. Будетъ же ли кто не только такъ безстыднымъ, но и безбожнымъ, что посмѣетъ сказать, что наши времена слѣдуетъ считать лучшими, чѣмъ времена короля Сигизмунда I? Кто смѣетъ сказать, что нынѣшнее шляхетское сословіе точно также сохраняетъ свои права и *свободы*, какъ сохраняло во время сего короля? А этотъ святой король Сигизмундъ I созидалъ и украшалъ русскія церкви наравнѣ съ католическими костелами и велѣлъ достроить монастырь св. Спаса, основанный и начатый послѣднимъ русскимъ княземъ Львомъ, и чернецовъ надѣлилъ имѣніемъ. Почему жъ, ради Бога, Сигизмундъ III не поступаетъ такъ, какъ поступалъ Сигизмундъ 1-й и не подражаетъ правамъ и дѣламъ сего послѣдняго,

nadał, czemusz dla Boga Zygmund trzeci nieczyni tego co czynił Zygmund pierwszy y we wszystkim praw y postempkow iego nienasladuie aby wzdy mogło byc panowanie iego podobne panowaniu Zygmunta pierwszego czemuż y senat przytym niema stanąc aby we wszystkim zachowany był ten zacny narod zaczym byłby unas w tey powadze iako y za pierwszego Zygmunta, czemuż y stan szlachecki niema przy prawach y swobodach tak się strzec iako przodkowie naszy za Zygmunta pierwszego opirali się. Ale rzecze kto iuz się stało dany iest przywiley Krupeckiemu byłoby to przeciw dostoienstwu panskiemu odmieniac. O nieszczęnsliwe słowo w ktorym się do........ nayduie panu a nie prawu pospolitemu przez

дабы чрезъ это царствованіе его было подобно царствованію Сигизмунда перваго? Почему же и Сенатъ не настаиваетъ на томъ, чтобы во всемъ (относительно правъ и привиллегій) сохраненъ былъ этотъ славный народъ? Вслѣдствіе чего онъ былъбы у насъ въ такомъ же уваженіи, какъ и при Сигизмундѣ первомъ. Почемужъ и рыцарское сословіе не должно также охранять права и свободы, какъ поддерживали оныя наши предки при Сигизмундѣ I? Но возразятъ: уже кончено. Если разъ дана привиллегія Крупецкому, то отмѣнять ее было бы противнымъ королевскому достоинству. О несчастное слово, въ которомъ .... государю а не общественному закону, на основаніи котораго онъ сидитъ на польскомъ престолѣ....... а вѣдь есть же законъ, что только тѣ слѣдуетъ утверждать привиллегіи, которыя не противны закону, эта же привил-

ktore on na maiestacie polskim .... a wszak prawo iest te przywileie maią byc trzymane ktore prawu nieprzeciwne a ten przywiley prawo łamie ale zgodę narodowę podrywa własnie iako serce wydziera z oyczyzny matki naszey ten przywiley...... iako ktory ogien uczynic może ale przec się nieradzą dworscy przywileiu raz danego odmieniac dla Boga co złego iest to prawie odmienic trzeba..... lepey że odmienic wedle prawa co sią przeciw prawa dało nizby szlachta polska tak uczyniła iako za iagiella dwa przywileia na seymach przed krolem y senatem mieczami swemi razsiekali. Ale Krupeckiego raz upodobali sobie niegodzisię..... wielkopolskiemu. Stało się za Jagiełła...... ktorego szlachta wielkopolska w

легія нарушаетъ законъ, и разсторгаетъ народное согласіе, подобно тому какъ бы она исторгала сердце изъ груди матери нашей отчизны, ... какъ бы какой нибудь огонь сдѣлать можетъ. Но вѣдь царедворцы не совѣтуютъ отмѣнять однажды данную привиллегію?! Ради Бога, что тутъ худого въ томъ, что по закону отмѣнить слѣдуетъ?.... лучше же отмѣнить по закону, что сдѣлано противъ закона, чѣмъ допустить до того, чтобъ польская шляхта такъ поступила (теперь), какъ поступила на сеймѣ при королѣ Ягеллѣ, въ присутствіи короля и сената, съ двумя привиллегіями, когда ихъ разсѣкла своими мечами. Но Крупецкаго какъ полюбили однажды, такъ уже него-дится.......... великопольскому. Случилось при Ягеллѣ, съ ...., котораго великопольская шляхта разрубила въ Пиздрахъ, или какъ съ Куропатвою, котораго русская шляхта

pizdrach rozsiekała albo iako Kuropatwę, ktorego szlachta ruska starostwa chełmskiego wypendział. Coż wzdy za pozytek ma krol iegomość ztak wielu kłopotow ktore zazył z narodem ruskim, ten pozytek ma że nas iest narodow różnych sławianskich osmnascie. Wszyscy pierwey kładli swobody swe ratunek na krolach polskich. Ci wszyscy rozumieli ze narod polski miał ich z ciężkiego pogańskiego iarzma wyswobodzic, ci wszyscy na każdą potrzebę krola y narodu polskiego garła swego dac byli gotowi a teraz iaką krzywdę poczęto czynic narodowi ruskiemu są nam głownymi nieprzyiacielami; teraz wolą sami pomrzec na woynie i dzieci potopic nizby mieli do zgody iakiey przyisc z nami krwią

выгнала изъ староства хелмскаго. Да и что пользы королю, его милости, отъ такого множества хлопотъ, какія онъ причинилъ русскому народу, развѣ только ту имѣетъ пользу, что насъ разныхъ славянскихъ народовъ восемнадцать? Всѣ они прежде возлагали охраненіе своихъ свободъ на польскихъ королей, всѣ они предполагали, что польскій народъ освободитъ ихъ отъ тяжкаго языческаго ига, всѣ они при каждой надобности короля и польскаго народа готовы были положить свой животъ, а теперь какъ стали причинять обиды русскому народу, то сдѣлались главными нашими врагами. Теперь они скорѣе готовы сами умереть въ войнѣ (съ нами) и дѣтей своихъ сжечь, чѣмъ какъ нибудь примириться съ нами, а что служитъ препятствіемъ къ успокоенію Москвы, какъ не оскорбленіе русской вѣры? Что помогло къ пораженію Потоцкаго, какъ не тоже

swoią, a co iest przeszkodą do uspokoienia Moskwy iedno urażona wiara ruska. A co pomogło do bicia potockiego ienoż ta niechenc narodu ruskiego ku narodowi naszemu siadło kilkadziesiąt tysięcy rusakow pobranych y wypądzonych około lagru y solwoku a czego się spodziewac za łupiestwo łupiestwem oddawac zachcą a naruszenie wiary swey naruszeniem wczasow y dostatkow naszych wetowac zechcą kto kolwiek cnotliwy iest kto kolwiek swobody y pokoy polski miłuie miałby się do tego skłonic żeby swoie prawa y zwyczaie wcale zachowali.

недоброжелательство русскаго народа къ нашему польскому? Погибло нѣсколько десятковъ тысячь русиновъ, захваченныхъ и прогнанныхъ около Лагра и Солвока, а чего ожидать если вздумаютъ за грабежъ платить грабежомъ? И наконецъ если за нарушеніе своей вѣры стануть мстить нарушеніемъ нашего спокойствія и достоянія? Всякій честный человѣкъ, всякій любящій свободу и спокойствіе Польши долженъ стремиться къ тому, чтобъ права и обычаи вполнѣ сохранили.

№ 2.

ПРОЭКТЪ

объ уничтоженіи православнаго и уніятскаго вѣроисповѣданій, а также и русской народности въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ нѣкогда Польшѣ.

Примѣчаніе редактора. Списки сего проэкта, приписываемаго іезуитамъ, попадаются въ разныхъ архивахъ побазиліанскихъ монастырей западныхъ нашихъ епархій, почти всегда съ означеніемъ 1717 года. Мнѣ случилось видѣть нѣсколько сихъ списковъ и одинъ изъ нихъ, найденный мною въ 1852 году въ базиліанскомъ, нынѣ православномъ тадулинскомъ монастырѣ, полоцкой епархіи, въ связкѣ подъ № 13, я напечаталъ съ русскимъ переводомъ въ 42 № Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1858 года. Въ настоящемъ году переводъ этотъ перепечатанъ въ № 17 московской газеты День, а въ № 20 сей газеты появилась замѣтка о семъ проэктѣ г. Кояловича. Замѣтку эту, съ другими моими указаніями на дѣйствительность существованія этого обязательнаго проэкта, редакція сочла нужнымъ помѣстить ниже, въ IV Отдѣлѣ. Теперь же замѣчу только, что видѣнный мною въ тадулинскомъ монастырѣ экземпляръ сего проэкта помѣщенъ въ вышесказанной 13 связкѣ вмѣстѣ съ другими бумагами, относящимися къ перепискѣ римской нунціатуры и разныхъ польскихъ духовныхъ сановниковъ съ протоархимандритами базиліянскаго ордена, имѣвшими свою резиденцію въ Витебскѣ. На связкѣ надписано: Litterae Secreta, а внизу Religio. На самомъ же проэктѣ: pro abbato Monaster. Witebsc. an 1758. Тогдашній настоятель тадулинскаго монастыря архимандритъ Сѵмплиціанъ Франковскій (изъ возсоединенныхъ базиліанцевъ) приписывалъ сочиненіе проэкта іезуиту

Алоизію Кулешу (что едва ли правда) и сказывалъ мнѣ, что въ прежнее время списки его находились почти у каждаго настоятеля монастыря и тщательно сохранялись въ настоятельской келліи между самыми важными и секретными бумагами, но послѣ возсоединенія уніатовъ сдѣлались они весьма рѣдкими. Ему случалось видѣть даже печатные экземпляры этого проэкта.

Вышеупомянутая связка съ другими болѣе важными бумагами, въ числѣ коихъ я видѣлъ подлинныя королевскія грамоты, папскіе брéвы, акты базиліанскихъ капитулъ и конгрегацій и проч., тоже находилась въ келліи О. Сѵмплиціана, а не въ общемъ монастырскомъ архивѣ, переданномъ въ послѣдствіи, по распоряженію епархіальнаго начальства, въ полоцкую духовную консисторію, гдѣ, по всей вѣроятности, находится теперь и эта связка древнихъ рукописей.

(Подлинникъ)

Jeżeli całość i bezpieczeństwo państw na wzajemney obywatelów funduie się miłości, miłość zaś nayszczególniey utrzymana bywa iednością wiary: toć my Polacy, chcąc bydź w swoim ocaleni i ubezpieczeni państwie, o jedność w mieszkańcach wiary z naywiększą starać się mamy i powinniśmy usilnością. Że zaś iednośc ta w kraiach Ruskich, tak do Korony iako i wielkiego xięstwa Litewskiego należących,

(Переводъ)

Если цѣлость и безопастность государствъ основывается на взаимной любви гражданъ, а любовь болѣе всего поддерживается единствомъ вѣры, то мы, поляки, желая быть цѣлыми и безопасными въ своемъ государствѣ, должны стараться съ особеннымъ усиліемъ о единствѣ вѣры между обитателями его. А какъ это единство въ русскихъ странахъ, принадлежащихъ коронѣ и великому

naybardziey psować zdaie się, ile w prostym ludzie obrządków różność: zaczem stany królewstwa i każdy w szczególności Polak, ieżeli chce ocalić i ubezpieczyć oyczyznę, ten na siebie włożyć powinien obowiązek, ażeby obrządek Grecki, obrządkowi Łacińskiemu przeciwny, iuż to wzgardą, iuż prześladowaniem, iuż uciśnieniem tenże zachowuiących, iuż innemi, ile bydź może, nayskutecznieyszemi znosił sposobami.

Ja z dawnych Polakow obrządku Łacińskiego maiąc sobie krew przelaną, żądaiąc z serca uszczęśliwienia moiey oyczyzny i większego coraz szerzenia się wiary Rzymskiey Katolickiey, do wykorzenia zabobonnych, lub jakich-kolwiek obrządków Greckich, a wprowadzenia na to mieysce wiary świętey Rzymskiego kościoła, te z moiey strony nay-

княжеству литовскому, повидимому, на столько нарушается на сколько есть разности обрядовъ въ простомъ народѣ,—то чины королевства и каждый въ особенности полякъ, желающій сохранить и обезопасить цѣлость своего отечества, должны вмѣнить себѣ въ обязанность греческій законъ, противный закону римскому, уничтожать: презрѣніемъ, преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ послѣдователей оного, и наконецъ другими сколь возможно дѣйствительнѣйшими средствами.

Происходя отъ древнихъ поляковъ латинскаго закона и желая отъ души благодѣнствія моему отечеству и вящщаго распространенія римско-католической вѣры,— я съ своей стороны признаю и предлагаю всѣмъ истиннымъ ревнителямъ вѣры и отечества къ искорененію суевѣрныхъ, или какихъ бы то ни было греческихъ обрядовъ и къ введенію

skuteczniey sze i nayzbawienniey-sze bydź sądzę i wszystkim prawdziwym wiary i oyczyzny miłośnikom podaię sposoby.

Nayprzód. Tedy, ażeby tak zbawienne i pożądane wykonaliśmy dzieło, mamy się starać z Moskwą zachować niejaką przyjazń, i monarchów tey potencyi przyjaznych na tron Polski wynosić. Ieżeli bowiem pewna, że bardziey nieprzyiaciela, niżeli przyiaciela uważane bywaią czynności: toć i Moskwa będąc nam przyiazną, przyiacielskich naszych kroków, do iakiego zmierzaią celu, uważać nie będzie, i rzeczy bez przeszkody swoim pójdą porządkiem, im z większym naszym wzmocnieniem, i tém z znaczniey-szym Moskwy i całey Rusi osłabieniem.

Po wtóre. Szlachta Ruskiego obrządku chociaż zostaiąca w Unii, a tém bardziey schyzmatycy, do żadnych oyczystych nie

на мѣсто ихъ вѣры святой римской церки нижеслѣдующія средства.

Во первыхъ. Чтобы намъ совершить столь спасительное и вожделѣнное дѣло, мы должны стараться хранить нѣкоторую дружбу съ Москвою и возводить на польскій престолъ такихъ государей, къ которымъ бы расположена была сія держава. Ибо если справедливо, что на поступки врага болѣе обращаютъ вниманіе, чѣмъ на друга,— то и Москва, будучи съ нами въ дружбѣ, не станетъ слѣдить за нашими дѣйствіями къ чему они клонятся, и дѣла безъ помѣхи пойдутъ своимъ порядкомъ: чѣмъ съ большею для насъ пользою, тѣмъ съ значительнѣйшимъ для Москвы и всей Руси вредомъ.

Во вторыхъ. Шляхта русскаго закона, хотя и состоящая въ уніи, а тѣмъ болѣе схизматики (schyzmatycy), не должны быть до-

maią bydź przypusczani urzędów, zwłaszcza tych, na które wyniesieni, mogliby nabyć przyiacioł, przyzbierać fortuny i niejaką powagę sobie, a zaszczyt wszystkim uczynić Rusinom: co na seymach nową, bardziey jak przed tym, obwarować należy Konstytucyą. W szczególności zaś każdy Polak w kompaniach ma stronić od Rusina; w sąsiedstwie żadney z nim, chyba dla swego pożytku, nie zabierać przyjaźni; w dyskursach, przy Rusinie przytomnym, o Ruskich zabobonach naywięcey i nayobszerniey mówić i t. d. A tak upewnić prawie mogę, że każdy woli obrządek odmienić, i wyrzec się, że był kiedyś Rusinem, niżeli tyle umartwienia śmierci rownaiącego się przez całe życie ponosić.

Po trzecie. Maiętnieysi obywatele oyczyzny do żadnych us-

пускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, особенно же къ такимъ, въ которыхъ они могли бы пріобрѣсть друзей, нажить себѣ имѣніе и получить какое либо уваженіе, и за тѣмъ почетъ всѣмъ русинамъ. Это слѣдуетъ ограничить новою, болѣе строгою нежели прежде сеймовою конституціею. Въ особенности же каждый полякъ обязанъ, находясь въ собраніяхъ, чуждаться русскаго, по сосѣдству не заводить съ нимъ никакой дружбы, развѣ для своей выгоды, въ разговорахъ, въ присутствіи русскаго, болѣе всего распространяться о суевѣріи русскихъ и т. п. Послѣ сего я почти могу увѣрить, что каждый лучше захочетъ перемѣнить вѣроисповѣданіе, и отказаться отъ того, что былъ нѣкогда русскимъ, нежели терпѣть всю жизнь огорченія, равняющіяся смерти.

Въ третьихъ. Зажиточнѣйшіе граждане отече-

ług takich, na którychby mogli nabierać oświecenia, Rusinów przyimować nie maią, chyba nadzieję mieć mogą, że swoich obrządków odstąpią: tak bowiem w prostactwie zostaiąc, do wielkiego przyjdą ubostwa i w ostatniey zostaną pogardzie; a zatém, albo w swey nędzy upadać, albo dla jakowey promocyi obrządek odmienić będą musieli.

ства не должны допускать руссиновъ до такихъ услугъ, которыя доставляли бы имъ случай получать просвѣщеніе, развѣ только если имѣютъ надежду, что они отступять отъ своихъ обрядовъ. Такимъ образомъ руссины, оставаясь въ невѣжествѣ, дойдутъ до большей нищеты, и будутъ въ крайнемъ презрѣніи, а слѣдовательно принуждены будутъ или погибать въ своей бѣдности, или перемѣнить для какого нибудь повышенія законъ.

Po czwarte. Że ieszcze znaczna część Rusinów maiętnych w miastach i miasteczkach na Rusi fundowanych znayduie się, i tych do niedostatku i niewiadomości przyprowadzać trzeba, ażeby ani się pieniądzmi ratować, ani rozumem dać rady sobie nie mogli. To zaś w następuiący wykonać można sposób: ieżeli miasta będą w dobrach ziemskich, dziedzice iednym wprowadzeniem żydów i lokowaniem ich w rynku zgubią

Въ четвертыхъ. Какъ въ городахъ и мѣстечкахъ русскихъ находится еще значительное число зажиточныхъ руссиновъ, то и ихъ нужно довести до нищеты и невѣжества, дабы они не могли ни деньгами, ни умомъ помочь себѣ. Этого достигнуть можно слѣдующимъ образомъ: если города находятся въ земскихъ имѣніяхъ,— то владѣльцы однимъ допущеніемъ жидовъ и помѣщеніемъ ихъ въ центръ

rusnaków; ci bowiem przez naturalną żydowską przebiegłość, wszystkie do siebie zagarną zyski, i Ruś w mieście skupiwszy na przedmieście do pańczyzny wyszlą, Ieżeli zaś miasta będą królewszczyzną mianowane, z tych w pomnieyszych mieszkańcy maią bydź, pod różnemi pretextami, od ich-mości starostów do pańszczyzny robienia wyciągani powoli i przyuczani. W niektórych zaś, oprócz wprowadzenia Żydów, dla wyżpomienioney przyczyny, wprowadzić nieco potrzeba Rzymskich Katolików; a potém od przełożeństwa i wszelkiey w mieście zwierzchności, jakiżkolwiek czyniącey profit, odsadzić Rusnaków, samych tylko utrzymuiąc przy tychże Rzymskich Katolików. Iako też i w tém trzeba pilnośc mieć, ażeby wszelkie de-

города, погубять русиновъ, ибо жиды, по природной своей пронырливости, приберутъ въ свои руки всѣ доходы и вытѣснивъ русскихъ изъ города въ предмѣстьѣ вышлютъ ихъ на барщину. Если же будутъ города, такъ называемые *королевщина* — то въ меньшихъ изъ нихъ *старосты* *) исподовольподъ разными предлогами пусть понуждаютъ и пріучаютъ русиновъ къ барщинѣ. Въ нѣкоторыхъ же кромѣ допущенія жидовъ, для вышеупомянутой цѣли, нужно помѣстить хотя не много, римско-католиковъ, а потомъ отстранить русиновъ отъ начальства и всякихъ градскихъ должностей, доставляющихъ какой бы то нибыло доходъ, предоставивъ таковыя только однимъ римско-католикамъ. Равнымъ образомъ нужно имѣть и ту предосторожность, чтобы всѣ декреты и другія

*) Пожизненные владѣльцы королевскихъ, т, е. государственныхъ населенныхъ имѣній, раздаваемыхъ королемъ за заслуги отечеству.

kreta z Magdeburgii i inne pisma po Polsku, a nie po Rusku wychodziły; a tak Rusnacy większi, jak byli, prostacy zostaną i żadney w miastach nie będą mieli ani mocy, ani powagi.

Po piąte. Naytrudnieyszy w tey zbawienney osnowie do rozwiązania węzeł, są władykowie i popi, z których potrzeba pierwszych zaslepić, żeby nie wiedzieli wszystkiego, a drugich obarczyć, żeby się ani w górę wznosić, ani myślić, lub czynić, coby chcieli, nie mogli. W tym i w drugim punkcie naszym jak z władykami, jak z popami postąpić trzeba, wyrażę sposoby. Władykowie oprócz tego, jako warowano dawniey konstytucyią, że powinni bydź szlachta, maią bydź nominowani tacy, którzyby z familią Rzymskiego obrządku spokrewnionomi byli, ażeby tym swiadcząc i za życia wielkich nie zbieraliby dostatków,

бумаги, выходящія изъ Магденбургіи, были писаны на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ, чрезъ это русскіе сдѣлаются еще большими невѣжами, и не будутъ имѣть въ городахъ никакой силы, низначенія.

Въ пятыхъ. Самый трудный для разрѣшенія, въ этомъ спасительномъ проэктѣ узелъ, составляютъ владыки и попы, изъ коихъ первыхъ нужно ослѣпить, чтобъ не могли всего видѣть, а вторыхъ стѣснить, дабы немогли ни повышаться, ни думать, ни дѣлать, что пожелаютъ. Какъ слѣдуетъ поступать, въ томъ и другомъ отношеніи съ владыками и съ попамы—изложу слѣдующія средства. Владыкъ,—кромѣ того, что они согласно съ древними конституціями должны быть изъ шляхты,— слѣдуетъ назначать изъ такихъ, которые находятся въ родственныхъ связяхъ съ фамиліями римскаго вѣроисповѣданія, дабы помогая симъ послѣднимъ, при

i co po ich śmierci pozostanie, nie Rusnakom, ale Polakom dostało się w sukcessyi. Nad to, my i sukcesserowie nasi nigdy nie mamy dopuszczać biskupom Ruskim miesczenia się w senacie, żeby swemu obrządkowi nie czynili powagi; o promocyą swoich Rusinów nie starali się; dystyngwowanych i wziętych w oyczyznie osób nie iednali sobie przyjazni; a naybardziey, co do teraznieyszey sciąga się materyi, żeby i myślą tego nie dociekli, co względem ich i całey Rusi, w subtelności proiektować się i wykonywać będzie.

жизни не собирали бы большихъ богатствъ, и то, что останется по ихъ смерти доставалось бы въ наслѣдство не русинамъ, но полякамъ. Сверхъ того, мы и преемники наши никогда не должны допускать русскихъ епископовъ къ засѣданію въ Сенатѣ, чтобы они не доставляли своему вѣроисповѣданію никакого значенія, не заботились о повышеніи своихъ русиновъ и не заводили дружбы съ почетными и знатными въ отечествѣ лицами, а болѣе всего, что касается до настоящаго предмета, чтобы они и догадаться никакъ немогли, что подобный проэктъ въ разсужденіи ихъ и цѣлой Руси предпринимается и выполняется.

Po szóste. Ichmość wielebni biskupi nasi wszyscy w pospolitości, wziąwszy się, iak mówią, za ręce, maią to powoli, z usilnym wykonywać staraniem ażeby władykowie suffraganów

Въ шестыхъ. Всѣ вообще преосвященные наши епископы, взявшись, такъ сказать, за руки, должны исподоволь, но съ усиленнымъ стараніемъ достигать того, чтобы владыки имѣли только титулъ ви-

tylko tytuł mieli, pod taką dependencyą i zwierzchnością zostając, ażeby oni i ich popi od naszych prałatów wizytowani, a w nieprzystoynościach publicznie karani i w zabobonach swoich przestszegani byli. Tak bowiem władykowie przeciwić się wszystkiemu tyle nie bedą mieli mocy, i pospolstwo przyuczone do zwierzchności Rzymskiey, łatwiey się w czasie do odstąpienia nayessencionalnieyszych swoich nakłoni obrządków.

карiевъ, дабы такимъ образомъ, состоя подъ такою зависимостiю и властiю, они и ихъ попы подвергаемы были ревизiи нашихъ прелатовъ, за непристойное поведенiе были бы публично называемы и отъ суевѣрiй были бы отклоняемы, ибо такимъ образомъ владыки не будутъ имѣть довольно силы противиться всему этому а народъ, будучи понуждаемъ римскимъ начальствомъ, удобнѣе склонится къ тому, чтобы отступить отъ существеннѣйшихъ своихъ обрядовъ.

Po siódme. Popi jak naywięksi są czasów naszych prostacy, w pieżém niebiegli, nieukowie, i takiemi jeżeli nazawsze zostaną, nie będzie to przeszkadzać, ale owszem dopomagać do łatwieyszego wykonania skutkiem proiektu tego. W niedoskonałości bowiem i niewiadomości będąc, ani początku swoich obrządków, od kogo i kiedy postanowione,

Въ седьмыхъ. Попы въ наши времена большiе невѣжы, неспособные, неучи и если они таковыми на всегда останутся, то это не помѣшаетъ, а еще болѣе будетъ способствовать къ удобнѣйшему выполненiю сего проэкта. Ибо они, будучи оставлены безъ образованiя, и въ невѣжествѣ, не въ состоянiи будутъ ни знать начала своихъ обрядовъ,

wiedzieć, ani przyczyn, dla których są do kościoła Ruskiego wprowadzone, poznawać, ani ludzi, że te prawdziwie od świętych Oyców Greckich pochodzą, nauczać, ani jaśnie i dowodnie, że są w niczém nieodmienione i niezabobonne, probować, ani nakoniec ich zniesieniu sprzeciwiać się rozumnie nie będą mogli. Do utrzymania zaś ich, arcy nam potrzebnego, w tey grubey ciemności środek nayskuteczniey szy bydź rozumiem ubostwo, w którym jak dotąd zostawali, tak z niego i niewydobędą się nigdy, jeżeli z niemi w ten sposób postąpiemy sobie. Nayprzód tedy trzeba, żeby kollatorowie żadnych nie czynili dla cerkwiej funduszów i żadnych nie dawali erekcyj, z przyczyny, że każdy święcący się na popa musi sobie grunt ten kupić, dla żywienia siebie i familii, któ-

кѣмъ и когда они установлены, ни понимать причинъ, по которымъ они введены въ русскую церковь, ни научать народъ, что обряды эти дѣйствительно происходятъ отъ греческихъ св. отцевъ, ни ясно и доказательно изслѣдовать, что они ни въ чемъ не измѣнены, не суевѣрны, ни наконецъ оказать разумное сопротивленіе при ихъ уничтоженіи. А для того, чтобы къ удержанію поповъ, въ этомъ весьма для насъ вожделенномъ грубомъ невѣжествѣ, я считаю самымъ дѣйствительнымъ средствомъ бѣдность, въ которой они какъ доселѣ оставались, такъ изъ оной никогда не выйдутъ, если станемъ поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: *во первыхъ* нужно, чтобы ктиторы не дѣлали въ пользу церквей никакихъ записей, ни *эрекцій* (*) для того, чтобъ новопосвященный попъ привужденъ былъ,

(*) иначе Фундушъ, учрежденіе, дарственная запись на земли и угодія въ пользу церкви.

rego używał iego antecessor; ani tak przedaiący podpadać będą simonii, jak mię Teologowie nasi nauczyli. Po wtóre: ieżeli się gdzie dawne znayduią erekcye, to w takich mieyscach od maiących się swięcić, maiący jus praesentandi, przy daniu prezenty brać mogą pieniądze bez żadnego skrupułu, nie za prezente (żeby nie było iakie rzeczy Bogu poswieconych przedanie), ale żeby zaraz w początku zostawić popka w niedostatku, aby sobie książek zabobonnych i schyzmatyckich nie miał za co kupić. W daney zaś prezencie nie maią się wyrażać grunta specifice, gdyżby takie prezenty za erekcye stanęły, ani też wszystkie wolności, jakie maią nasi księża; dosyć będzie w ten sposob, iak mi się zdarzyło czytać pewną kopią: «Ja N N prezentuię N. N., uwalniaiąc od wszelkich powinności dworskich,

для прокормленія себя и своего семейства, самъ купить ту землю, которою владѣлъ его предмѣстникъ и продающіе подобнымъ образомъ не будутъ подвергаться симоніи, какъ учили меня наши богословы; *во вторыхъ* если гдѣ находятся древнія эрекціи, то и тамъ имѣющіе право на *подаванье* (**) при выдачѣ *презенты* (***) могутъ брать деньги отъ поступающихъ въ священники, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти не за презенту, (чтобы это не имѣло вида продажи посвященныхъ Богу вещей) но дабы тутъ же, въ самомъ началѣ, поставить *попишку* въ невозможность запастись схизматицкими и суевѣрными книгами. Въ выданной же презентѣ не слѣдуетъ подробно означать земель, ибо таковыя презенты могли бы замѣнить эрекцію, и не упоминать о всѣхъ тѣхъ свободахъ (льготахъ), какія имѣютъ наши ксендзы; достаточто только

(**) Jus patronatus.

(***) Подавательный, одобрительный листъ.

podorozczyzny i d. d.» Tak to rozumnie nieśmiertelney godni chwały Polacy starszy, przodkowie nasi czynili; dla tegoż ieżeli niewięcey, to równie, albo mało co mniey z popa, iak i z chłopa profitowali. Niegodziło się bowiem nigdzie popkowi brać wódki, tylko u żyda arendarza, krórą gdy żyd na drodze przeiąwszy wytrząsł, albo w domu znalazł, zkąd indziej przywiezioną, wołów zaraz parę z obory popowey wyprowadzał. Niewolno było zmleć, tylko w wyznaczonym sobie młynie: krórą ustanowę gdyby popek przestąpił, żyd odbiwszy komorę, lub spiżarnię, mąkę i wszystkie legominy zabieral. Temi i tym podobnemiż środkami nasi przodkowie wiele schyzmatyków do iedności kościoła przymusili; jakich i my uyżwaiąc, resztę, da Bóg, poczyniemy unitami, a potém wszystkich na Rzymskich

составлять ихъ такимъ образомъ, какъ я читалъ одну копію: «я N. N. даю презенту N. N., освобождая отъ всякихъ повинностей господскихъ, *подорожчизны*, *) и проч.» Съ такимъ то благоразуміемъ поступали древніе поляки, предки наши, достойные безсмертной славы, а потому, если не болѣе, то наравнѣ или мало чѣмъ меньше, получали дохода отъ попа какъ и отъ мужика; ибо попишкѣ нигдѣ не позволено было брать водку, какъ только у жида шинкаря, и если жидъ ловилъ попа съ водкою на дорогѣ или отыскивалъ у него въ домѣ привезенную изъ другихъ мѣстъ, — то тотчасъ выводилъ изъ хлѣва поповскаго пару воловъ, попу запрещенно было молоть хлѣбъ на другой какой-либо мельницы, кромѣ указанной, и въ случаѣ, если бы попишко нарушилъ это постановленіе, то жидъ разбивши анбаръ

(*) Пошлина, взимаемая съ обывателей на починку дорогъ.

przerobiemy Katolików. Będzie i to sprawie naszey pomagać wiele, ieżeli popom poddanych naszych ździerać i z nich wspómagać się nie pozwolemy. W szczególności tedy ekonomowie i administratorowie dóbr, ieżeli śmierć kogo do innego przeniesie życia, powinni będą do siebie sukcessorów zawołać zmarłego gospodarza, i naznaczyć im, co od pochowania zapłacić maią; a gdy pop wyznaczoną kwotą kontentować się nie będzie i zmarłego pogrzebać nie zechce, niech gromada do iego rezydencyi zaniesie trupa. Tak i od innych administrowania sakramentów cene popowi dwór naznaczać powinien. Co gdy skutek swóy wezmie, przeszkodziemy popom, że koni, wołów, krów, ruchomości legowanych, a czasem i wymogłych od chłopów brać nie będą; przeszkodziemy wszelkim jch wyderkaffom i zdzierstwom, tak za sacramenta, jako i za

или кладовую, забиралъ муку и все съѣстное. Этими и подобными средствами предки наши многихъ схизматиковъ заставили обратиться въ унію. Употребляя и мы сіи средства, успѣемъ, при помощи Божіей, перевесть и прочихъ по крайней мѣрѣ на униатовъ, а со временемъ всѣхъ обратить въ римскихъ католиковъ. Дѣлу нашему будетъ споспѣшествовать и то, если мы воспретимъ попамъ обирать нашихъ крестьянъ, и посредствомъ ихъ обогащаться. Въ семъ случаѣ и экономы и управители имѣній, если смерть переселитъ кого-нибудь въ другую жизнь, должны призвать къ себѣ наслѣдниковъ умершаго хозяина и опредѣлить имъ, что они должны будутъ заплатить за погребеніе: если же попъ назначаемымъ вознагражденіемъ не будетъ доволенъ, и умершаго погребать не станетъ,—то община пусть занесетъ трупъ

zmyślone ich sacramentalia; a tém samém zostawiemy ich w takim niedostatku, że i sukni przystoyney, tém bardziey pyszney sprawiać za co nie będą mieli: coż dopiero w potrzebie opatrzywać się w książki, albo, co większa, dzieciom swoim dawać dobrą edukacyą? Bo na tych wyderkaffach i na pracy rąk wszelkie ich dochody, fundusze i wszelkie do życia zostaią sposoby. W pospolitości zaś wszyscy mamy się starać na seymach, i podać ten ichmosciom wielebnym biskupom naszym proiekt, ażeby synodaliter, co od którego sakramentu każdy płacić ma, postanowili, i obowiązali episkopów, ażeby protopopow czyli namiestników obwieścili, jaką się kwotą, i za co, ma i powinien pop kontentować. Temi tedy postępuiąc sposobami, w pożytecznym nam, a Rusinom nieznosnym ubostwie utrzymamy popów, i nadto jeszcze ziednamy ku sobie, przez te pod-

ему на дворъ. Тоже за совершеніе и прочихъ требъ *дворъ* (экономія) долженъ назначать самую ничтожную плату — чѣмъ воспятствуемъ попамъ брать съ крестьянъ лошадей, коровъ, воловъ и недвижимое имущество, отказываемое по завѣщанію, а не рѣдко и вынужденное; прекратимъ всякія ихъ поборы и грабѣжи какъ за таинства, такъ и за вымышленные ими обряды, а чрезъ то доведемъ ихъ до такой бѣдности, что они не въ состояніи будутъ имѣть приличной и тѣмъ болѣе богатой одежды. Какъ же послѣ того, находясь въ нуждѣ, будутъ они запасаться книгами, или, что важнѣе, давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе. Ибо эти поборы и труды ихъ рукъ составляютъ источникъ всѣхъ ихъ доходовъ, всего имѣнія и всѣхъ средствъ къ жизни. Вообще же всѣ мы должны стараться предложить на сеймахъ римско-

błażania, przychylność, a ku popom nienawiść chłopów naszych, i łatwiey ich przychylnych na swoiey, kiedy zechcemy, obaczemy stronie.

католическимъ епископамъ нашимъ сей проэктъ, чтобы они соборомъ (synodaliter) постановили, сколько и за какія требы должно платить русскимъ попамъ, и обязали бы епископовъ, чтобы предписали протопопамъ или намѣстникамъ, чѣмъ и за что долженъ довольствоваться попъ. Поступая такимъ образомъ, мы удержимъ поповъ въ полезной для насъ, а для русиновъ, несносной нищетѣ и сверхъ того возбудимъ еще въ крестьянахъ, посредствомъ таковой потачки, приверженность къ себѣ, а къ попамъ ненависть, чѣмъ удобнѣе и преклонимъ ихъ, когда ни захотимъ на свою сторону.

Po ósme. Familie popów maią bydź ze wszystkim do zwierzchności dworskiey pociągane, i za naymnieysze wykroczenie, lub sprzeciwienie się, dla większego ich poniżenia, surowiey karane.

Въ осьмыхъ. Семейства поповъ во всемъ должны подлежать суду дворовой экономіи и для большаго ихъ уничиженія за каждый малѣйшій проступокъ или неповинове-

Tudzież ogłaszać potrzeba, że synowie każdego popa, vulgò popowicze zwani, oprocz iednego, który na mieysca oyca swego ma bydź popem, od poddaństwa nie są wolni; że niemaią w miastach wolnych osiadać, ani też z iednego mieysca na drugie przenosić się. Gdy zaś rozumnemi stawszy się, wiary tym zwyczaynym bezfundamentalnym powieściom dawać niebędą; będzie należało postanowić konstytucyą (pod pretextem jakoby pociągania ich do cwiczenia się w naukach), na przykład, taką: «którzy z popowiczów nie będą doskonale uczeni, niech będą wiecznemi panów swoich poddanemi.» Że zaś maią wstęp wolny do szkół naszych publicznych, jak wszystkie dzieci szlacheckie, więc szlachta ma ich prześladować. Oycowie nieznacznie podadzą na to sposób, w czém nauczyciele, iako rozumní (wiem bo i sam doświad-

ніе слѣдуетъ наказывать ихъ строже. Кромѣ того нужно разглашать, что сыновья поповъ называемые обыкновенно поповичами, исключая одного, который поступаетъ на мѣсто отца, отъ крестьянства неосвобождаются и что они неимѣютъ права поселяться въ вольныхъ городахъ и переходить на жительство изъ одного мѣста въ другое. Когда же они сдѣлавшись умнѣе не станутъ вѣрить симъ неосновательнымъ слухамъ, то нужно будетъ сдѣлать таковое напр. постановленіе (подъ предлогомъ, будто бы понужденія ихъ къ ученію), что тѣ изъ поповичей, которые недостигнутъ полнаго образованія, пусть навсегда остаются крестьянами своихъ господъ помѣщиковъ. А какъ они имѣютъ свободный доступъ въ наши публичныя училища, подобно всѣмъ шляхетскимъ дѣтямъ, то шляхта должна ихъ преслѣдовать. Отцы незамѣтнымъ обра-

czyłem), nie tylko dyssymulować będą, ale nawet i sami pomogą prześladować. Niech zaś nikt nie sądzi za rzecz przyzwoitą wszystkim im szkół zabraniać, z przyczyn: 1°, że szlachetne dzieci, iak zwyczay bywa, w buyney młodości pobłądziwszy w czém i wykroczywszy, błąd i wykroczenie złożyć będą mogli na Rusinów. 2°, że Rusnakowie, od księży naszych dobrze oświeceni, lud bardziey w tym obiaśniać będą: że Rzymskie sacramenta są tak ważne iako i Ruskie; że się te obrządki ieden drugiemu nie przeciwiaią; że wiara Rzymska z Grecką iedna. Co wszystko w czasie do łatwieyszego upartych umysłów Ruskich nakłonienia pomodź może.

зомъ подадутъ къ тому средство, наставники, какъ люди умные (знаю, ибо и самъ испыталъ), не только не станутъ препятствовать сему, но и сами даже помогутъ преслѣдовать. Впрочемъ, пусть никто не думаетъ, что было бы полезно запрещать *всѣмъ* поповичамъ поступать въ училища, отъ того во 1-хъ, что дѣти шляхты, сдѣлавши какой либо проступокъ или шалость, какъ обыкновенно водится въ буйной молодости, могутъ свалить на русиновъ, во 2-хъ, что русины, будучи хорошо наставлены нашими ксендзами, въ состояніи будутъ лучше увѣрять народъ, что римскія таинства столько же важны и дѣйствительны, какъ и русскія, что эти два обряда одинъ другому не противорѣчатъ, и что римская вѣра съ греческою одна и таже; — а это все, съ теченіемъ времени, къ удобнѣйшему преклоненію упорныхъ умовъ русскихъ послужить можетъ.

Po dzeiwiąte. Ieżeliby zaś, fato aliquo, czego się nie spodziewam, Rusnacy przyszli do należytey doskonałości; w ten sposob zda się nam z niemi postąpić, to iest: wmawiać tych, którzy chcą bydź w stanie duchownym, ażeby bezżenne prowadzili życie, i czynić im zacnieysze nad innych, uszanowanie, większe dawać wolności pomnażać dochody i t. d. A gdy tak wszyscy zabieraiący się do kapłaństwa, bezżennego chwycą się życia, pod ten czas zupełny zamysłów naszych odbierzemy skutek. Albowiem kiedy bezżenni popi umierać będą, zbędzie na takich którzyby ich zastępowali mieysca: chłopskim synom zabroniemy uczyć się, popowiczów nie będzie, szlachty też nizkiey mało, i to prastota; przyjdzie tedy na to, że obrządku naszego Rzymskiego plebanów naznaczać będziemy. Więcey też nam niepotrzeba.

Въ девятыхъ. **Но если бы по какому нибудь случаю (чего впрочемъ не надѣюсь) русскіе достиѓли надлежащаго образованія, то слѣдуетъ, кажется, поступать съ ними такимъ образомъ: тѣхъ, которые захотятъ оставаться въ духовномъ званіи, уговаривать, чтобы они вели жизнь безбрачную, и оказывать симъ болѣе, нежели другимъ уваженія, давать болѣе свободы, увеличивать доходы и проч. Когда такимъ образомъ всѣ поступающіе во священники съ охотою станутъ избирать жизнь безбрачную, тогда намѣренія наши вполнѣ достигнутъ своей цѣли; ибо, по смерти безбрачныхъ священниковъ, некому будетъ заступать ихъ мѣста: мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ запретимъ учиться, поповичей небудетъ, мелкой шляхты немного и та безъ всякаго образованія; и такъ, дѣло дойдетъ до того, что мы станемъ опредѣлять**

Po dziesiąte. Naybardziey z siebie uparci, i drugich w uporze utrzymuią Rusnacy de plebe, pisma swoie czytać umieiący: znieść tedy w nich przyczynę uporu, a tak i upor sam ustać musi. W czém łatwo sobie poradziemy Polacy, kiedy zabroniemy uczyć się po szkołach przy cerkwiach będących chłopskim synom. Z czego nie tylko wyżwyrażony pożytek mieć będziemy, ale nad to tym sposobem ochroniemy się szkody, krórą częstokroć w poddąnych ponosić musiemy. Wyuczony bowiem chłopek w prostey wieśniackiey szkołce, z pod własnego pana o mil kilkadziesiąt uciekaiąc, wolności szuka; na co woiewództwa Ruskie, Wołyńskie, i Bracławskie z ziemiami do siebie przyległemi

на сіи мѣста своихъ приходскихъ священниковъ (plebanow) нашего римскаго обряда; больше же намъ ничего и не нужно.

Въ десятыхъ. Болѣе всѣхъ непреклонны, это міряне изъ простаго русскаго народа, умѣющіе читать свои книги: стоитъ только уничтожить причину этого упрямства, то и упрямство само собою уничтожится. Этого намъ полякамъ легко достигнуть, если запретимъ крестьянскимъ сыновьямъ учиться въ школахъ, находящихся при церквахъ. Отъ чего не только получимъ вышесказанную пользу, но, кромѣ того, предохранимъ себя отъ убыли въ крестьянахъ, что не рѣдко мы испытываемъ, ибо мужичекъ, выучившись въ простой сельской школѣ, уходитъ отъ своего господина за нѣсколько десятковъ миль и ищетъ свободы, на что жалуются воеводства русскія, волынскія и брацлавскія съ прилежащими къ нимъ

użalaią się. Powinniby tedy w instruktarzach swoich ekonomowie i adminisrtatorowie mieć zalecenie pilnego przestrzenia, ażeby się chłopskie dzieci nie do książek, lecz do pługa, sochi, radła, cepa przyzwyczaiali.

Po iedynaste. Dla łatwieyszego potępienia w czasie Rusnaków, wszystkie trafiaiące się w obrządkach ich nieprzyzwoitości, zelżywe słowa i postępowania przeciw Rzymianom, częste popów historye (a które między tak wielką ich liczbą znaleźć nietrudno) w osobny regestr by zanotować należało, ażeby gdy ten proiekt do swego skutku przychodzić będzie, świat widział słuszne przyczyny tey czynności Polaków. Gdyby zaś na tych prawdziwych tłumiących Rusinów zbywało zarzutach (co między naymędrszym nawet i naylepszym bydź niemoże ludem), skuteczna będzie na poparcie zamysłów

землями. Посему экономы и управители должны бы имѣть въ своихъ инструкціяхъ приказаніе строго наблюдать за тѣмъ, чтобы русскія крестьянскія дѣти пріучиваемы были не къ книгамъ, но къ плугу, сохѣ, ралу и цепу.

Въ одинадцатыхъ. Для лучщаго современемъ обличенія русиновъ, слѣдовало бы собрать и отмѣтить въ особомъ спискѣ всѣ встрѣчающіяся въ ихъ обрядахъ несообразности, оскорбительныя слова и дѣйствія противъ римлянъ, частыя похожденія поповъ (которыя между такою мхъ многочисленностію пріискать не трудно), дабы когда этотъ проэктъ будетъ приводится въ исполненіе, міръ увидѣлъ справедливыя причины къ таковымъ дѣйствіямъ поляковъ. Но если бы въ таковыхъ осуждающихъ русиновъ дѣйствительныхъ обличеніяхъ оказался недостатокъ (чего быть неможетъ въ самомъ

naszych, pięknie ułożone na nich rozgłosić fikcye; a skutecznieysza jeszcze, pod popów, da i samych ich władyków imieniem, stosuiąc się do przyzwoitości czasu, szkodliwe Rzeczypospolitey, szkodliwe imieniu Polskiemu, szkodliwe wierze Katolickiey rozrzucić sekretnie Ruskie pisma. Byłoby to wielkim swoich czasów na zniesienie w Polszcze Greckiey religii dokumentem, i mocnym tak stanu duchownego, jako i świeckiego, tak senatorów, jako i rycerstwa, do wykonania zbawiennego dzieła zachęceniem.

даже просвѣщенномъ и лучшемъ народѣ), то полезно будетъ, къ подкрѣпленію нашихъ замысловъ, разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы, а еще полезнѣе секретно распространять отъ имени ихъ поповъ, или же самыхъ владыкъ, русскія сочиненія, вредныя Рѣчи-посполитой, имени польскому и р. католической вѣрѣ. Это служило бы въ свое время не маловажнымъ поводомъ къ уничтоженію въ Польшѣ греческой религіи, и сильнымъ побужденіемъ какъ для духовнаго, такъ и для свѣтскаго состоянія, какъ для сенаторовъ, такъ и для рыцарства къ выполненію дѣла.

Po dwunaste. Po uczynionych tych przez czas umiarkowany przygotowaniach, rzeczy nie maią się czynić raptownie, nie wszędzie razem, owszem, ani na wielu miejscach. Potrzeba zacząć w zakątach kraiów, gdzie więcey Katolików, iak Ru-

Въ двѣнадцатыхъ. Когда эти приготовленія будутъ исподоволь совершены, этого дѣла не слѣдуетъ вдругъ приводить въ исполненіе и одновременно во многихъ мѣстахъ, но постепенно нужно начать съ тѣхъ уголковъ страны, гдѣ болѣе р. католиковъ чѣмъ

sinów, a zacząć nie bez przyczyn: zadaiąc, na przykład, popom złe życie, gorszące obyczaje nieumieiętność, albo niepilność w nauczaniu wiary, niedbalstwo w administrowaniu do zbawienia potrzebnych sakramentów, i inne tym podobne absurda. A tak powoli, rostropnie i mądrze, gdy na niektórych, mieyscach, już to zachęceniem, już zdradą, już postrachem, Rusnaków przemieniemy na Rzymian, poydzie nie praejudicium, że za łaską Boga, kray cały w Rzymskie, z wszystkich pożądaniem, zakwitnie obrządki.

Po trzenaste. Że zaś lud Ukrainski, Podolski, i Wołyński przy swoiey obstaiąc wierze, gotów podiąć rebelią; w takowych przypadkach, jeżeli łatwo wyzabiiać nie będzie można, ani też małością woysk Polskich

русиновъ, и притомъ, начинать не безъ причины, а напр., уличая поповъ въ дурномъ поведеніи, въ соблазнительномъ образѣ жизни, въ незнаніи или неприлежаніи въ ученіи вѣры, въ нерадѣніи при совершеніи нужныхъ для спасенія таинствъ и въ другихъ симъ подобныхъ несообразностяхъ. Такимъ образомъ постепенно, съ осмотрительностію и благоразуміемъ, когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощреніемъ, то обманомъ то угрозою, передѣлать русиновъ на римлянъ, то, безъ предосужденія дойдетъ дотого, что по милости Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, процвѣтутъ римскіе обряды.

Въ тринадцатыхъ. Но такъ какъ народъ украинскій, подольскій и волынскій, отстаивая свою вѣру, готовъ взбунтоваться, то въ такомъ случаѣ, если трудно будетъ перебить, или, по не многочисленности польскихъ войскъ, усмирить

powstrzymać buntuiących się, odżałować powinna Rzeczpospolita tey szkody: wszystkich takowych zelantów Tatarom oddać na usługi, prędko ich jak swoich schwytaią; a kray pozostały ludem Polskim i Mazowieckim osadzić. Ani tu sądzić należy, żeby Moskwa za Rusnakami, kiedy już Unitami zostaną, miała się interessować. Wiedzieć bowiem potrzeba, że Unitów w większey, jak nas, maią nienawiści, i radziby ich za odstąpienie schyzmy w nayw iększym widzić nieszczęściu, ale choćby i przychilna była Unitom Moskwa, tak ją, jak zechcemy, dla nich uczynić możemy. Temi tedy i tym podobnemi stopniami z Rusnakami postępuiąc, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud królewstwa Polskiego w zobopolney miłości, zgodzie i iedności zostawać będzie; że Polska szanownieysza, mocnieysza i postronnym strasznieysza stanie się;

бунтующихъ, республика не должно жалѣть той потери, если всѣхъ таковыхъ ревнителей отдасть въ рабство татарамъ:—они скоро переловятъ ихъ, какъ своихъ,— а оставшійся послѣ нихъ край заселитъ народомъ польскимъ и мазовецкимъ. Нечего въ семъ случаѣ, и думать, чтобъ Москва интересовалась русинами, когда они уже сдѣлаются уніатами; ибо нужно знать, что уніатовъ, болѣе нежели насъ ненавидятъ (русскіе) и рады бы видѣть ихъ, за отступленіе отъ схизмы въ крайнемъ бѣдствіи, но хотя бы Москва и расположена была къ уніатамъ, все же мы можемъ сдѣлать ее для нихъ такою, какою захотимъ.

Поступая такимъ образомъ съ русинами, мы, безъ всякаго сомнѣнія, достигнемъ со временемъ того, что народъ польскаго королевства утвердится во взаимной любви, согласіи и единствѣ, и что Польша сдѣлается почет-

że religia Rzymska katolicka więcey jak mil 160 wszerz i wzdłuż zakwitnie; słowem, że wszyscy mocni i ocaleni zostaniemy.

Tu przy końcu, i tę maxyme uważamy że jako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od Moskwiewskiey schyzmy, lub za powróceniem do teyże, zdałaby się grozić upadkiem Polszcze; tak, gdy ją przemieniemy na Rzymian, odbierzemy nayprzód nadzieię Moskalom jey odzyskania; potém ściśle z nami złączoną, uczyniemy Moskwie nieprzyiazną, Co day Boże. Amen.

нѣе, сильнѣе и страшнѣе для иностранцевъ, что римско-католическая религія процвѣтетъ на пространствѣ болѣе 160 кв. миль, словомъ, что всѣ мы сдѣлаемся сильными и будемъ внѣ всякой опастности.

Здѣсь подъ конецъ замѣтимъ, что такъ какъ Русь, будучи оставлена при своемъ законѣ, или въ слѣдствіе отступленія отъ московской схизмы, или вслѣдствіе возвращенія къ оной, сталабы грозить Польшѣ паденіемъ,— то если передѣлаемъ ее въ римлянъ, — лишимъ сначала Москву надежды когда либо возвратить оную, а потомъ тѣсно связанную съ нами сдѣлаемъ ее непріязненною Москвѣ. Что дай Богъ. Аминь.

№ 3.

Подлинникъ.

SUPPLICIUM ad Reipublicae Polonicae Status cleri Ruthenici, de annihilanda constitutione, qua filii parochorum orthodoxorum unitorumve coacti fuerunt ad eligendum statum subditatis. (*)

Synowie kapłanów Ruskich od początku wiary swiętey Katolickiey na Rusi, wolni zawsze byli w obieraniu sobie stanu, y do duchowney tylko jurisdykcyi należali; a to na fundamencie praw y przywilejów, od xiążąt Ruskich, *a*) Włodzimierza swiętego y Daniela króla Halickiego, syna xiążęcia Lwa, *b*) Witołda y królów Polskich dziedziców, *c*) Władysława, *d*) Kazimierza, *e*) Alexandra nadanych, a od *f*) Zyg-

Переводъ.

ПРОШЕНIЕ русскаго духовенства Чинамъ польской Рѣчи Посполитой объ отмѣнѣ конституцiи, по силѣ которой сыновья священниковъ православныхъ и унiятскихъ принуждены были вступать въ крѣпостное состоянiе. 1766 г.

Отъ начала святой р. католической вѣры на Руси, сыновья русскихъ священниковъ всегда пользовались свободою въ избранiи рода жизни и подлежали только духовному суду. Этими привиллегiями они пользовались на основанiи правъ данныхъ: *а*) Владимiромъ Св. и Даниломъ королемъ галицкимъ, сыномъ князя Льва, *b*) Витольдомъ и польскими королями: *с*) Владиславомъ, *d*) Казимiромъ и *е*)

(*) Этотъ документъ перепечатанъ изъ книги Suplementum ad Histor. Russiae monumenta.. изд. Археограф. Коммиссiею, стр. 226—230., а въ рукописи находится въ Сvнод. Архивѣ, въ отдѣленiи архива б. унитскихъ митрополитовъ. Помѣщается здѣсь въ доказательство выполненiя на самомъ дѣлѣ вышесказаннаго проэкта.

munta I-go, *g*) Zygmunta III-go, *h*) Jana Kazimierza potwierdzonych, od prześwietnych zaś stanów Rzeczypospolitey na konfederacyach generalnych Warszawskich, *i*) roku 1648 y 1668, konstytucyami approbowanych, potym na seymach szczęśliwey koronacyi Michała roku 1669, Jana III, roku 1674, królów Polskich, dla wieczney pamięci y zupełnieyszego upewnienia konfirmowanych, a *k*) przez Diplomata Augusta II y Augusta III królów, dla wzbudzenia w poddaństwie wdzięczney pamięci odnowionych y stwierdzonych.

A że na seymie konwokacyjnym, w roku teraznieyszym 1764, stanęła konstytucya na synów kapłanów Ruskich, z uchyleniem praw im służących, w terminach explikacyi y rezolucyi wszystkich stanów nayiaśnieyszey Rzeczypospolitey potrzebuiąca:

Александромъ; подтвержденныхъ *f*) Сигизмундомъ I, *g*) Сигизмундомъ III, *h*) Яномъ Казиміромъ; одобренныхъ *i*) Конституціями свѣтлѣйшихъ чиновъ Рѣчипосполитой на генеральныхъ варшавскихъ конфедераціяхъ 1648 и 1668 г., потомъ *k*) конфирмованныхъ на вѣчную память и для большаго удостовѣренія на сеймахъ, бывшихъ по случаю счастливой коронаціи польскихъ королей: Михаила 1669 г., Яна III 1674 г.; и наконецъ, для возбужденія въ подданныхъ благодарнаго воспоминанія возобновленныхъ и скрѣпленныхъ дипломами королей Августа II и Августа III.

А такъ какъ на конвокаціонномъ Сеймѣ 1764 года состоялась противъ сыновей русскихъ священниковъ конституція, нарушающая принадлежащія имъ права и требующая, со стороны свѣтлѣйшихъ чиновъ Рѣчи посполитой изъясненія и

wiedzieć potrzeba, że dołożono w tey konstytucyi 1) synów kapłańskich plebeae conditionis, sine servitio et artificio zostaiących; 2) którzyby się do lat pietnastu w szkołach, lub rzemiesle nie appikowali, ad subditatum należeć maią; 3) nawet którzyby po skończonych naukach, do stanu duchownego nie aspirowali; ani do cechów nie inkorporowali się każdy w poddaństwie zostać powinien.

Co do pierwszego punktu, to wiedziec należy, że kapłany Ruscy z czworakiey są kondycyi: jedni z rodowitey szlachty, drudzy z mieyskiey wolney; inni z duchowney dawney succesive pochodzący; inni z poddańskiey, którzy od własnych dziedziców przed poświęceniem, manumissyą od poddaństwa cum descendentibus suis odbieraią. Także z synów kapłańskich, od początków

разрѣшенія опредѣленій, то нужно знать, что въ конституціи сей изображено; 1) священническіе сыновья, остающіеся безъ *службы и промысла*, должны принадлежать къ *сословію черни;* 2) тѣ которые до 15 лѣтъ не обучались ни въ школахъ, ни ремеслу, должны быть *въ крѣпостномъ состояніи* (въ крестьянствѣ); 3) даже, еслибы кто изъ нихъ по окончаніи наукъ не принялъ духовнаго званія или не вписался въ цехи, то долженъ остаться въ крестьянствѣ.

Что касается перваго пункта, то надобно знать, что русскіе священники происходятъ изъ четырехъ сословій: одни изъ природной (потомственной) шляхты, другіе изъ свободнаго городскаго сословія, иные изъ сословія *наслѣдственно* происходящаго отъ древняго духовнаго званія, иные, наконецъ, изъ крестьянъ, которые до посвященія въ священники получаютъ отъ своихъ

wiary swiętey, przez kilkaset lat, próżniaków nie było, którzy zawsze servitio Ecclesiae dedeti; w teraznieyszym zaś wieku oycowie ich zwyczaynie, nie tylko po Rusku, ale y w szkołach Łacińskich edukuią; wyedukowanych iednych na parochów promuią, drugich do zakonu; innych do tego stanu niesposobnych, albo wokacyi nie maiących, w miastach, miasteczkach y wsiach osadzaią, do diakonstwa używaią, a incapaces za pałamarzów, dzwonnikow y do inney posługi cerkiewney, lub też do prac gospodarskich, dla podpory swoiey, szukaiąc w roli chleba, applikuią.

владѣльцевъ письменное освобожденіе ихъ изъ крѣпостнаго состоянія съ нисходящими потомками. Притомъ между священническими сыновьями въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, отъ начала святой вѣры, бродягъ не было. Они всегда *преданы были служенію церкви*; въ настоящемъ же вѣкѣ отцы обыкновенно обучаютъ ихъ не только русской грамотѣ, но и воспитываютъ въ латинскихъ школахъ; окончившихъ воспитаніе однихъ производятъ въ приходскіе священники, другихъ постригаютъ въ монахи, а иныхъ, къ сему званію неспособныхъ или неимѣющихъ призванія, поселяютъ на жительство въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, дѣляютъ ихъ діаконами, а *неспособныхъ* пономарями, звонарями и употребляютъ на другія церковныя услуги, или наконецъ сами, занимаясь хлѣбопашествомъ, пріучаютъ ихъ къ хозяйству для своей подпоры.

Co do drugiego punktu tey konstitucyi, wszak dzieci piętnastoletne zwyczaynie są sub potestate rodziców swoich, i oycowie z prawa natury niemi, a defunctu tych, opiekuni testamentem od nich naznaczeni, albo bliżsi krewni władną y rozporządzaią; a gdy się trafi tym wykroczyć, oycowie, lub opiekuni za nich odpowiadaią; ani też w tych leciech, iak rozporządziła konstytucya, stanu sobie obierać mogą, będą w edukacyi samey, żeby się do iakiego stanu usposobili na dalsze lata. Do kapłaństwa samego lat dwudziestu cztyrech zupełnych czekać muszą.

Что касается втораго пункта сей конституціи, то вѣдь пятнадцатилѣтніе дѣти, по закону природы, обыкновенно находятся подъ властію родителей и отцовъ, а по смерти сихъ, владѣютъ и распоряжаются ими назначаемые духовнымъ завѣщаніемъ опекуны или ближайшіе родственники; если же имъ случится сдѣлать преступленіе, то за нихъ отвѣчаютъ отцы или опекуны; сверхъ того, они въ этихъ годахъ, какъ распорядилась конституція, немогутъ избирать себѣ званія, такъ какъ еще находятся подъ воспитаніемъ, посредствомъ котораго приготовляются къ избранію какого либо званія по достиженіи зрѣлыхъ лѣтъ. Для полученія даже священническаго сана, должны ожидать достиженія полныхъ двадцати четырехъ лѣтъ.

Co do trzeciego punktu, ta powinna być uwaga: w naukach, daymy to w Retoryce, Filozofii,

Что касается третьяго пункта, должно принять во вниманіе слѣдующее: священническій сынъ, изу-

Teologii, w Prawie duchownym, lub Cyvilnym, syn kapłański wycwiczony, gdy by do stanu duchownego nie miał wokacyi, a podług tego prawa nie mogac już inszego stanu sobie obrać, tylko rzemieślniczy i do cechu należyć, luć poddaństwu podlegać; wyszedszy tedy z szkoł musiałby się rzemiesła jakiego uczyć i do cechu zapisać albo stan rolniczy obrać, i wolny in servilem, z niewynowną krzywdą swoią, wstrętem dla drugich od cwiczenia się w szkołach zamienić, edukacyę i talenta z niemałą pracą nabyte w roli zagrzebac.

Stantibus his, ubliżonoby było Prawa natury oycow synów kapłanów ruskich, w wolnym stanie zewszystkich miar do tych czasów będących: bo kto z wolnych rodziców pochodzi, wolnym być

чившій науки, положимъ риторику, физику, богословіе, гражданское и церковное право, если бы неимѣлъ призванія къ духовному званію, а на основаніи сей конституціи, не будучи уже въ правѣ избирать иной родъ жизни, кромѣ только быть ремесленникомъ и принадлежать къ цеху или подлежать крестьянству, то, окончивъ школы, долженъ бы былъ обучаться какому либо ремеслу и вписаться въ цехъ или сдѣлаться земледѣльцемъ, и свободный, долженъ бы былъ, съ невыразимою для него обидою и отвращеніемъ другихъ отъ обученія въ школахъ, свободу перемѣнить на рабство, а съ немалымъ трудомъ пріобрѣтенное воспитаніе и таланты зарыть въ землю.

Такими постановленіями, неуважено было бы право природы отцевъ сыновей русскихъ священниковъ, находящихся до сихъ поръ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ свободномъ

powinien. Ubliżyłoby się prawom i przywileiom xiążąt Ruskich; wielkich xiążat Litewskich y królów Polskich, dotąd nienaruszonym. Ubliżyłoby się konstytucyi na konfederacyi generalney w tymże roku ninieyszym nastąpioney (fol. 4. litt. L.). Ubliżyłoby się zdaniu prześwictnych stanów, którzy też konstytucye podpisali cum clausula salvis juribus Ecclesiae Graecae Latino-unitae. Ubliżyłoby się juri majestatis, gdyby monarchów Polskich prawa, zawsze przysięgą stwerdzane uchylone zostały. Z kądby nastąpiło zgorszenie i zrażenie Dizunitów od przyłączenia się do s. Iedności, krórzy wszelkemi wolnościami et usu dupraw swoich, sobie, to iest, duchownym y synom swoich służących, w Polszcze między Unitami zaszczycaią się. Sequeretur defectus ludzi uczonych y zdolnych na parochów Ruskich, iako też do posługi cerkiewney spo-

состояніи, ибо кто отъ свободныхъ происходитъ родителей, тотъ и самъ долженъ быть свободенъ. Не уважены были бы право и привиллегіи русскихъ князей, великихъ князей литовскихъ и польскихъ королей, до сихъ поръ ненарушенныя. Не уважена былабы конституція, въ настоящемъ же году на генеральной конфедераціи послѣдовавшая (Ф. 4 лит. L). Не уважено было бы мнѣніе свѣтлѣйшихъ чиновъ, подписавшихъ сію конституцію *съ опредѣленіями,* **ограждающими** *цѣлость правъ греко-латино унитской церкви.* **Оскорблено былобы** *право величества,* **еслибы права польскихъ монарховъ всегда подтверждаемыя присягою, были уничтожены. Отсюда послѣдовалъ-бы соблазнъ и отвращеніе къ принятію уніи со стороны неунитовъ, которые на равнѣ съунитами пользуются въ Польшѣ всякими вольностями и употребленіемъ своихъ правъ,**

sobnych: ponieważ poddaństwem obarczeni, iedni na Wołoszczyznę, Turczyzną, Tatarszczyzną, gdzie liberum iest exercitium chrześciaństwu (tamże już y biskupi zafundowani znayduią się), inni do blizkich granicom Polskim kolonij, niedawno założonych y już znacznie ludem Polskim osiadłych, inni na Węgry y innych państw wynosić się będą. Drudzy od stanu duchownego, takim prawem aż nader poniżonego, jako od ohydłego, unikać będą, widząc dzieci duchownych nieszczęśliwość, dla jarzma poddaństwa z kollatorami nieustanne kłutnie, niepraktikowane w innych państwach nad Cyganów, Żydów, Karaimów, którzy ad subditatum nie należą, poniżenie. Żeby zaś na xięży świeckich bezżennych wszystkich promowować, to iest niepodobna: żaden albowiem paroch z beneficium pewnych prowentów nie maiąc, z roli chleba

имъ, т. е. духовнымъ и ихъ сыновьямъ принадлежащихъ. *Произойдетъ недостатокъ* въ ученыхъ и способныхъ къ должности приходскихъ священниковъ людяхъ, а также и къ служенію церкви, ибо, будучи обращены въ крестьянъ, станутъ уходить одни въ Валахію, Туречину и Татарщину, гдѣ есть свобода христіанскаго богослуженія (тамъ уже учреждены и епископы); другіе въ сосѣдственныя польскимъ границамъ колоніи,—недавно основанныя и населеныя польскимъ народомъ, иные въ Венгрію и въ другія государства. Многіе, видя бѣдственное положеніе священническихъ дѣтей, постоянные споры съ ктиторами насчетъ порабощенія въ крестьянство и неслыханное въ другихъ государствахъ униженіе, больше чѣмъ то, какое терпятъ Цыганы, Жиды и Караимы, которые не принадлежатъ къ крестьянамъ,—будутъ уклонять-

szuka; accydensa przy ubóstwie parochyan mizerne; y gdyby nie miał wsparcia z posagu po żonie, tudzież pomocy w gospodarstwie, od żony y dzieci wiernie usługuiących, nie miałby należytego wyżywienia.

Nastąpi prostota w subjektach y niesposobność do kapłaństwa; a przez to samo wiele będzie wakuiących cerkwi, gdy o uczonych ludzi y zdolnych do urzędu parochialnego będzie trudno. A tym samym nie tylko wiernym Chrystusowym, w artykułach katolickiey wiary teraz wyćwiczonym, stanie się zawód bez należytego około dusz swo-

ся отъ духовнаго, такимъ закономъ униженнаго сана, какъ отъ постыднаго званія. Но, чтобы всѣхъ дѣлать безженными священниками, дѣло невозможное, ибо каждый приходской священникъ, неимѣя опредѣленныхъ отъ прихода доходовъ, въ землѣ ищетъ хлѣба, (доходы по бѣдности прихожанъ ничтожны) и если бы неимѣлъ пособія въ жениномъ приданомъ и помощи въ хозяйствѣ со стороны вѣрно служащихъ ему жены и дѣтей, то неимѣлъ бы надлежащаго содержанія.

Послѣдуетъ невѣжество и неспособность къ священству и, чрезъ это самое, будетъ много праздныхъ приходовъ, когда будетъ трудно найти ученыхъ людей, способныхъ къ должности приходскихъ священниковъ. Вслѣдствіе чего, нестолько вѣрнымъ христіанамъ, теперь хорошо знающимъ догматы р. католической вѣры, сдѣлается

ich starania, ale y samymże kollatorom niemały w intratach będzie uszczerbek, gdy ich poddani ruś, o milę albo y o kilka do parochyi przyłączeni, dla nabożeństwa y odbierania sakramentów reforować się będą. Dla niedost.... żeństwa ...... poniżenia stanu duchownego, żeby nie była okazya poddanym nayiaśnieysze Rzeczypospolitey wychodzenia za granicę, co by nie lekce ważyć potrzeba, gdy inne państwa przez różne sposoby y litościwe zbiegłym pardony, poddanych swoich, nawet w królewstwie Polskim y w xięstwie Litewskim osiadłych, do przywrócenia własney oyczyznie zachęcaią, a w tym-tu państwie opacznie by się praktikować mogło. To też uważyć należy, iż gdy mieszkaiący na gruntach kościelnych, podług Statutu Władysława Jagiełły 1413 y 1433 roku w Krakowie wydanego, y od syna tegoż Władysława roku

вредъ, безъ надлежащаго о ихъ душахъ попеченія, но и для самихъ ктиторовъ послѣдуетъ не малое уменьшеніе ихъ доходовъ, если ихъ русскіе крестьяне, приписанные къ дальнему приходу, принуждены будутъ въ оный ходить на богослуженіе и обращаться за духовными требами Для.... (въ подлинникѣ пропускъ).... униженія духовнаго званія, дабы для подданныхъ свѣтлѣйшей Рѣчи Посполитой не было поводовъ уходить за границу, что не слѣдовало бы считать маловажнымъ, когда другія государства разными средствами и милостивымъ прощеніемъ бѣглыхъ своихъ подданныхъ, даже въ польскомъ королевствѣ и в. кн. литовскомъ поселившихся, заохочиваютъ возвратиться въ свое отечество; а въ нашемъ государствѣ неужели на оборотъ должно дѣлаться? Слѣдуетъ также замѣтить то, что если обитающіе на церковныхъ земляхъ,

1158 potwierdzonego, nie są poddani jurrisdykcyi swieckiey, ale duchowney: tym bardziey za coż być maią deterioris sortis synowie kapłanów ruskich od rzeczonych mieszkańców, jako z wolnych rodziców pochodzący y na gruncie cerkiewnym mieszkaiący, przez tyle wieków nigdy przeciwko nayiasnieyszey Rzeczypospolitey nié grzeszili. A ieżeli któremu trafiło się (co się między ludźmi każdego stanu y kondycyi praktykuie) wykroczyć, takowy zawsze od należytey zwierzchności podług winy był karany; y ten jednego, albo drugiego występek na wszystkich karania ściągać nie może.

Zaczym duchowieństwo ruskie pokornie supplikuie do stanów nayiaśnieyszey Rzeczypospolitey,

по Статуту Владислава Ягайлы 1413 и 1433 г., данному въ Краковѣ и утвержденному сыномъ его въ 1458 г., не подлежатъ власти свѣтской, но духовной, то тѣмъ болѣе, за чтожъ должны имѣтъ *худшую участь* отъ вышесказанныхъ обитатателей, сыновья русскихъ священниковъ, хотя и происходящіе отъ свободныхъ родителей, обитаютающіе на церковной землѣ и въ продолженіи стольких вѣковъ ничѣмъ противъ свѣтлѣйшей Рѣчи Посполитой непогрѣшившіе? А если кому нибудь изъ нихъ и случалось (что между людьми каждаго сословія и званія бываетъ) сдѣлать преступленіе, тотъ всегда отъ законныхъ властей получалъ сообразное винѣ наказаніе и проступокъ одного или другаго не можетъ распространять наказанія на всѣхъ.

Посему русское духовенство покорно проситъ чины свѣтлѣйшей Рѣчь

aby synowie zrodzeni z kapłanów, używaniem wolności tylo prawami sobie pozwoloney zaszczycaiący się, a tych wolności abusum nigdy nie popełnili, wolni byli w obraniu sobie stanu, bądź duchownego, bądź żołnierskiego, bądź mieyskiego, lub jakiego, który capax będzie; a tym samym konstytucia, na seymie konwokacyjnym przeciw tey wolności uformowana teraznieyszego seymu uchwałą, aby według praw im służących obiaśniona y sprawiedliwie umiarkowana była. Za które łaskawe na plemię ich względy, duchowieństwo ruskie, oprocz zwyczaynych obowiązków błagania Boga za uszczęśliwienie państwa Polskiego, do partykularnieyszych nieustannie znać się będzie.

Supplicii titulo inscriptum.
Żądanie duchowieństwa ruskiego,

Посполитой, дабы сыновья священниковъ, удостоенные правъ свободы, предоставленной имъ столькими привиллегіями и никогда свободою этою незлоупотреблявшіе,—свободны были въ избраніи для себя званія, духовнаго ли, военнаго, мѣщанскаго или такого, къ которому окажутся способными; а чрезъ это самое, дабы конституція противъ сей свободы на конвокаціонномъ сеймѣ постановленная, была изъяснена и справедливо обдумана опредѣленіемъ настоящаго сейма. Русское духовенство за таковое милостивое благодѣяніе его племени, сверхъ обыкновенныхъ своихъ обязанностей молить Бога о благоденствіи польскаго государства, будетъ считать себя постоянно обязаннымъ и къ особеннѣйшимъ духовнымъ услугамъ.

Заглавіе прошенія: Желаніе русскаго духовенства, которое

które stanom nayiaśnieyszey Rzeczypospolitey w pokorze remonstruie, y o łaskawą rezolucyą supplikuie. Apographum illius exemplaris expressum, sed admodum corruptum, relatum est a. D. Zubrzycki, quisub inde notat, exemplar istud unicum in tota Galicia extitisse.

его смиренно представляетъ чинамъ свѣтлѣйшей Рѣчи Постолятой и проситъ о милостивой резолюціи. Печатная копія этого прошенія, но весьма поврежденная, доставлена Г. Зубрицкимъ, который тутже замѣчаетъ, что во всей Галиціи находился только одинъ этотъ экземпляръ.

№ 4.

ПОСЛАНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ИСАІИ КНЯЗЮ ІЕРЕМІИ КОРЫБУТУ ВИШНЕВЕЦКОМУ, съ убѣжденіемъ его возвратиться къ православной вѣрѣ, въ которой жили и скончались его предки и родители. 1631 г.

(*Изъ Густинской Лѣтописи* рукоп. конца XVII вѣка, писан. Западно-русскимъ почеркомъ, in fol., л. 192—194), *принадлежащей Московскому Императорскому Обществу Исторіи и Древностей. Въ заглавіи акта отмѣчено киноварью, прописными буквами:* Листъ до князя (Іереміи) Корыбута Вишневецкаго отъ преосвященнаго митрополита Исаіи Копинскаго. Datum *не означено*. Напечат. въ Актахъ относящ. къ Зап. Россіи Т. IV. № 233).

Яснѣосвѣцоный милостивый княже, пане, пане мой милостивый! Прошу униженнѣ, абы тая цедула моя могла быти отъ вашой княжей милости милостивно, безъ образы душевной прочитана и уваже-

на: съ повинности абовѣмъ моей пастырской тое писати мушу. Великій жаль, милостивый княже, сердца нашѣ всѣхъ насъ духовныхъ и всего православного христіянства обыймуетъ, видѣчи, вашу княжую милость, пожаданную утѣху нашее старожитной релѣи Грецкой, продковъ и родителей своихъ не наслѣдуючаго. Не мнѣй тежъ плачетъ и вельми ламентуетъ, церковь Божая, матка наша, же ваша княжая милость згоржати ею рачишъ. Зъ великою охотою вси очекивали есьмо пожаданой утѣхи нашей: але, вмѣсто того, надъ сподѣванье наше, въ смутокъ ся намъ оборочаетъ. Што жъ ваша княжая милость обачилъ въ церквѣ Божей вонтиливого, што подозрѣного, што за герезію? Або не она есть маткою всего христіянства? Або не Іерусалимъ есть головою по Господѣ Бозѣ всего свѣта? або не оттуль вѣра христіянская початокъ и фундаментъ свой взяла? «Отъ Сіона абовѣмъ выйшолъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима», яко мовитъ пророкъ. Або не тамъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ кровію своею пренайсвятѣйшою спасеніе наше справилъ? або не тамъ кровію своею пренайдрожшою увесь свѣтъ откупилъ? або не тамъ найперwшого епископа, патріарху Іерусалимскаго, намѣстника своего самъ поставилъ яко письмо свѣтчитъ? Азали не оттуль наука Христова по всему свѣту ся розширила, отъ всходу ажъ и до заходу солнца, и до самого Риму дойшла? Чимъ же Римъ лѣпшій есть отъ Іерусалима, и за чимъ Іерусалимомъ маткою всѣхъ церквей гордятъ, [2]) а до Рима ся горнутъ, за чимъ Іерусалимъ знѣважаютъ, а Римъ выносятъ? Если для славы сего свѣта, або для великаго богатства, то суть рѣчи марныи [3]) и здрад-

[1]) Сомнительнаго. [2]) Презираютъ. [3]) Суетныя.

ливыи[1]), и не единъ ся на томъ ошукалъ[2]). Не за тымъ правдивая вѣра идетъ, не на томъ правдивая вѣра познана быти маетъ: абовѣмъ Господь Іисусъ Христосъ не ведлугъ сего свѣта свои рѣчи справуетъ. Іисусъ Христосъ самъ былъ убогій и взгорженный отъ людей, а Иродъ и Пилатъ славны и вельможны. Ученики Іисусъ Христовы нендзны [3]) и убоги, а Жиды и Фарисеи богаты. Азали на томъ апробована маетъ быти речь правдивая? Іерусалимомъ не треба гордити, ижъ есть убогимъ, лечъ [4]) ласки Божой полный. Лѣпшей ся щитити Іерусалимомъ и до него ся горнути, а нижли до Риму: абовѣмъ въ Іерусалимѣ Іисусъ Христосъ для насъ умеръ, и изъ мертвыхъ тамъ воскресъ, и тамъ вознесся на небо, и тамъ на ученики свои и апостолы Духа святаго послалъ. Тамъ ся наше спасеніе стало; тамъ на вѣчную память и гробъ свой святый оставилъ; тамъ по собѣ и намѣстника своего Іакова патріарху постановилъ. Чимъ же Римъ лѣпшый есть отъ Іерусалима? тутъ намѣстникъ Іисусъ Христовъ патріарха, а тамъ намѣстникъ святаго апостола Петра папежъ; тутъ самого Іисуса Христа намѣстникъ, а тамъ намѣстникъ ученика и слуги его; тутъ гробъ Іисусъ Христовъ, а тамъ зась гробъ Петровъ. Хто убо Іерусалимомъ и намѣстникомъ его гордитъ, правдиво, ижъ самымъ Іисусумъ Христомъ гордитъ. Для чогожъ маемо гордити церковію Божою, маткою нашою и маткою всѣхъ церквей? што въ ней видимо прикрого [5]) альбо недосконалого? Нѣмашъ за ласкою Божіею, въ церкви нашой жадного [6]) блуду, жадной ереси, и нигды ся не знайдетъ. Што разъ она приняла на седмыхъ вселенскихъ соборахъ постановле-

[1]) обманчивая. [2]) обманулся [3]) бѣдные. [4]) но. [5]) непріятною. [6]) никакого.

ныи и стверженыи артыкулы вѣры, до того часу всѣ въ цѣлости заховуетъ, ничего не придаючи, ани уймуючи. Не вѣдаю хто такъ вашой княжой милости обридилъ ее и омерзилъ, хто вашу княжую милость отъ ней отвернулъ альбо отворочаетъ? Мовлю то щирѣ о правдиво: вѣчное на томъ неблагословенство Божіе будетъ зоставати. Вѣдаемо всѣ милостивый княже, подъ якими кондиціями страшными зъ стороны релѣи и обовязками и клятвами ваша родителька вашу княжую милость зъ сего свѣта сходячи зоставила. На чіей же то душѣ падетъ? Господь Богъ все то вѣдаетъ, и мы вѣдаемо, же «отцевская клятва высушаетъ, а материнскя выкореняетъ» якъ письмо мовитъ. Што за утѣху собѣ, што за зыскъ [1]) тыи всѣ отнесли и относятъ, которыи отъ старожитной своей вѣры для марности того мизернаго свѣта отступаютъ? Азажъ того невидимо своими очима што ся дѣетъ? Пыталъ [2]) бымъ тыхъ всѣхъ: для чого отъ своей старожитной вѣры Греческой отступаютъ, для чого ею гордятъ? естли для мудрости сего свѣта, теды «мудрость сего свѣта глупство есть у Бога», якъ апостолъ мовитъ; а естли дла якого блуду, теды за ласкою Божіею, никгды въ церквѣ Христовой жаденъ блудъ ся не знайшолъ и знайдоватися не можетъ. Спаднѣй [3]) тамъ онъ найдоватися можетъ, гдѣ що рокъ [4]) то иначей приложатъ, альбо уймутъ. Если жъ отступаютъ отъ вѣры своей для славы сего свѣта, теды то есть рѣчь наймнѣйшая. Еднакъ лѣпшую тые завше славу и повагу у всѣхъ людей маютъ, которыи суть въ вѣрѣ своей сталыи, а нижьли тыи што ся хвѣютъ [5]) и статечнѣ [6]) въ своей вѣрѣ не триваютъ [7]) и тривати не хотятъ. Азали [8]) не великую

[1]) польза. [2]) спрашивалъ. [3]) скорѣе. [4]) годъ. [5]) колеблются. [6]) твердо. [7]) пребываютъ, выдерживаютъ. [8]) развѣли.

славу мѣли княжата Острозскіе, и воевода Кіевскій сынъ его воевода Волынскій, на которыхъ ся многія оглѣдали? азажъ не великую славу мѣлъ всюды святой памяти родитель вашой княжеской милости Михаилъ Корыбутъ? азажъ не по всѣхъ сторонахъ плынула слава мужества его и дѣлности рыцарской? азажъ не былъ онъ утѣхою и подпорою всѣмъ правовѣрнымъ, азажъ не оглядалися на него вси противныи? Азажъ не славными были продкове вашой княжой милости дѣлностями рыцерскими въ коронѣ Польской, почавши отъ Олгерда, прадѣда вашой княжой милости, великого княжати Литовскаго, и сына его Ягелла, который былъ потомъ королемъ Польскимь, и другого сына Олгердоваго Дмитра Корыбута, княжати Сиверского, продковъ вашой княжой милости Вещневецкихъ, которого сынъ Жигмунтъ для великой дѣлности рыцерской взятый былъ на королевство Ческое? И иншые продки и поколѣнья вашой княжой милости вси были славныи и мужныи рыцери, вси были релѣи Грецкой; а имъ тое ничого нишкодило,[1]) тымъ барзѣй славнѣйшими были. Азажъ бы то теперь уже черезъ вашу княжую милость, зацного[2]) дому вашого и великихъ княжатъ релѣи Грецкой, продковъ вашой княжой милости, слава вѣкуистая[3]) мѣла уставати? Продкове вашой княжой милости, святой памяти родитель и родителка съ поколѣнья были релѣи Грецкой; а ваша княжая милость тылько ли единъ отъ нихъ мѣлъ бы быти выключонымъ?[4]) Не дай того Боже, абы ся мѣлъ черезъ вашу княжую милость такій славный домъ релѣи Грецкой зводити! Естли тежъ для великого богатства, и то есть въ рукахъ Божіихъ: Господь

[1]) Немѣшаю, собств. невредило. [2]) Знатного. [3]) Вѣчная. [4]) Исключительнымъ.

Богъ кому што хочетъ то и дастъ. А мы просимо Господа Бога и просити завше повинны есьмо, абы вашу княжую милость Богъ отъ своей старожитной апостольской релѣи не допустилъ отступовати. Хоть же мовятъ маложычливыи [1]) намъ адверсары [2]) наши же то Грецкая хлопская есть вѣра: естли же такъ есть, яко они повѣдаютъ, теды хлопской релѣи были и цареве Грецкіе и великіе монарховѣ; хлопской вѣры были апостоловѣ, патріархове и вси святыи отцы всходной церкви, которыхъ мы за великихъ почитаемо и суть. Прошу теды вашу княжую милость униженнѣ, именемъ всего хрестіянства и именемъ всей церкви: не давай ся ваша княжая милость уводити полищицкими рацыями: [3]) спомни ваша княжая милость на родителей своихъ святой памяти, якой они были побожности, якого набожества, якой вѣры, не хлопской, не еретицкой, не подозрѣной. Мѣли столько розуму, зналися на рѣчахъ: але вѣры, мовлю, были старожитной, апостольской восходной церкви, чистой и не покаляной [4]) и жадными вымыслами людскими не замазаной. Почому жъ ваша княжая милость не маешъ предковъ своихъ вѣры наслѣдовати, въ которой ся ваша княжая милость народилъ? абовѣмъ ни въ чомъ она не есть подозрѣна. Не до чужой, але до своее матки церкви Божой навернетеся. Не маете ваша княжая милость на што ся оглѣдати. Не дивъ то въ молодыхъ лѣтахъ, дати ся увести мовами людскими; а часомъ то бываетъ въ молодыхъ дитиныхъ лѣтѣхъ и черезъ мусъ: але то все ничого. Кгды ваша княжая милость захочешъ, заразъ то все учинити зможешъ. Маешъ ваша княжая

---

[1]) Недоброжелательные. [2]) Противники. [3]) Видами. [4]) Не запятнаной.

милость, зъ ласки [1]) Божой, въ маетностяхъ своихъ и церквей и монастыровъ и духовныхъ особъ досыть; не треба шукати [2]) того гдѣ индѣ: чого ваша княжая милость потребовати будешъ, все снаднѣ[3]) одержишъ. Мы еднакъ до конца не сумнимся о мудромъ и разсудномъ и уважномъ баченью вашой княжей милости, ижъ ваша княжая милость ие до конца насъ засмутити захочешъ, не до конца церковъ Божіею въ непамять закинути зезволишъ. На имя Божіе, все духовенство, все христіанство униженнѣ и плачливе просимо: не гордити ваша князская милость вѣрою своею, въ которой водою и духомъ еси урожонный, але навернися до церкви Божой, матки своее природной, и утѣшъ насъ всѣхъ. И кгды ваша княжая милость побожнѣ тое учинити рачишъ[4]), благословенство Божіе и родительское вѣчнѣ на вашой княжой милости опочиват и будетъ, и всю церковъ и все христіанство релѣи старожитной утѣшишъ, и, тутъ на землѣ щастливо и фортуннѣ вѣкъ свой препроводиши, въ ласцѣ Божой вѣкуистый животъ одѣдичишъ [5]). Аминь.— „Вашей князской милости, пана, пана моего милостиваго унижонный слуга и богомольца, Исаія Копинскій, митрополитъ Кіевскій, рукою власною.

ПРИМѢЧАНІЕ. Помѣщаемъ здѣсь это посланіе потому, что въ II отдѣлѣ сей книжки напечатана статья о князьяхъ Корибутахъ Вишневецкихъ, въ коей главный сюжетъ, проклятіе матери, основанъ на этомъ документѣ. *(Смотри ниже)*

---

1) по милости. 2) искать. 3) легко. 4) соизволишъ. 5) наслѣдуешъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТВА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ И ПОЛЬШѢ.

Здѣсь Русскій духъ,
Здѣсь Русью пахнетъ.

Литовская исторія до нынѣ еще мало освѣщена критикою; понятія объ ней сбивчивы и большою частію неправильны. Литва, въ тѣсномъ смыслѣ слова, по населявшему ее народу, составляла страну отдѣльную отъ Руси и Польши. Съ первыхъ временъ ея исторіи наблюдатель можетъ догадаться, что сосѣди не прекратятъ съ нею борьбы, и кто возьметъ верхъ, тотъ будетъ имѣть вліяніе и на переобразованіе народа литовскаго. Его сосѣди — русскіе и поляки — давно были просвѣщены свѣтомъ евангелія, когда литовцы еще поклонялись языческимъ богамъ; по естественному порядку распространенія просвѣщенія и мѣны понятій отъ сношеній съ сосѣдями, нужно было ожидать, что Литва поддастся или греческому православію русскихъ, или римскому католичеству поляковъ; а за тѣмъ измѣнится больше или меньше и политическій бытъ народа литовскаго. Сначала существенный перевѣсъ имѣла Русь; послѣ дѣло приняло другой оборотъ. На польскій престолъ вступила юная королева Ядвига. Великій князь литовскій Ягайло, вмѣстѣ съ рукою ея, получилъ краковскій престолъ, и судьба Литвы совершенно измѣнилась. Поляки стали смотрѣть на Литву какъ на свою добычу. Понимая всю важность этого пріобрѣтенія, они никогда не упускали ея

*) Иначе Ягелло.

изъ виду: кроткими и насильственными мѣрами, переговорами и оружіемъ, хитрою политикою и явною враждою противъ королей, постоянно стѣсняли права литовцевъ, захватывали ихъ земли, и наконецъ въ XVI вѣкѣ достигли своей цѣли.

Это стремленіе поляковъ захватить Литву много причинило зла литовской исторіи: писатели иностранные говорили о Литвѣ не больше того, сколько нужно было, чтобы узнать войны и отношенія ея къ соеѣдямъ; русскіе лѣтописцы знали *беззаконную и безбожную Литву* по ея смѣлымъ набѣгамъ на русскія земли, — и стали смотрѣть на нее дружелюбнѣе только тогда, когда уже литовскихъ княженъ привозили къ намъ для замужества съ русскими князьями, а русскихъ княженъ начали выдавать за князей литовскихъ; самый бытъ Литвы не входилъ въ сказанія нашихъ лѣтописей; затѣмъ поле литовской исторіи осталось за польскими писателями. Что жъ они сдѣлали? Они имѣли въ виду одну только пользу своего отечества и писали о Литвѣ по *своему*, чтобы угодить соотечественникамъ, заглушить голосъ народа литовскаго, заставить довѣрчивыхъ читателей видѣть во всемъ одну только Польшу.

Когда западная Русь вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, грамотные русины записывали на память вѣковъ событія въ Литвѣ; но *фанатическая ревность* распространителей уніи уничтожала, сколько могла, памятники православія и русской жизни, — и драгоцѣнныя сказанія лѣтописцевъ литовскихъ, или преданы сожженію, какъ опасные обличители новаго порядка вещей, или погибли просто отъ небреженія, или еще существуютъ, но тлѣютъ гдѣ-либо никому не вѣдомыя. Писатель XVI вѣка Стрыйковскій имѣлъ въ рукахъ 12 литовскихъ лѣтописцевъ; намъ извѣстна только одна четвертая доля ихъ: 1) лѣтописецъ Литвы, 2) хроника русская, и 3) лѣтописецъ волынскій, неправильно извѣстный подъ именемъ *Хро-*

пики Быховца. Первые два открыты въ библіотекѣ Супрасльскаго монастыря профессоромъ Даниловичемъ, послѣдняя найдена въ библіотекѣ помѣщика Быховца.

При такомъ печальномъ положеніи источниковъ литовской исторіи, изслѣдователь долженъ собирать уцѣлѣвшія крупицы и, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ умственнаго взгляда, прозирать во мглу минувшихъ вѣковъ, чтобы въ разнообразныхъ и неполныхъ сказаніяхъ, составленныхъ съ различными и часто противоположными цѣлями, усмотрѣть дѣйствительную жизнь народа литовскаго (*). Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изслѣдованію источниковъ литовской исторіи, изучивъ сказанія лѣтописцевъ и открытые въ послѣднее время разные историческіе памятники, я нахожу въ Литвѣ три періода, носящіе особый характеръ: 1) періодъ чисто литовскій до XIII вѣка; 2) періодъ литовско-русскій съ XIII вѣка до соединенія Литвы съ Польшею въ 1413 г. на городельскомъ сеймѣ и 3) періодъ литовско-польскій съ 1413 г. до вторичнаго и окончательнаго соединенія съ Польшею въ 1569 г. на люблинскомъ сеймѣ. Въ 1-мъ періодѣ народъ литовскій живетъ совершенно отдѣльною жизнію, имѣетъ свою вѣру, свой языкъ и свои обычаи; во 2-мъ періодѣ русскій элементъ видимо водворяется въ Литвѣ: литовскіе князья принимаютъ вѣру православную, женятся на княжнахъ русскихъ, выдаютъ своихъ дочерей за русскихъ князей; литовскіе князья, рожденные отъ русинокъ, съ матернимъ молокомъ всасываютъ жизнь русскую, съ младенчества исповѣдуютъ православную вѣру и воспитываются въ духѣ народности русской; при великокняжескомъ дворѣ говорятъ языкомъ великихъ княгинь, и этотъ

---

*) Благодареніе Богу, теперь нѣтъ недостатка въ матеріалахъ для исторіи Литвы. Ихъ можно почерпать изъ разныхъ архивовъ западныхъ губерній, въ особенности центральнаго Виленскаго.

языкъ въ судопроизводствѣ получаетъ право гражданства: на немъ пишутся законы и творится судъ. Народъ чисто-литовскій большею частію исповѣдуетъ православіе и свыкается съ русскою рѣчью. Оставалось только объявить православіе господствующею религіею, — и Литва обрусѣла бы совершенно; къ несчастію наступаетъ 3-й періодъ, — и поляки напрягаютъ всѣ усилія завладѣть Литвою: земли ея по клочкамъ захватываютъ, владѣнія въ Литвѣ раздаютъ только р. католикамъ, къ литовскому имени присоединяются польская фамилія и польскій гербъ; честолюбцы, литовскіе магнаты обращаются въ р. католичество, иначе кресла ихъ будутъ выброшены изъ сената. Истинные сыны отечества на сеймахъ стоятъ за свои права: на парчовскомъ сеймѣ бросаютъ и польскія фамиліи и польскіе гербы въ знакъ совершеннаго отдѣленія отъ поляковъ; но сила превозмогаетъ и, послѣ продолжительной борьбы, Литва принуждена слиться съ Польшею, до тѣхъ поръ, пока не была присоединена къ Россіи, и мѣры правительства не привели въ ней къ лучшему положенію древняго русскаго элемента.

Первый періодъ не входитъ въ составъ настоящей статьи; предметъ ея составляютъ отношенія Литвы къ Россіи и Польшѣ во второмъ и третьемъ періодахъ. Тамъ, гдѣ могло бы возникнуть сомнѣніе въ безпристрастіи русскаго, будемъ указывать источники преимущественно польскіе, дабы каждый видѣлъ, что мы имѣемъ въ виду безпристрастное разъясненіе истины.

Православіе является въ Литвѣ прежде всего въ владѣтельныхъ семействахъ. Князей литовскихъ гораздо большее число исповѣдывало православную вѣру, нежели вообще думаютъ.

Изъ князей *литовско-завилейскихъ* сынами восточной церкви были:

1. *Довмундъ* — Старый Гермундовичъ въ православіи *Тимоѳей* [1]) бывшій въ послѣдствіи княземъ псковскимъ, прославившійся какъ воинъ, и какъ христіанинъ; родился 1227, умеръ 1299 года. 2. *Наримундъ-Сирпутій* Ромундовичъ [2]), умеръ въ 1284 году. 3. *Гольша-Лѣсій* Ромундовичъ [3]). 4. *Гедрусъ-Свилькелій* Ромундовичъ [4]) князь Гедройцкій. 5. *Ромундъ* или *Римундъ* Тройденовичъ, въ православіи *Лаврентій* или *Лавръ* [5]), уступившій престолъ Витенесу; родился 1281 года. 6. *Миндовчъ* Алгимундовичъ, въ православіи *Іоаннъ* [6]) бывшій намѣстникомъ кіевскимъ. 7. *Нелюбъ* Миндовговичъ (Іоанновичъ), въ православіи *Александръ* [7]), ушедшій въ Россію въ 1406 г., и бывшій княземъ переславскимъ.

Изъ князей *литовско-новогрудскихъ:* 1. *Гинвилъ* Мингайловичъ, въ православіи *Юрій* [8]), по сказанію польскихъ

---

[1]) Latopis Litw. i kron. Russ. стр. 149 и 150. Полн. собр. Русск. лѣт., изд. Археогр. Ком. т. II, стр. 345.

[2]) Obraz Litwy Jaroszewicza, т. II, стр. 2. Ист. Гос. Росс. Кар. т. IV, стр. 377.

[3]) Тамъ же. Годы не выставлены при тѣхъ князьяхъ, которыхъ время рожденія и смерти не извѣстно; князья поставлены по нисходящимъ линіямъ.

[4]) Тамъ же.

[5]) Żywoty ss. Ewfros. i Parascew. Stebelsk. стр. 173. Dz. st. nar. Lit. Narb. IV, стр. 297. Полн. Собр. Русск. лѣт., изд. Археогр. Ком. т. II, стр. 345. Въ послѣдней книгѣ, въ густинской лѣтописи онъ названъ Елисеемъ, жившимъ въ монастырѣ лавришевскомъ, но изъ Стебельскаго видно, что Елисей — другое лицо.

[6]) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 227.

[7]) Тамъ же.

[8]) Hist. Lithv. Kojał. P. 1 p. Żywot. ss. Ewfros. i Parask. Steb. стр. Dz. st. nar. Lit. Narb. т. III, 307—316.

историковъ бывшій княземъ полоцкимъ; род. 1125, ум. 1199 года. 2. *Борисъ* Гинвиловичъ [9]), родился 1146, умеръ 1206 года. 3. *Василій-Рогволодъ* Борисовичъ [10]), родился 1164 года, умеръ 1223 года. 4. *Глѣбъ* Рогволодовичъ [11]). 5. *Миндовгъ* Рингольдовичъ король литовскій; родился 1203, убитъ 1263 г. О православіи его до сихъ поръ не было извѣстно, но въ густинской лѣтописи подъ 1246 г. ясно сказано — «*пріятъ вѣру христіанскую отъ востока*» [12]). Извѣстно, что онъ крещенъ былъ въ римскую вѣру, и за это папа далъ ему титулъ короля литовскаго; но, поссорившись съ рыцарями, Миндовгъ обратился къ язычеству. Въ римскую вѣру онъ крещенъ въ 1252 г., слѣдовательно между этимъ крещеніемъ и принятіемъ православія, по густинской лѣтописи, протекло 6 лѣтъ. Не вѣроятно, чтобы лѣтописецъ принялъ послѣднее за первое, и притомъ онъ выражается весьма опредѣлительно. 6. *Довмундъ* или Монвидъ и Арвидъ сынъ Эрдзивила Игумиса [13]), по Нарбуту князь запущанскій или нальщанскій, а по Стрыйковскому — смоленскій. 7. *Викундъ* сынъ Эрдзивила Игумиса, князь витебскій [14]). 8. *Товтивилъ* Шашкинъ, въ православіи *Ѳеофилъ* [15]), сынъ Эрдзивила Игумиса, бывшій княземъ полоцкимъ; убитъ въ 1264 г. 9. *Войшелгъ* или Волштиникъ Миндовговичъ, великій князь литовскій, принявшій монашество [16]); род. 1223, убитъ 1267 г.

По соединеніи княжествъ литовско-завилейскаго и литовско-новогрудскаго въ одно государство, православіе исповѣдывали

---

[9]) Тамъ же.

[10]) Тамъ же.

[11]) Тамъ же.

[12]) Полн. собр. Рус. лѣт., издан. Арх. Ком. т. II, стр. 341.

[13], [14], [15]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. I, стр. 286.

[16]) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 148.

князья *литовскіе*: 1. ***Воинъ*** Витенесовичь, въ православіи ***Василій*** [17]), бывшій княземъ полоцкимъ; род. 1296, ум. 1350 г. 2. ***Наримундъ*** Гедиминовичь, въ православіи ***Глѣбъ*** [18]), князь пинскій; род. 1277, утонулъ 1348 года. 3. ***Ольгердъ*** Гедиминовичь, великій князь литовскій, въ православіи ***Александръ***, въ схимѣ ***Алексій*** [19]); род, 1296, ум. 1377 года. 4. ***Любартъ*** Гедиминовичь, въ православіи ***Федоръ*** [20]) князь луцкій; род. 1299, ум. 1386 г. 5. ***Коріатъ*** Гедиминовичь, въ православіи ***Михаилъ*** [21]); род. 1301, ум. около 1358 г. 6. ***Явнута*** или Евнутъ Гедиминовичь, въ православіи ***Іоаннъ*** [22]), великій князь литовскій, потомъ — князь заславскій въ минской губерніи [23]); род. 1306 г. 7. ***Александръ*** Наримундовичь (Глѣбовичь) [24]). 8. ***Юрій*** Наримундовичь, князь белзскій [25]). 9. ***Бинголътъ*** Ольгердовичь, въ православіи ***Андрей*** [26]),

[17]) Dz. star. nar. Lit. Narb. т. IV, стр. 485.

[18]) Histor. nar. Pol. Naruszew. изд. 2-ое. т. IX, стр. 11. Dz. st. nar. Lit. Narb. т. V, стр. 30, пр. 1. Стрыйковскій называетъ его въ православіи Василіемъ. Kron. Pol. 1845 г. ч. II, стр. 74.

[19]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 14. Ист. Гос. Росс. Кар. т. IV, стр. 51 и пр. 50.

[20]) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV, стр. 193. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 41 и 74.

[21]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-ое, т. 9, стр. XIII.

[22]) Тамъ же стр. XII, Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 163. Dz. st nar. Lit. Narb. т. V, стр. 31.

[23]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 3.

[24]) Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 163.

[25]) Имя и владѣніе его показываютъ въ немъ сына православной церкви. До введенія рим. кат—ва въ Литву Ягайлою, никто изъ князей литовскихъ не былъ р. католикомъ.

[26]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 57 и 76. Latop. Litw. i kron. Russ. стр. 165 и 167. Hist Pol. Długosz стр. 61. Chronologia Steb. стр. 12, пр. 6, Hist. nar, Pol. Narusz, изд, 2-е т. 9, ст. XVII.

князь полоцкій. 10. *Димитрій* Ольгердовичь, князь трубецкій [27]). 11. *Коригайло* Ольгердовичь, въ православіи *Константинъ* [28]), по крещеніи въ римско-католическую вѣру *Казиміръ*, князь черниговскій и чарторыжскій; убитъ 1390 г. 12. *Владиміръ* Ольгердовичь [29]), князь Кіевскій, а въ послѣдствіи копыльскій; род. 1316 г. 13. *Карибутъ* Ольгердовичь, въ православіи *Димитрій* [30]) князь новгородъ-сѣверскій, въ послѣдствіи брацлавскій; род. 1358, убитъ 1399 г. 14. *Скиргайло* Ольгердовичь, въ православіи *Іоаннъ* [31]), по перекрещеніи въ римскую вѣру *Казиміръ*, князь троцкій, въ послѣдствіи великій князь литовскій, наконецъ намѣстникъ кіевскій; род. 1354, отравленъ 1394 г. 15. *Ягелло* Ольгердовичь, въ православіи *Яковъ* [32]), по перекрещеніи въ римскую вѣру *Владиславъ*, великій князь литовскій и король польскій,

---

[27]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 58

[28]) Chronolog. Stebels. ст. 8. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, ст. 57. Dz. st, nar. Lit. Narb. т. V, стр. 145.

[29]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. 10, стр. 217, пр. 2. Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 57 и 74.

[30]) Hist. Pol. Długosz. стр. 125. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 58 и 74. Chronol. Steb. стр. 8. Ист. Крит. пов. Галиц. Руси Зубрицк. стр. 187 пр. 79.

[31]) Lat. Litw. i kr. Russ. стр. 47, Hist. Pol. Długosz. стр. 60 и 142. Kr. Pol. Stryjk. 1845, ч. II, стр. 58, chronolog. Steb. 8 и 15.

[32]) Hist. Pol. Długosz. стр. 60. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 58. Dz. st. nar. Lit. Narb. V, стр. 239. Ист. Крит. повѣсть Галицк. Руси Зубрицкаго, стр. 193.

родился 1350, ум. 1434 г. *) 16. **Борисъ** Ольгердовичъ [33]). 17. **Лингвеній** Ольгердовичь, въ православіи **Семенъ** [34]), князь мстиславскій. 18. **Свидригайло** Ольгердовичь, въ православіи **Левъ**, по перекрещеніи въ римскую вѣру **Болеславъ**, по воз-

*) **Шейнохъ** въ сочиненіи своемъ **Ядвига** и **Ягелло**, первый изъ писателей вздумалъ доказывать, что Ягайло окрещенъ былъ въ Краковѣ въ римскую вѣру прямо изъ язычника, основываясь на томъ, что современные сему латинскіе писатели: доминиканецъ Корнеръ, жеганскій аббатъ Лудольфъ и другіе называютъ его язычникомъ, и на томъ выводѣ, что еслибы Ягелло былъ христіаниномъ, хотябы и православнымъ, то навѣрно не сталибы его крестить другой разъ. Но г. Шейнохъ забылъ, что во время самаго разгара религіозной ненависти между римско-католиками и греко-католиками, т. е. православными, обращаемыхъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое всегда перекрещивали и рим. католич. писатели православныхъ почти всегда называли язычниками, пока Папы XVII вѣка не запретили повтореніе крещенія, а въ Россіи запрещено оно, относительно римско-католиковъ, во время патріаршества. Примѣровъ перекрещиванія и названія православныхъ язычниками со стороны латинянъ исторія представляетъ безчисленное множество. Слѣдовательно о дѣйствительности крещенія Ягеллы въ православіе лучше повѣримъ свидѣтельству литовскихъ, русскихъ и нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ, не имѣвшихъ, при отмѣткѣ его въ своихъ лѣтописяхъ, никакой задней мысли, потому и утверждающихъ, что онъ былъ крещенъ въ младенчествѣ въ православіи и названъ **Яковомъ**, чѣмъ натяжкамъ г. Шейноха, которому, повидимому, пришлось не по вкусу, что первый польскій король изъ литовскихъ князей до перехода въ латинство былъ православнымъ. Но теперь мода у поляковъ, — искажать, по своимъ видамъ, своихъ же собственныхъ лѣтописцевъ, или притворяться ихъ непонимающими.

[33]) Hist. nar. Pol. Narusz. т., 9, стр. XIX; во многихъ актахъ онъ называется христіанскимъ именемъ Бориса до женидьбы Ягеллы; слѣд. былъ православнымъ, ибо латинство князья приняли при женидьбѣ Ягеллы.

[34]) Latop. Lit. i kr. Russ стр. 205. Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 57 и 74.

вращеніи въ православіе—по прежнему Левъ[35]); бывшій великимъ княземъ литовскимъ, род. 1355, ум. 1452 г. 19. *Зодзъвитъ* Ольгердовичь, въ православіи *Иванъ* или *Федоръ*[36]) ум. 1358 г. 20. *Мингайло* Ольгердовичь, въ православіи *Василій*, по перекрещеніи въ римскую вѣру *Вигундъ*, или *Александръ*, князь керновскій; отравленъ 1392 г. Въ литовскомъ лѣтописцѣ въ числѣ сыновей Ольгерда нѣтъ ни Вигунда, ни Александра; послѣднимъ же сыномъ показанъ Мингайло. Вмѣстѣ съ Ягеллою крещенъ въ римско-католическую вѣру и Вигундъ, *единоутробный* (uterinus) братъ Ягеллы, который писался въ актахъ Александромъ[37]). Отъ матери Ягелловой Іуліаніи было 7 сыновей; обо всѣхъ ихъ согласно говорятъ литовскій лѣтописецъ и Нарбутъ, кромѣ того, что у перваго Димитрій Трубецкій выходитъ сыномъ Маріи, а у послѣдняго сыномъ Іуліаніи. Какъ затѣмъ остаются *Мингайло* и *Вигундъ-Александръ*, то и слѣдуетъ принять ихъ за одно лицо: иначе у Ольгерда было бы не 12, а 13 сыновей. Въ Краковѣ ему дано имя *Вигунда;* а въ грамотахъ онъ писался *Александромъ;* изъ этого выходитъ, что Вигундъ въ православіи имѣлъ имя *Василія*, а въ латинствѣ *Александра*[38]). 21. *Витовтъ* или *Витольдъ* Кейстутовичь, въ православіи *Александръ*, по принятіи латинства прежде Вигандъ, а послѣ Александръ, великій князь литовскій, род. 1344, умеръ 1430 г. Весьма многіе первый разъ услышатъ, что литовскій князь-богатырь, составлявшій гордость народа литовскаго, былъ

---

[35]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е т. 9, стр. XIX. Chronol. Steb стр. 8. Dz. st. nar. Lit. narb. т. V, стр. 239. Ист. Крит. пов. Галицк. Руси Зубрицкаго стр. 207. Kr. Pol. Stryjk 1845 г. ч. II, стр 58.

[36]) Kr Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 57.

[37]) Hist. nar. Pol. Narusz. изд. 2-е, т. X стр. 217.

[38]) Kron. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, ст. 58.

сыномъ православной церкви. Но это подтверждается словами ученаго и достовѣрнѣйшаго польскаго историка Длугоша.[39]) Но когда и какимъ образомъ Витовтъ могъ принять православіе? Это предметъ совершенно неизвѣстный въ русской литературѣ, и потому, не ограничиваясь свидѣтельствомъ Длугоша, необходимо объяснить обстоятельства, къ сему относящіяся. Въ 1382 г., по умерщвленіи Ягеллою Кейстута, Витовтъ ушелъ къ прусскимъ рыцарямъ; въ 1383 г. назначенъ былъ съѣздъ Ягеллы съ великимъ магистромъ Цолнеромъ на островѣ р. Дубиссы, оба выѣхали, но не съѣхались: между рыцарями разнесся слухъ, что мать Ягеллы Іуліанія Александровна составила заговоръ захватить магистра и рыцарей и увезти въ Литву; а Ягелло подозрѣвалъ, что рыцари хотятъ его схватить, или по крайней мѣрѣ насильно окрестить въ римскую вѣру. Обѣ стороны разъѣхались; за тѣмъ объявлена война; Витовтъ предводительствовалъ передавшимися ему литовцами и жмудинами. Столица Кейстута — Троки взята, отдана Витовту и все троцкое княжество добровольно ему покорилось; однакожъ въ скоромъ времени Скиргайло отнялъ Троки. Витовтъ опять долженъ былъ отправиться къ рыцарямъ; а чтобы болѣе привлечь ихъ къ себѣ, крестился въ Таплявѣ и названъ *Вигандомъ*. По описаніи этихъ происшествій, современный писатель Вигандъ говоритъ о Витовтѣ: «post hoc fecit se Ruthenice baptizare, et nominatus est Alexander [40]) т. е. *послѣ сего крестился въ русскую вѣру и названъ Алек-*

---

[39]) Hist. Pol. Dlug. p. 120 Witholdus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingeniï, et propter *Ruthenorum* assistentiam, qui illi propter vitus sui identitatem magnopere afficiebantur.

[40]) Gesch. Preus. Voigt. B. V. p. 424.

сандромъ». Зачѣмъ ему было креститься въ это время въ православіе, и какъ могъ онъ это сдѣлать, находясь у рыцарей — авторъ не объяснилъ, и потому разсказъ его не совсѣмъ полонъ; но сущность дѣла отъ того нисколько не измѣняется. Римско-католическій писатель, говоря въ пользу православія, не могъ быть пристрастнымъ. Нарбутъ, повѣривъ соображеніямъ Нарушевича, усомнился въ этомъ имени, и сказалъ, что Витовтъ въ православіи имѣлъ имя *Георгія* [41]). Этому повѣрилъ и Ярошевичь [42]); но открытіе историческихъ памятниковъ совершенно оправдало Длугоша, и Нарбутъ, какъ писатель, всему предпочитающій истину, отказался отъ своего мнѣнія, по слѣдующимъ соображеніямъ: въ 1384 г. Витовтъ съ рыцарями возобновилъ Ковно, дабы въ войнѣ съ Ягеллою имѣть крѣпость на правомъ берегу Нѣмана; но Ягелло и Скиргайло при Вилькишкахъ разбили рагнитскаго командора Виганда Вальдерсгейма. Великій магистръ взялъ новую запись у Витовта на покорность ордену, и уѣхалъ въ Пруссію. Между тѣмъ Ягелло, опасаясь воинственнаго Витовта, помирился съ нимъ чрезъ посредство матери своей Іуліаніи Александровны. Послѣдній въ Іюлѣ 1384 г. ушелъ отъ рыцарей, и, чтобы доказать искренность своего примиренія, на дорогѣ взялъ у рыцарей Юрбургъ и Байербургъ. Прибывъ въ Литву, Витовтъ крестился въ православіе [43]). Какая могла быть причина — до сихъ поръ оставалось тайною. Она разоблачилась слѣдующимъ образомъ: въ книгахъ троцкаго трибунала 1585 г. открыта выпись грамоты, данной Витовтомъ

---

41) Dz. st. nar. lit. Narb. T. V. стр. 338 и 382.

42) Obr. Lit. Sarosz т. II стр. 171.

43) Puścizna po Janie Długoszu. to iest Kronika Wiganda z Marburga. Poznań. 1842. стр. 304 и 305.

23 Августа 1384 г. (т. е. сейчасъ по прибытіи въ Литву) троцкому православному монастырю на разныя земли. Въ грамотѣ сказано: «Мы велики князь *витовт нареченны во свеa«томъ крещени Александер* дали мы *на прозбу и на жо-«данье кнгни нашое великое Ульяны* къ монастыру нашому «троцкому рожсству светое пречистое озера троцкаго лужу ажъ «до великое дороги и проч. [44])». Княгиня Ульяна, — о которой здѣсь говорится, есть *великая княгиня,* то есть тетка Витовта, мать Ягеллы, примирившая ихъ [45]). Въ началѣ 1384 г, Витовтъ еще дѣйствовалъ за одно съ рыцарями, слѣдовательно въ православіе крещенъ быть не могъ; Вигандъ, по описаніи событій, относящихся къ 1384 г., говоритъ, что Витовтъ крестился въ православіе съ именемъ Александра; въ этомъ году, по прибытіи отъ рыцарей, онъ даетъ земли монастырю православному, даетъ *по просьбѣ и желанію Іуліаніи,* и въ грамотѣ называется православнымъ именемъ *Александра: нареченны во светом крещени Александер,* т. е. объ этомъ говоритъ, какъ о предметѣ новомъ, еще мало извѣстномъ (послѣ онъ писался Alexander alias Vitoldus, также Александръ або Витовтъ [46]). Сообразивъ все это, Нарбутъ весьма правильно заключаетъ, что Витовтъ принялъ крещеніе по убѣжденію тетки Іуліяніи Александровны, какъ бы въ благодарность за примиреніе съ Ягеллою. Крещеніе должно было совершиться въ троцкомъ монастырѣ, въ память чего и даровалъ ему земли согласно съ волею Іуліяніи. Такимъ образомъ время грамоты т. е. 23 Августа 1384 г. указываетъ и на время крещенія Витовта [47]).

---

[44]) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843, ч. II, стр. 146.

[45]) Dz. st. nar. Lit. Narb. т. V. стр. 381.

[46]) Акт. относ. къ ист. Запад. Рос. 1846 т. I стр. 23.

[47]) Ondina Druskienickich źrodeł 1844. Zesz. 1 стр. 16—20.

Правда онъ носилъ и имя Александра и послѣ того, какъ перешелъ въ латинство; но оно принято имъ спустя два года: въ 1386 г. передъ свадьбою Ягеллы съ Ядвигою въ Краковѣ, вмѣстѣ съ другими князьями литовскими, и Витовтъ крещенъ былъ въ латинскую вѣру (крещеніе у рыцарей считалось уничтоженнымъ чрезъ крещеніе православное, а православныхъ римскіе католики перекрещивали); но остался при имени Александра; имя Виганда онъ не хотѣлъ принять, чтобы оно не напоминало связей его съ врагами отечества — рыцарями [48]). Въ лѣтописи Новгородской Витовтъ также названъ Александромъ въ православіи: «*Былъ князь Витовтъ прежде христіанинъ, а имя ему Александръ*, и отъвръжеся христіанства и прія лядскую вѣру [49])». 22. *Михаилъ* Любартовичъ [50]). 23. *Александръ* Любартовичь [51]). 24. *Ѳедоръ* Любартовичь [52]) князь луцкій, потомъ — владимірскій. 25. *Иванъ* Любартовичъ [53]). 26. *Юрій* Коріатовичь [54]). 27. *Александръ* Коріатовичь [55]) князь волынскій. 28. *Федоръ* Коріатовичь [56]) князь подольскій. 29. *Константинъ* Коріатовичь [57]). Твердость его въ православіи увидимъ ниже. 30. *Федоръ* Патрикеевичъ [58]) князь волынскій; убитъ 1399 г. 31. *Александръ* Патрикеевичъ [59]) князь стародубскій. 32. *Иванъ* Вингольтовичь (сынъ Вингольта — Андрея

---

[48]) Тамъ же стр. 19.

[49]) У Карамз. Ист. Гос. Рос. т. V пр. 182.

[50], [51], [52], [53]) Всѣ они крещены были въ православіе, потому что отецъ и мать Агапія или Буча, дочь князя владимірскаго на Волыни, были православные.

[54], [55], [56]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 50 и 51.

[57]) Kr. Pol. Stryjk. 1845 г. ч. II, стр. 18.

[58]) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 219.

[59]) Тамъ же стр. 221.

Ольгердовича[60]) 33. *Михаилъ* Дмитріевичъ[61]), 34. *Андрей* Дмитріевичъ[62]) сыны Дмитрія Ольгердовича Трубецкаго. 35. *Александръ* или *Олелько* Владиміровичъ, князь копыльскій, а потомъ и кіевскій; умеръ 1455 г.[63]). 36. *Юрій Давготасъ* Лингвеніевичъ (Семеновичъ)[64]) князь мстиславскій. 37. *Ярославъ-Өедоръ* Лингвеніевичъ[65]), убитъ подъ Вилькоміромъ 1435 г. 38. *Михаилъ* Олельковичъ[66]) князь копыльскій и слуцкій; убитъ 1482 г. 39. *Семенъ* Олельковичъ[67]) князь кіевскій; умеръ 1471 года. 40. *Өедоръ* Ивановичъ (сынъ Ивана Владиміровича Бѣльскаго[68]). Нѣтъ сомнѣнія, что еще большее число князей литовскихъ исповѣдывало православіе, напр. Иванъ Бѣльскій сынъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго, иначе сынъ его Өедоръ не могъ бы быть православнымъ; но мы не приводимъ ихъ здѣсь, не имѣя яснаго свидѣтельства лѣтописцевъ. Стрый-

---

60) Тамъ же стр. 210. Этотъ князь у Нарбута пропущенъ.

61, 62) Они безъ сомнѣнія были православные, потому что отецъ исповѣдывалъ православіе.

63) Весь родъ Олельковъ до пресѣченія его въ лицѣ княгини Софіи, бывшей за княземъ Радзивиломъ, былъ православнымъ, какъ доказываютъ церковныя книги съ собственноручными надписями Олельковичей, пожертвованныя ими въ слуцкій троицкій монастырь, которыя хранятся до сихъ поръ, и которыя самъ авторъ видѣлъ. Княгиня Софія почиваетъ въ церкви того же монастыря.

64) Latop. Litw, i kr. Russ. стр. 252 Kr. Pol. Stryjk. 1845 ч. II стр. 74.

65) Тамъ же стр. 233.

66) Latop. Litw. i kr. Russ. стр. 263 пр. 380.

67) Признается православнымъ, потому, что весь родъ Владиміра Ольгердовича, т. е. всѣ Олельковичи исповѣдывали православіе, какъ сказано выше.

68) Latop Litw. i kr. Russ. стр. 263 пр. 380.

ковскій, говоря о призваніи воеводою Гастольдомъ франциска-новъ въ Вильну въ 1332 году, пишетъ: уже чуть не всѣ князья литовскіе Гедиминовичи окрестились въ христіанскую православную вѣру, кромѣ Кейстута [69]. И такъ въ самое блистательное время Литвы почти всѣ князья исповѣдывали православіе. Въ ряду ихъ не достаетъ только трехъ славныхъ именъ: Гедимина, Кейстута и защитника Москвы Остея [70]; по крайней мѣрѣ почти всѣ Ольгердовичи были сынами восточной церкви. До сихъ поръ не были сведены въ этомъ отношеніи сказанія лѣтописцевъ.

(Продолженіе впредь).

---

[69]) Kron. Pol, Stryjk. 1845 ч. II стр. 14. **Już mało nie wszystkie xiążęta litewskie Gediminowicy ochrzcili byli w Ruskich obriądow wiarę chrześcianska, okrom Kieistuta.** Годъ призванія Гастольдомъ Францисканов у Стрыйковскаго поставленъ неправильно; вмѣсто 1332, слѣдуетъ поставить 1365. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 г. № 6, ст. Н. Елагина: «первые Христ. мученики въ Литвѣ».

[70]) Онъ носилъ христіанское имя Александра, и будучи сыномъ Вингольта — Андрея Ольгердовича, долженъ быть православнымъ; но мы не считаемъ его потому же, почему и Ивана Бѣльскаго.

О ПОЛЬСКОМЪ АРИСТОКРАТИЧЕСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ
ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

По поводу статьи: Отвѣтъ поляка русскимъ публицистамъ по вопросу о Литвѣ и западныхъ губерніяхъ (День. № 15 и 16).

I.

Въ общей жизни человѣчества есть народности, которыя обречены исторіею на вѣковую тяжбу за свою личность. Поставленныя въ зависимость отъ разнообразныхъ географическихъ и историческихъ условій, подчиняющихъ эти народности вліянію и преобладанію надъ ними другихъ народовъ, онѣ тѣмъ самымъ поставляются въ необходимость, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ своего существованія, вести упорную борьбу за право удержанія за собою тѣхъ элементонъ внутренняго самостоятельнаго развитія, которые даютъ народу, какъ и отдѣльному лииу, физіономію, опредѣляютъ его характеръ, свойства, обычаи; нравы, придаютъ особенный колоритъ разнообразнымъ проявленіямъ его духовной жизни, его общественному и политическому строю, его міросозерцанію и стремленіямъ къ идеаламъ, которыя онъ предпоставляетъ себѣ какъ отдиленныя конечныя цѣли своихъ усилій, словомъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается индивидуальность народа, какъ отдѣльнаго члена общей человѣческой семьи, и которыми обусловливается его бытъ, отличный отъ быта другихъ народовъ и племенъ, и его особенная исторія.

Вся историческая жизнь такихъ народностей проявляется только въ защитѣ и охраненіи первыхъ и существенныхъ основъ своихъ отъ вторженія въ нихъ чуждыхъ элементовъ, стремя-

щихся проникнуть въ гражданскій и соціальный бытъ народа, сложившійся подъ вліяніемъ иныхъ условій мѣстности и исторіи, видоизмѣнить его и какъ бы втиснуть въ готовыя, чужія формы, несообразныя съ тѣми, которыя можетъ и должна выработать народная жизнь, слѣдуя внутреннимъ законамъ развитія всякаго живаго организма.

Всѣ историческія явленія въ жизни этихъ народностей — протестъ передъ судомъ исторіи противъ насилія, направленнаго къ обезличенію народа и подавленію его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и являющихся въ самыхъ разнородныхъ формахъ и видахъ — отъ открытаго попранія правъ политическихъ, гражданскихъ и общечеловѣческихъ до тонкаго іезуитизма, искусно прокрадывающагося въ душу отдѣльныхъ личностей и возмущающаго ихъ совѣсть; — различные фазисы продолжительной и ожесточенной борьбы отъ протестацій, заявляемыхъ законнымъ путемъ, до необходимости обороны и рѣшенія дѣла оружіемъ.

Исторія подобныхъ народностей бываетъ полна драматизма и живаго интереса. Она представляетъ поучительную картину борьбы притѣсненныхъ противъ своихъ притѣснителей во имя священныхъ правъ человѣческой личности. Могущественнѣйшіе инстинкты человѣческой природы, являются энергическими двигателями въ этой борьбѣ. Свобода совѣсти и личности, сознаніе человѣческаго достоинства, попраннаго притѣснителями, нарушеніе ими законовъ вѣчной правды приводятъ въ движеніе цѣлыя народныя массы, подымаютъ ихъ, какъ одного человѣка, на защиту своихъ правъ, и глубоко возмущаютъ умъ и сердце массъ.

Являясь въ началѣ въ формѣ законнаго заявленія правъ, нуждъ и потребностей съ одной стороны и невниманіе къ нимъ съ другой, борьба сталкивающихся народностей постепенно пере-

ходитъ въ національную вражду, ожесточеніе и ненависть, оставляющія глубокія слѣды въ жизни народовъ. При неуступчивости упрямствѣ, ослѣпленіи одной стороны, при настойчивости и энергіи другой, раздраженіе растетъ, неудовольствіе распространяется въ оскорбленномъ несправедливостію народѣ, вражда зрѣетъ скрытно, и отъ первой искры, брошенной самонадѣянною и неосторожною рукою, пламя вспыхиваетъ и быстро охватываетъ цѣлый народъ. Начатая борьба расширяется болѣе и болѣе въ объемѣ и съ каждымъ разомъ опускаясь къ низу, все глубже и глубже проникая въ низшіе слои массъ, доходитъ до страстнаго увлеченія, ожесточается, вызываетъ грубыя страсти и дикіе инстинкты массъ и производитъ тѣ печальныя явленія, которыми обыкновенно сопровождаются народныя возстанія. Страна заливается кровью и подвергается губительному опустошенію и разоренію; лучшія силы народа погибаютъ въ ожесточенной борьбѣ, всѣ основы его быта потрясаются, среди его возникаютъ броженія, дѣлающіяся источникомъ продолжительныхъ смутъ и внутреннихъ раздоровъ; вся народная жизнь приходитъ въ какое-то хаостическое состояніе, въ которомъ общество повидимому готово распасться вмѣстѣ съ разрушеніемъ всякаго соціальнаго порядка. Въ этомъ хаосѣ народность кажется близкою къ гибели и совершенному исчезновенію. Но если эта народность окрѣпла уже до сознанія себя, если въ ней есть зародыши исторической жизни, она не гибнетъ, а только очищается въ борьбѣ отъ данныхъ ей извнѣ формъ жизни, какъ отъ скарлупы, задержавшей естественный ростъ организма, и отстаиваетъ драгоцѣннѣйшее достояніе своей личности—право на самостоятельное развитіе изъ коренныхъ основъ своего быта. Хаотическое броженіе улегается, народность выходитъ изъ борьбы обезсиленною и истощенною, но способною къ жизни и развитію, отыскиваетъ центръ своего тяготѣнія, формируется

подъ вліяніемъ вызванныхъ борьбою обстоятельствъ и продолжаетъ прерванное ею движеніе къ выполненію своей исторической задачи, неся на себѣ глубокіе слѣды борьбы.

Таковы историческая судьба и исторія *южнорускай народности*.

Послѣ великаго передвиженія народовъ съ востока на западъ, которому восточная равнына Европы отъ Балтійскаго до Чернаго моря служила перепутьемъ, въ V вѣкѣ христіанской эры исторія застаетъ эту равнину занятую славянскими племенами, жившими въ разъедененіи и въ условіяхъ родоваго быта. Объединеніе и сосредоточеніе этихъ племенъ на западной окраинѣ занятыхъ славянами земель начинается въ VI и VII вѣкѣ, а въ срединѣ и на востокѣ только IX в.

Славянскія ляшскія племена, расположившіяся по Вислѣ и ея притокахъ, въ половинѣ IX вѣка сосредоточиваются подъ династію туземныхъ князей и кладутъ основаніе польскому государству. Новое государство приходитъ въ соприкосновеніе съ германскою имперіею, принимаетъ отъ нѣмцевъ р.-католическую религію, подпадаетъ вліянію германскаго элемента и начинаетъ свое развитіе подъ вліяніемъ западной римской цивилизаціи. Изъ элементовъ народнаго быта, общихъ всѣмъ славянскимъ племенамъ и изъ внесенныхъ въ жизнь этого государства германизмомъ и римскимъ католичествомъ, вырабатывается *польская національность*, государственный и общественный строй Польши.

Восточныя же славянскія племена, при разбросанности на огромномъ пространствѣ отъ Финскаго залива до сѣверныхъ берегвъ Чернаго моря, рѣдкости населенія и отсутствія общихъ интересовъ и связующихъ началъ, въ одно время съ Польшею начинаютъ объединяться только при содѣйствіи пришлаго варягорусскаго элемента. Первое зерно этого объединенія

кладется на сѣверѣ, въ Новгородѣ, но вскорѣ оно переносится на югъ, въ Кіевъ, и отсюда начинается продолжительный процессъ выработанія *русской національности*. Въ X вѣкѣ Русь принимаетъ христіанство изъ Византіи и кладетъ начало независимой національной церкви. Въ первые 4 вѣка существованія Руси положительно опредѣляются ея границы отъ озерной системы водъ новгородской области по теченіямъ Запад. Буга, верховьямъ Волги, Днѣпра, Южнаго Буга, Днѣстра и ихъ притокамъ. Объединеніе идетъ такъ успѣшно, что къ концу этого періода неосталось уже никакого слѣда видоваго различія вошедшихъ въ составъ Руси отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Подъ дѣйствіемъ варягорусской централизаціи исчезли особенности этихъ племенъ и все занятое ими обширное пространство составило единую *русскую землю*. Съ движеніемъ времени и исторіи въ этой землѣ обозначились области подъ вліяніемъ географическихъ условій колонизаціи, посредствомъ которой расширялась Русь, и господство родовыхъ отношеній въ властвующей варяго-русской династіи рюриковичей; но онѣ нисколько не совпадали съ границами первой осѣдлости племенъ, о которыхъ уже у Нестора были только смутныя преданія.

Во второй половинѣ XII в. Кіевъ утрачиваетъ значеніе центра объединяющейся Руси. Она распадается на отдѣльныя области, самостоятельныя и незавимыя во внутреннемъ управленіи, но связанныя единствомъ властвующаго рода, какъ бы федеративнымъ союзомъ. Политическій центръ продолжающагося объединенія Руси переносится во второй разъ съ юга на сѣверовостокъ,—въ Владиміръ на Клязьмѣ. Это было разрывомъ съ господствовавшими въ государственномъ быту Руси родовыми понятіями и началомъ новому порядку. Такою перестановкою центра проводится первая политическая черта раздвоенія Руси на *сѣверовосточную* и *югозападную*, раздвоенія, обусловли-

вавшагося различіемъ въ характерѣ мѣстности и народнаго быта; но внутренняя связь частей черезъ это не разрывается и даже не ослабѣваетъ. Къ этому времени варягорусскій элементъ уже исполнилъ свое дѣло: давши имя *Руси* славянскимъ племенамъ, занявшимъ восточную европейскую равнину до Карпатъ на западѣ и до Волги на востокъ, и соединивши ихъ подъ одною варяжскою династіею рюриковичей, элементъ этотъ уже выработалъ отдѣльную и отличную отъ другихъ славянскихъ племенъ народность — *русскую*. Она обозначилась уже извѣстными общими характеристическими чертами, получила свой обликъ, съ которымъ и является во всей дальнѣйшей исторіи Руси. Послѣдующія историческія событія видоизмѣняютъ только этотъ обликъ, создаютъ особенные его типы подъ вліяніемъ хода исторіи и мѣстныхъ условій, но оставляютъ неприкосновенными основныя черты. Вѣра и языкъ составляютъ эти черты русской народности; племенное сродство, единство церкви, родство властвующей фамиліи и родовыя понятія во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ этой фамиліи, преданія прошлаго, наконецъ духовная и моральная связь съ Византіею, откуда Русь продолжаетъ заимствоваться просвѣщающими и цивилизующими идеями, являются связующими нитями, которыми закрѣпляется единство и цѣлость обѣихъ частей Руси.

Въ половинѣ XIII вѣка татарское вторженіе полагаетъ начало раздѣленія Руси на двѣ половины и даетъ особенное направленіе ея исторіи.[1]) Съ этой эпохи, въ продолженіи 4 вѣковъ,

---

[1]) Впрочемъ татарское вторженіе измѣнило только политическій бытъ Руси и затруднило взаимное общеніе отдаленныхъ частей ея, но раздѣленія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, еще не причинило. Является правда, по политикѣ хановъ, два великіе князья, — какъ бы двѣ главы, прежде и въ этомъ отношеніи единой Руси, а съ тѣмъ вмѣстѣ и два центра русской народно-

обѣ половины имѣютъ каждая свою особенную исторію и съ этой же эпохи начинаютъ вырабатываться два типа русской народности — сѣверовосточной (великорусскій) и южнорусскій (малорусскій).[2]) Между тѣмъ какъ сѣверная Русь, подъ тяжелымъ

ности,— Москва и Галичь, но это раздвоеніе нельзя назвать политическимъ, и чисто административнымъ: — всѣ частно Руси составляли Русь единую, подвластную Ордѣ. Собственно же раздѣленіе Руси на Русь Восточную и Западную началось со временъ освобожденія Руси Западной изъ подъ татарскаго ига и подпаденія ея подъ влатсть литовскихъ князей династіи Гедимина, но и это раздѣленіе только было внѣшнѣе и имѣло характеръ не столько политическій, сколько династическій, — вмѣсто рюриковичей господствуютъ надъ нею, сроднившіеся съ послѣдними,по женской линіи гедиминовичи: литовскій элементъ поглощается русскимъ и все таки русское единеніе всѣхъ частей прежней единой Руси, не исключая и подътатарской остается неприкосновеннымъ до Ягеллы. Именно, только съ городельскаго сейма начинается собственно политическое отдѣленіе Руси Западной отъ Восточной — подътатарской, и оно сопровождается продолжительною борьбою русиновъ съ поляками за политическую автономію первыхъ,— борьбою продолжавшею до 1569 г. и послѣ. Можно сказать, что и въ этотъ періодъ времени, отъ Гедимина до люблинской уніи, т. е. до 1569 г., раздѣленіе зап. Руси колебалось еще между единствомъ, и только дѣланы были попытки къ разсторженію союза съ Русью Восточною, — сперьва В. Кн. Витольдомъ въ 1315 году учредившимъ особую, литовско-русскую митрополію, и Ягелломъ, на городельскомъ сеймѣ, соединившимъ в. кн. литовско - русское съ Польшею, но эти попытки несопровождались, существеннымъ успѣхомъ: московскіе митрополиты и послѣ учрежденія литовской митрополіи, долгое время имѣновались митрополитами кіевскими и всея Руси, а соединеніе съ Польшею Русины до 1569 года оспаривали постоянно, — даже нерѣдко до пролитія крови.

Примѣч. Ред.

[2]) Слѣдовало бы уже сказать и *третій* типъ западно-рус-

гнетомъ Татаръ, подпадая вредному вліянію ихъ въ государственной, общественной и семейной жизни, болѣе и болѣе уединяется на сѣверовостокъ, высвобождается изъ подъ господства родовыхъ отношеній, крѣпнетъ, и постепенно сплочиваясь, ищетъ, для утвержденія новаго порядка вещей, новый центръ тяжести, отыскиваетъ его въ Москвѣ, и въ XIV вѣкѣ уже начинаетъ собирать русскую землю подъ наслѣдственною, неограниченною властью московскаго великаго князя[3]),—южная Русь, подавленная тѣмъ же гнетомъ, истощенная раздорами князей изъ родовыхъ счетовъ и внутренними смутами, утрачиваетъ совершенно свое прежнее значеніе и получаетъ названіе *Малой Руси*, по отношенію къ сѣверу, получившему въ народномъ сознаніи имя *Великой Руси*.[4]) Раззоренный Кіевъ подпадаетъ подъ управленіе баскаковъ. Отъ опустошеній и насилій Татаръ страна безлюднѣетъ, лучшія фамиліи укрываются въ Литвѣ, а низшее населеніе ищетъ выхода изъ тяжелаго положенія въ удаленіи

скій. т. е. частнѣе: бѣлорусскій и черноруcскій, но авторъ здѣсь имѣетъ въ виду только Русь южную, по обѣимъ берегамъ Днѣпра.

[3]) Той же самой династіи великихъ князей русскихъ кіевскихъ рюриковичей. Прим. Ред.

[4]) Малая Русь не только неутратила *совершенно* своего значенія тогда, но даже и теперь, послѣ такого длиннаго ряда испытаній, какимъ неподвергалось никогда, даже подъ владѣтельствомъ татаръ, великая Русь;— тамъ какъ и доселѣ сбѣрегла, въ существѣ своемъ, неприкосновенными отъ чуженародныхъ вліяній нетолько свою вѣру и языкъ, но даже нраввы преданія и обычаи обще-русско славянскія, хоть и не въ первоначальной цѣлости сколько у великоруссовъ (напр. русскій языкъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ остался въ существѣ тѣмъ ихъ русскимъ языкомъ, какъ и увеликоруссовъ,— но исковерканный чрезъ преобладающее, вѣковое отъ него вліяніе языка польскаго, исковерканнаго въ свою очередь вліяніемъ языковъ нэмѣцкаго и французскаго). Прим. Ред.

на незаселенныя окраины, составляетъ тамъ, для своей защиты и борьбы съ врагомъ военныя, товарищества и кладетъ основаніе знаменитому *козачеству*.

Югозападная часть Малой Руси, галицкое княжество, благодаря мужеству и дѣятельности нѣсколькихъ энергическихъ личностей изъ своихъ князей, успѣваетъ на нѣкоторое время составить себѣ независимое положеніе, ищетъ опоры на западѣ, принимаетъ отъ римскаго папы титулъ королевства, присвоиваетъ себѣ Волынь и Кіевъ и повидимому готовится образовать на югѣ другое русское государство; но преемники этихъ князей оказываются ниже своей задачи. Около половины XIV вѣка галицкое королевство навсегда утрачиваетъ свою самостоятельность и присоединяется къ Польшѣ въ видѣ провинціи.

Для освобожденія отъ татарскаго владычества, собственныхъ силъ малорусскаго населенія было недостаточно. Избавителемъ его дѣлается Литва, которая въ началѣ XIV вѣка, подъ властію Гедимина, является сильнымъ воинственнымъ государствомъ. Гедеминъ завоевываетъ Малую Русь у Татаръ, присоединяетъ ее къ своему маленькому княжеству и образуетъ могущественное *литовско-русское государство*. Въ этомъ новомъ государствѣ русская народность является преобладающею не только по своей численности, но и по образованности, и вступаетъ въ составъ Литвы, какъ цивилизующій элементъ. Она сообщаетъ Литвѣ свой языкъ, законы и религію. Литовскій элементъ проникается началами русской народности и является въ Малой Руси тѣмъ же, чѣмъ былъ для ней въ свое время варяго-русскій, т. е. началомъ централизующимъ и связующимъ ея разрозненныя силы. Такимъ образомъ южная русь въ другой разъ оказалась несостоятельною къ образованію самостоятельной государственной жизни изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ элементовъ. Далѣе увидимъ подобное явленіе еще разъ.

Обѣ половины Руси, южная — литовская и сѣверная — великороссійская, вскорѣ приходятъ въ столкновеніе и борьбу, сущность которой есть только видоизмѣненіе родовыхъ счетовъ, господствовавшихъ въ отношеніи князей прежней единой Руси. Борьба имѣетъ характеръ антагонизма двухъ могущественныхъ родственныхъ фамулій, успѣвшихъ сосредоточить подъ своею властью силы двухъ половинъ Руси, за преобладаніе и господство во всей русской землѣ. Успѣхъ борьбы склоняется то на одну, то на другую сторону, смотря по личнымъ качествамъ великихъ князей, стоявшихъ въ главѣ соперничествующихъ фамилій. Были моменты, когда великая Русь близка была къ подчиненію литовской, но поворотъ Литвы къ Польшѣ далъ иное направленіе ходу исторіи обѣихъ государствъ.

Пока обѣ половины Руси сосредоточивались подъ знаменемъ единовластія московскихъ князей — на сѣверѣ, и литовскихъ — на югѣ, Польша собирала свои силы и послѣ продолжительныхъ смутъ, источникомъ которыхъ были тѣже родовые счеты польскихъ князей, которые причиняли неурядицы и въ Руси, достигаетъ могущества подъ единовластіемъ своихъ королей, но значительно ограниченнымъ вліяніемъ духовной и вельможной аристократіи и демократической шляхты. Въ исторіи Польши мы видимъ только нѣкоторыя явленія, сходныя съ явленіями жизни Руси: начальный вѣчевой бытъ, общинное владѣніе землею, господство родовыхъ понятій, въ отношеніяхъ князей, составляютъ общія обѣимъ государствамъ черты сходства. Далѣе, различіе въ условіяхъ мѣстности и народнаго быта, подобно какъ и въ Руси, ложатся въ основаніе различія двухъ частей Польши — Великой и Малой, которое вліяетъ на развитіе дальнѣйшей исторіи Польши. Потомъ таже перестановка центра политической жизни Польши, какую мы видимъ въ Руси, пока жизнь эта не опредѣлилась и не установилась

на выработанныхъ исторіею началахъ и тоже соотношеніе этой перестановки съ извѣстнымъ политическимъ направленіемъ: гнѣздо, бывшее дѣйствительнымъ гнѣздомъ ляшскихъ племенъ, при первой централизаціи Болеслава Великаго покидается и столица Польши переносится въ Краковъ, но уже въ XIV вѣкѣ этою столицею фактически начинаетъ дѣлаться Варшава. Наконецъ потеря низшимъ сельскимъ населеніемъ личной свободы и прикрѣпленіе его къ землѣ, явившееся въ Польшѣ и Руси почти одновременно, хотя и вслѣдствіе совершенно различныхъ причинъ. Во всемъ остальномъ жизнь двухъ великихъ славянскихъ государствъ представляетъ глубокую розь.

Тогда какъ въ Руси элементы общественнаго быта, присущіе славянскимъ племенамъ и внесенные варягорусскимъ началомъ, постепенно утрачиваютъ свое значеніе, какъ политическія и общественныя силы, а съ образованіемъ московскаго государства совершенно никнутъ передъ могущественною централизующею и нивеллирующею властію царей, — въ Польшѣ сохраняются основы вѣчеваго быта, принимая постепенно формы народнаго представительства, и развиваются начала гражданской полноправности, личной и политической свободы, но къ сожалѣнію, эти великія начала политической жизни обществъ принимаютъ въ Польшѣ характеръ исключительности и привиллегіи. Въ своемъ развитіи онѣ идутъ гибельнымъ для Польши путемъ. Между тѣмъ какъ на Руси классъ значительныхъ землевладѣльцевъ, образовавшійся изъ дружиннаго сословія и фамилій удѣльныхъ князей и представлявшій, по видимому, всѣ условія къ образованію сильной аристократіи, подъ автократіею московскихъ царей, приходитъ къ полному политическому ничтожеству, — въ Польшѣ, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, организуется могущественное и многочисленное шляхетское сословіе, которое въ связи съ національнымъ духо-

венствомъ, захватываетъ всю государственную власть. Присвоивши себѣ исключительное право служенія государству, бывшее въ началѣ обязанностію всѣхъ подданныхъ, шляхетское сословіе сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ военное могущество, власть судебную и административную, а посредствомъ своихъ сеймовъ, сохранившихъ въ рѣшеніи дѣлъ единогласіемъ первообразъ прежнихъ вѣчевыхъ сходокъ, и власть законодательную.

Съ такимъ-то государствомъ, имѣвшимъ устройство, блестящее по наружности, но носившее въ себѣ глубокіе зародыши смерти и разложенія, литовская Русь въ концѣ XIV вѣка вступаетъ въ династическое соединеніе на условіяхъ федеративнаго союза.

Это событіе оставляетъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ фазисовъ въ развитіи исторической жизни Руси и Польши. Оно даетъ тонъ всей послѣдующей исторіи обѣихъ государствъ и служитъ исходною точкою продолжительной упорной борьбы двухъ великихъ славянскихъ народностей, развившихся и взросшихъ на противуположныхъ началахъ, борьбы, которая, приведши Польшу къ потерѣ политической самостоятельности, еще досѣлѣ неокончена и ведется съ тѣмъ же одушевленіемъ, какимъ характеризуется она со дня возникновенія, мѣняя только орудія и средства, сообразно духу и обстоятельствамъ времени.

Соединеніе литовской Руси съ Польшею усиливаетъ политическое могущество послѣдней, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней установливается избирательный образъ правленія, а этотъ порядокъ вѣщей влечетъ за собою чрезмѣрное, ненормальное усиленіе значенія вельможной аристократіи и шляхетства въ ущербъ прочимъ сословіямъ. Съ этой поры великіе гражданскіе принципы, выработанные жизнію Польши, поднимаются все выше и

выше къ верху и дѣлаются потомъ привиллегіею нѣсколькихъ могущественныхъ шляхетскихъ фамилій и высшаго духовенства. Свободныя сословія среднее и нисшее (посполъство) утрачиваютъ всякое политическое и общественное значеніе, а крестьяне постепенно лишаются личной свободы, прикрѣпляются къ землѣ и обращаются въ безправное сословіе рабовъ—*хлоповъ*, имѣющее въ глазахъ шляхты значеніе только силы экономической. Съ тѣмъ вмѣстѣ верховная власть слабѣетъ болѣе и болѣе и доходитъ до жалкой нѣмочи; могущество же магнатовъ, разрастается въ уродливое своеволіе, незнавшее себѣ границъ. Въ шляхетскомъ сословіи образуются многочисленныя партіи, но онѣ дѣлятся не по политическимъ убѣжденіямъ и представляютъ не общественные интересы земства, а служатъ только личнымъ честолюбивымъ и эгоистическимъ цѣлямъ магнатовъ, которые, сосредоточивши въ своихъ рукахъ громадныя богатства, собираютъ вокругъ себя толпы кліентовъ изъ обѣднѣвшей и оголодавшей шляхты. Народное, представительное собраніе обращается въ буйные сходки, которыя не рѣдко оканчиваются кровавыми сцѣнами, оставаясь совершенно безплодными для общаго блага и неудовлетворяя самыхъ первыхъ и настоятельныхъ потребностей и нуждъ страны. При малѣйшемъ сопротивленіи верховной власти партіямъ, шляхта созываетъ сеймы, подымаетъ конфедераціи, начинаетъ междоусобіе, призываетъ помощь иностранныхъ государствъ. Къ такому порядку вѣщей присоединялся еще религіозный фанатизмъ римской пропаганды. Р.-католическое духовенство въ Польшѣ имѣя своего главувъ Римѣ, свои особенные интересы и цѣли, несогласные, а часто и противные государственнымъ, пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику польскаго правительства и руководимое фанатическою преданностію папскому престолу, подвигаетъ сеймы къ постановленіямъ самымъ гибельнымъ для

блага Польши, парализируя всѣ благонамѣренныя попытки королей и патріотовъ, задуманныя въ цѣли общаго блага и успокоенія взволнованной религіозными преслѣдованіями страны. Политическія и гражданскія права поставляются въ зависимость отъ религіозныхъ убѣжденій; всѣ несогласные съ вѣроисповѣданіемъ римско-католиковъ подвергаются преслѣдованіямъ и гоненіямъ, дѣлающимся источникомъ междоусобій, внутреннихъ смутъ и общей неурядицы. Такое направленіе во внутренней политикѣ польскаго правительства въ особенности начало господствовать со времени появленія въ Польшѣ іезуитовъ. Призванные королемъ фанатикомъ для борьбы съ протестантизмомъ, проникшимъ въ Польшу изъ Германіи, они своимъ рвеніемъ къ дѣлу папы много причинили зла принявшей ихъ странѣ и не мало содѣйствовали къ ускоренію ея гибели. Такой порядокъ вещей не могъ привести ни къ чему другому, какъ къ полной неурядицѣ и анархіи, которыми Польша дѣйствительно и закончила свое политическое существованіе.

И такъ полное рабство нисшаго населенія, религіозный фанатизмъ, безсиліе верховной власти и, посреди всего этого, безграничное своеволіе магнатовъ; вотъ тѣ мертвящія начала, не только несогласныя съ правильнымъ органическимъ развитіемъ обществъ, но и противныя всякому соціальному порядку, тѣ начала, которыя Польша готовилась внести въ жизнь литовской Руси и которыя со всею ревностію прозелитизма она старалась ей привить. Здоровый инстинктъ массъ отвергъ эти разъѣдающіе начала. Столкновеніе было неизбѣжно и оно незамедлило вскорѣ послѣдовать.

По соединеніи литовской Руси съ Польшею политика послѣдней въ отношеніи союзной страны направляется къ закрѣпленію соединенія и замѣнѣ непрочныхъ узъ федераціи внутренними, связующими началами общей жизни обѣихъ госу-

дарствъ, Характеръ этой политики и средства, которыми она надѣялась достигнуть цѣли, обозначились немедленно при самомъ вступленіи въ бракъ Ягеллы съ Ядвигою. Первымъ политическимъ актомъ новаго польскаго короля было принятіе имъ, вмѣстѣ съ своею свитою, римскаго католичества и обращеніе въ эту религію природныхъ литвиновъ, находившихся еще въ язычествѣ. Римско-католическая нетерпимость не замедлила тутъ же заявить свои тенденціи: постановлено было обратить въ католичество убѣжденіемъ или насиліемъ всѣхъ литвиновъ, безъ различія вѣроисповѣданія, къ которому бы они не принадлежали прежде.

Это постановленіе направлено было прямо противъ православія, которое мирнымъ путемъ успѣло уже распространиться въ Литвѣ. Затѣмъ на Городловскомъ сеймѣ торжественно провозглашено было единеніе и братство шляхты польской съ литовскою въ пышныхъ реторическихъ фразахъ—со стороны первой, въ сдержанныхъ и холодныхъ выраженіяхъ—со стороны послѣдней. Но это единеніе двухъ высшихъ сословій союзныхъ государствъ установлялось только для исповѣдующихъ р. католичество; представителей руской православной шляхты на Городловскомъ сеймѣ не было. Въ этихъ двухъ актахъ выразилась вся сущность политики Польши въ отношеніи литовской Руси. Дальнѣйшіе мѣры суть только развитіе основныхъ принциповъ этой политики—слить двѣ народности единствомъ вѣры и привиллегій шляхты. Логическимъ послѣдствіемъ такой политики были постановленія Люблинскаго сейма въ 1569 г. и церковная унія; но результаты далеко не отвѣчали ожиданіямъ и горько обманули усилія и надежды пропагандистовъ польской національности. Народности соединившихся государствъ развились и окрѣпли на слишкомъ несовмѣстныхъ одно съ другимъ началахъ, чтобы слиться въ одно цѣлое и образовать плотную массу. Два съ половиною вѣка безплодныхъ усилій польской

политики вызвали только ожесточенную борьбу, глубоко потрясшую оба государства, и привели къ уничтоженію неестественнаго союза и къ глубокому, дай Богъ, чтобы не къ невозвратному разрыву двухъ народностей.

Ненаціональность этого союза и антипатичность къ нему въ литовской Руси выразились въ страстныхъ стремленіяхъ ея, къ сохраненію своей самостоятельности и народности, въ постоянной холодности и недовѣріи ея населенія къ полякамъ, и въ постановленіяхъ, которыми она старалась оградить себя отъ вторженій польскаго элемента и уклониться отъ распростертыхъ объятій своихъ навязчивыхъ друзей. Какъ велико было это недовѣріе, можно судить изъ того условія федераціи, по которому литовско русскіе чины выговорили себѣ запрещеніе полякамъ не только *селиться* въ присоединенной странѣ, но и *въѣзжать* въ нее безъ согласія чиновъ. Не разъ Литовская Русь разрывала династическое соединеніе съ Польшею и вступала въ борьбу съ нею; но поляки спѣшили поправить дѣло избраніемъ литовскихъ князей своими королями, и въ тоже время р. католическою пропагандою и введеніемъ польскаго элемента въ землевладѣніе въ союзной странѣ ослабить и подавить народныя силы. Вопреки условіямъ федераціи во второй половинѣ XVI в. поляки получили формальное право на пріобрѣтеніе поземельной собственности въ литовской Руси, а вскорѣ за тѣмъ послѣдовало на Люблинскомъ сеймѣ окончательное соединеніе союзныхъ государствъ на условіяхъ совершеннаго равенства соединившихся сторонъ и въ видахъ полнаго слiянія и сплоченія въ одно цѣлое обѣихъ народностей. Литовскіе чины энергически протестовали противъ Люблинскаго акта, но измѣнники народному дѣлу нашлись среди русскихъ магнатовъ, искавшихъ чести сравниться въ правахъ и привиллегіяхъ съ польскими. За ними угрозами конфискаціи имѣній вынуждена была къ согласію на

этотъ актъ и прочая шляхта литовской Руси. Спрашивать о мнѣніи остальнаго населенія, и въ голову никому не приходило въ странѣ, гдѣ шляхта значила все.

За Люблинскимъ сеймомъ въ концѣ XVI в. послѣдовала *унія* и начались фанатическія преслѣдованія православія. Драгоцѣнное правило divide et impera съ успѣхомъ примѣнено было іезуитами въ Руси. Унія произвела въ русской церкви расколъ и внесла разладъ и ненависть въ среду русскаго православнаго общества. Напрасно русская шляхта возвышала голосъ свой на защиту народныхъ правъ, вѣры своихъ предковъ, роднаго языка; польское правительство, руководимое фанатическою пропагандою и клерикальною партіею, оставалось глухо къ требованіямъ и жалобамъ *схизматиковъ* (отщепенцевъ) (*) и продолжало съ непонятнымъ упрямствомъ слѣдовать своей гибельной политикѣ. Когда въ жертву католическаго фанатизма принесена была голова начальника народной дружины, гетмана Коссинскаго, послѣдовалъ взрывъ народнаго негодованія и народъ взялся самъ защищать свою религію и свои права. Началась ожесточенная борьба и боевая схватка православной демократіи съ католическою аристократіею, извѣстная подъ именемъ *Казацкихъ войнъ*.

*) Слово греческое, въ первый разъ употребленное, въ отношеніи латинянъ греками въ актѣ константинопольскаго собора 1054 г., по случаю отлученія отъ вселенской церкви римск. папы и всей западной церкви: за несобразныя съ духомъ вселенской (т. е. каѳолич.) церкви нововведенія, за дерзкій поступокъ папскихъ легатовъ въ Константинополѣ, при уходѣ изъ Софійскаго храма, положившихъ на св. престолѣ буллу проклятія на патріарха Михаила Керулларія и на всю константинопольскую церковь. Именно, въ актѣ этомъ *схизматиками* названы римляне т. е. рим.-католики, такъ какъ въ лицѣ своего первосвященника они отпали отъ единенія съ церковію, въ которомъ осталися всѣ остальные четыре пат-

По соединеніи съ Польшею Литовской Руси юговосточная окраина ея, прилегавшая къ Татарскимъ кочевьямъ, сдѣлалась *Украиною*, защита которой отъ хищничества Татаръ возложена была на народную дружину—Козаковъ. Въ XVI в. казацкое войско, формировавшееся изъ нисшаго населенія Руси, преимущественно изъ крестьянъ, получаетъ право избранія Гетмановъ изъ своей среды, арганизуется и подвигами мужества и кровію, пролитою за интересы Польши, пріобрѣтаетъ уваженіе шляхты и права ея. Попытки нѣкоторыхъ польскихъ королей дать казачеству правильное устройство и подчинить своей власти неимѣли успѣха. Оно твердо отстаивало свое самостоятельное положеніе и съ постепеннымъ ополяченіемъ высшаго класса, стало принимать подъ свою защиту народные интерессы. Мало по-малу въ козачествѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ

ріарха. Греки и по настоящее время р. католиковъ зовутъ схизматиками, а польскіе р.-католики русскихъ православныхъ, оставшихся неизмѣнно вѣрными восточной церкви, стали честить симъ названіемъ со временъ уніи и первые употребили это слово, для различія унитовъ отъ неунитовъ, іезуиты. Первоначально, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, православныхъ русскихъ называли дизунитами, а не схизматиками. Да и странно называть тѣхъ отдѣлившимся (т. е. схизматиками), которые пребыли вѣрными прежнему порядку вещей, а нетѣхъ, которые дѣйствительно оставили прежнее, а приняли новое, какъ напр. римская церьковь и уніяты. Первая чрезъ введеніе нововведеній и искаженіе каѳолической, первоначальной чистоты вѣры de facto отпала отъ единенія съ церковью вселенскою, а послѣдніе отпали отъ послушанія и единенія съ церковію греческою, слѣдовательно и вселенскою, а соединились съ отпадшею отъ церкви вселенской церковію римскою и вмѣсто послушанія патріарху константинопольскому покорились римскому, т. е. папѣ. Они то, по всей справедливости и есть схизматики. ПРИМ. РЕДАКТОРА.

силы южнорусской народности и оно сдѣлалось сердцевиною ея, къ которой стали приливать всѣ соки народной жизни. Впослѣдствіи козачество проникнувшись шляхетскими принципами, пыталось обособиться привиллегіями подобно польской шляхтѣ, замкнуться и отдѣлиться отъ массы населенія: но избирательное начало и постоянный приливъ въ козачество угнѣтеннаго хлопства, подновлявшій его силы и бывшій въ интересахъ козацкой старшины, препятствовалъ осуществленію подобныхъ стремленій, затѣмъ по соединеніи обѣихъ частей руси, оно должно было подчиниться условіямъ общаго строя русской земли Но когда Польша начала насильственное ассимилированіе южной Руси, казачество было единственнымъ представителемъ народнаго элемента, имѣвшаго значеніе силы. Католическій прозелитизмъ, разжигаемый іезуитами, и надменность шляхты, нехотѣвшей видѣть въ возстаніи козаковъ ничего, кромѣ взбунтовавшагося хлопства, внесли крайнее ожесточеніе въ борьбу двухъ народностей. Въ самыхъ мучительныхъ и звѣрскихъ козняхъ погибаютъ казацкіе вожди: Коссинскій въ Брестѣ закладывается живымъ въ каменный столбъ; Наливайко съ тремя казацкими депутатами сожигается въ Варшавѣ медленнымъ огнемъ въ мѣдномъ быкѣ; съ Павлюка живаго тамъ же содрали кожу, а 4 старшинамъ отрубили головы и разослали по значительнѣйшимъ городамъ Малой Руси для выставки на сваяхъ. Остряница и 37 козацкихъ старшинъ, ихъ жены и дѣти, явившіеся въ Варшаву искать правосудія и милосердія для своихъ мужей и отцовъ у гордой шляхты, погибли въ ужасающихъ до невѣроятности истязаніяхъ. Всѣ эти казни, совершенные съ какимъ-то изступленнымъ озлобленіемъ, съ какою-то непонятно дикою местью, исполнялись по приговорамъ магнатовъ, гордившихся своею политическою свободою и цивилизаціею, въ столицѣ республики, посреди свободнаго народа, въ вѣкѣ возрожденія на Западѣ

великаго умственнаго движенія, произведеннаго тамъ реформаціею. А какое глубокое пренебреженіе къ нравственнымъ основамъ общества выразилось въ отношеніяхъ шляхты къ козакамъ въ этотъ кровавый періодъ борьбы.! Съ самимъ возмутительнымъ цинизмомъ шляхта прибѣгаетъ къ обману, вѣроломству, нарушенію чести, вѣрности даннаго слова и торжественнѣйшихъ клятвъ. Косинскій зазывается въ Брестъ подъ предлогомъ разсужденія по дѣлу Уніи, чтобъ принять тамъ мучительную смерть отъ католической шляхты и новыхъ прозелитовъ римской церкви уніатовъ, разъяренныхъ мужественнымъ и благороднымъ голосомъ гетмана, указывавшаго на несвоевременность и опасность отъ введенія уніи для спокойствія государства, Наливайко, послѣ заключеннаго съ поляками мира, въ доброй вѣрѣ прибылъ въ Варшаву на сеймъ съ тремя войсковыми депутатами, уполномоченными русскимъ народомъ для представленія польскому правительству своихъ нуждъ и потребностей, и тамъ въ нарушеніе самыхъ основныхъ народныхъ правъ, признаваемыхъ и дикими народами, вопреки основнымъ понятіямъ о человѣческой нравственности и народной чести, замучены самымъ варварскимъ образомъ. Павлюкъ и Остраница съ старшинами были вѣроломно захвачены послѣ заключеннаго съ поляками вѣчнаго мира, утвержденнаго обоюдными клятвами и доставлены въ Варшаву на жертву. Все это дѣлалось потому что шляхетство считало себя свободнымъ отъ всякой человѣческой нравственности въ отношеніи хлопства, а отъ торжественныхъ религіозныхъ клятвъ шляхту услужливо освобождало католическое духовенство, какъ данныхъ схизматикамъ. Какое глубокое нравственное растлѣніе въ сословіи стремившимся господствовать въ чужой странѣ.

Торжественности мукъ и истязаній подвергались только избранники южно-русскаго православнаго народа, нисшее насе-

леніе неудостоивалось подобныхъ церемоній. Съ ними шляхта и р. католическое духовенство расправлялось по своему усмотрѣнію. Фанатическое гоненіе и преслѣдованіе за вѣру; всевозможное униженіе *схизматической* религіи и ея послѣдователей; наглое попраніе народной святыни и оскорбленіе религіозныхъ чувствъ народа; разореніе и оскверненіе православныхъ церквей обращеніемъ ихъ въ конюшни, шинки или отдачею въ откупъ жидамъ вмѣстѣ съ необходимыми религіозными обрядами, всякаго рода насилія и неистовства, словомъ все, что только могло приходить въ голову изувѣрству, фанатизму, разнузданнымъ страстямъ шляхты и распущеннаго жолнерства,—все это совершалось надъ бѣднымъ угнѣтеннымъ народомъ, какъ надъ чернью, возставшею противъ законной власти благороднаго шляхетства. За такое попраніе своихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ народъ мстилъ кровавою местью. Козаки съ оружіемъ въ рукахъ сражались съ шляхтою и жолнерствомъ, и каждый бой, каждая стычка были ожесточенною ненавистью съ одной стороны, геройствомъ отчаянія съ другой. Побѣжденные—козаки не просили пощады, побѣдители—они не давали ее своимъ врагамъ. Въ тоже время народъ составлялъ летучіе отряды *гайдамаковъ* и въ свою очередь свирѣпствовалъ въ имѣніяхъ пановъ, истребляя все, что только носило признакъ польской національности, и орудіе пановъ въ угнѣтеніи народа —жидовъ. Послѣ каждой побѣды шляхетства, угнетѣніе народа усиливалось, православное населеніе лишалось политическихъ и общественныхъ правъ. На сеймѣ 1597 г. русскіе депутаты навсегда лишены были права участвовать въ народныхъ сеймахъ, а дворянство права выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ; оно названо хлопствомъ, а народъ, отвергавшій унію, схизматическимъ; велѣно отъ русскихъ урядниковъ отобрать всѣ ранговыя имѣнія и передать полякамъ; весь русскій

народъ объявленъ бунтующимъ и состоящимъ внѣ законовъ; польскимъ войскамъ, занявшимъ города и селенія въ южной Руси, предоставлено было дѣлать народу все, что вздумается; на сеймѣ 1637 г. казаки лишены шляхетства, уравнены съ хлопами и для управленія ихъ назначены комиссары съ неограниченною властію на жизнь и смерть.

Вотъ какими средствами польское правительство надѣялось достигнуть сліянія двухъ народностей. Доведенный до отчаянія южнорусскій народъ поголовно возсталъ на защиту попранныхъ правъ своихъ и въ Хмельницкомъ нашелъ себѣ геніальнаго вождя. Время народной борьбы подъ предводительствомъ Хмельницкаго составляетъ блистательный періодъ въ исторіи Южной Руси. Вдохновленные отчаяніемъ и сознаніемъ правоты своего дѣла, козаки рядомъ геройскихъ подвиговъ и тяжелыхъ пораженій, нанесенныхъ польской шляхтѣ, приводятъ въ движеніе все населеніе Южной Руси, потрясаютъ до основанія могущество рѣчи посполитой, заставляютъ ее поднять народное ополченіе (посполитое рушеніе) и подъ Зборовымъ наносятъ ей тяжелый и рѣшительный ударъ. Униженная пораженіемъ аристократическая нація, въ лицѣ своего короля и шляхты, принуждена была не только признать законнымъ существованіе этого хлопскаго войска, умѣвшаго сражаться и побѣждать гордыхъ магнатовъ, но и отказаться отъ притязаній своихъ на Южную Русь. Оставленная самой себѣ Русь съ достоинствомъ поддерживаетъ свое независимое положеніе; но образовать изъ себя плотное цѣлое и отстоять свою самостоятельность, она еще разъ оказалась несостоятельною.

Несмотря на вѣковое разъединеніе и различіе въ нравахъ, обычаяхъ, характерѣ и самомъ говорѣ народномъ, выработанное особенными условіями историческаго развитія обѣихъ частей Руси, народныя тенденціи къ сплоченію были могуще-

ственны, и вопреки всѣмъ препятствіямъ со стороны враждебныхъ сосѣдей Руси и самой Москвы, заключавшихся въ грубости, корыстолюбіи и невѣжествѣ ея агентовъ, въ 1654 г. послѣдовало въ Переяславѣ торжественное соединеніе обѣихъ частей, по приговору вольной казацкой рады—съ одной стороны и по совѣту представителей всего населенія, высказанному на земскомъ сборѣ въ Москвѣ—съ другой стороны. Ненавистный и противный народнымъ основамъ союзъ съ Польшею былъ разорванъ и послѣ трехвѣковаго отдѣленія разрозненныя части Руси соединились для общей нераздѣльной жизни. Великая и Малая Русь составили снова *единую Русь*, и Царь Московскій принялъ титулъ Государя всей Великой, Малой и Бѣлой Руси (*). Для дальнѣйшаго развитія возсоединившейся Руси представились необходимыми новыя принципы государственной и общественной жизни, новая форма и новый политическій и соціальный центръ. Но до окончательнаго возсоединенія и сліянія въ одно цѣлое разрозненныхъ исторіею частей своихъ, Русь достигла медленнымъ и мучительнымъ процессомъ борьбы съ внѣшними врагами и внутреннею неурядицею, бывшею послѣдствіемъ глубокаго потрясенія юга польскимъ гнѣтомъ. Переяславское соединеніе вовлекло Русь въ войну съ Польшею и Турціею. Польша напрягла всѣ усилія чтобъ возвратить потерянное, Турція привлечена была къ участію въ борьбѣ патріотическою попыткою гетмана Дорошенка доставить независимость Малой Руси. Война съ Польшею пріостановлена была андрусовскимъ перемиріемъ, раздвоившимъ малую Русь на *восточную и западную Украйну*, и окончательно прекращена московскимъ мирнымъ трактатомъ (1656 г.), а съ Турціею бах-

*) Замѣчательно, что митрополиты, современи перенесенія митрополичьей каѳедры въ Москву, титуловались митрополитами московскими, кіевскими и всея Руси. *Прим. Редактора.*

чисарайскимъ перемиріемъ (1681 г.). Этими мирными трактатами восточная Украина съ Кіевомъ и Запорожьемъ утверждена была за московскою Русью.

Такое раздвоеніе Украйны, установленное государственною необходимостію, имѣло важныя послѣдствія для западной стороны, оставшейся за Польшею. Тогда какъ восточная Украйна, высвободившись, послѣ соединенія съ Москвою, изъ подъ гнета польской шляхты и іезуитовъ, слагалась изъ чисто южнорусскаго элемента и постепенно сливалась съ московскою Русью, (т. е. съ Великою Россіею), западная Украйна еще цѣлое столѣтіе вынуждена была выдерживать неравную борьбу за свою народность, борьбу, сдѣлавшуюся неравною не только вслѣдствіе матеріальнаго раздробленія силъ южно-русскаго народа внѣшнимъ государственнымъ дѣленіемъ Малой Руси на двѣ половины, но и вслѣдствіе внутренняго общественнаго раздвоенія, происшедшаго въ западной Украинѣ, по поводу отпаденія высшаго слоя населенія отъ народа и соединенія съ польскою шляхтою.

Еще въ началѣ народной борьбы южнорусское дворянство стало переходить въ ряды польской шляхты, а къ концу XVII в. оно почти все ополячилось. Послѣ Люблинскаго сейма, когда шляхетство и римская пропаганда напрягли всѣ усилія къ подавленію и обезличенію русской народности, южнорусское православное дворянство явилось горячимъ защитникомъ ея. Совѣщаясь на провинціальныхъ сеймахъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ оно дѣлало постановленія о необходимыхъ къ охраненію интересовъ края мѣрахъ и, избравши изъ своей среды депутатовъ, отправляло ихъ съ инструкціями на генеральный сеймъ въ Варшаву. Время пощадило многія изъ этихъ важныхъ историческихъ документовъ и сохранило такимъ образомъ несомнѣнныя доказательства какъ тогдашняго положенія края, такъ и желаній и стремленій тогдашнихъ представителей русской на-

родности (*). Въ этихъ постановленіяхъ и инструкціяхъ на первомъ планѣ постоянно являются мѣры къ охраненію русской народности. Выражая свои предложенія о сохраненіи государственнаго благоустройства и порядка, начинавшихъ уже разрушаться отъ возникавшей тогда аристократической анархіи въ Польшѣ, высказывая горькіе упреки польскому правительству за безпрестанное нарушеніе народныхъ правъ и льготъ, утвержденныхъ и освященныхъ торжественными договорами и законами Рѣчи Посполитой; упрекая ее за несдержанныя обѣщанія водворить въ странѣ спокойствіе и обезпечить ее отъ внѣшнихъ враговъ, и описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ жалкое состояніе страны и своего сословія, въ которое онѣ поставлены были безурядицею,—дворянство жаловалось на притѣсненія и своеволія польскихъ пановъ и, напоминая объ условіяхъ соединенія Руси съ Польшею, о своихъ заслугахъ и понесенныхъ на защиту послѣдней потеряхъ, о своемъ равенствѣ и братствѣ съ польскою шляхтою, съ жаромъ отстаивало права православной религіи, роднаго языка и народныхъ льготъ и съ настойчивостію домогалось точнаго исполненія условій соединенія. Но самыя законныя домогательства, самыя краснорѣчивыя жалобы русскаго дворянства оставались безъ послѣдствій; когда же народъ живо затронутый въ существенныхъ основахъ своего быта, поднялся на защиту попранныхъ шляхтою и ксендзами правъ своихъ, положеніе южно-русскаго дворянства измѣнилось. Ряды шляхетныхъ защитниковъ русской народности начали рѣдѣть, а непріятельскій лагерь усиливаться перебѣжчиками. Охраняя свои привиллегіи, дворянство спѣшило принимать р. католичество и такимъ путемъ сравняться въ правахъ съ поль-

*) Постановленіе дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи: Изд: Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1861 г;

скою шляхтою. Послѣ раздвоенія малой Руси андрусовскимъ перемиріемъ и окончательнаго утвержденія за Москвою восточ. Украйны, вся польская и ополячившаяся русская шляхта осталась за Днѣпромъ, придавивши бѣдный народъ, истощенный упорною борьбою съ своимъ врагомъ и внутренними усобицами, всею тяжестію своихъ привилегій, своей ненависти и презрѣнія къ бунтующему и *схизматическому* хлопству. Лучшая часть населенія малой Руси перешла на восточную сторону Днѣпра; опустошенная западная сторона обезлюднела, козачество отъ уменьшенія прилива въ него крестьянъ, потеряло значеніе силы, раздѣлилось на мелкіе отряды и легко подчинилось власти пановъ; съ утратою значенія козаковъ народъ утратилъ опору и защиту отъ притѣсненій пановъ, а дворянство русское ополячившись увеличило силу послѣднихъ и вмѣстѣ съ ними явилось ревностнымъ гонителемъ своей народности; страна стала колонизироваться мелкою шляхтою и переселенцами изъ Литвы; унія, не встрѣчая болѣе сопротивленія въ ополячившемся высшемъ классѣ, дѣлала быстрые успѣхи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ западная Украйна мало-по-малу утрачивала своеобразный характеръ и получала видъ польской провинціи, гдѣ съ каждымъ годомъ южно-русскій элементъ подавлялся болѣе и болѣе. Гоненіе на православіе возобновлялось, своевольства и насилія шляхты удвоились; угнетенный народъ собиралъ послѣднія силы и страшно мстилъ своимъ притѣснителямъ, вырѣзывая цѣлыя населенія шляхты и жидовъ по мѣстечкамъ и городамъ. Память ***уманьской рѣзни, поліевщины и коліивщины*** живо сохраняется еще въ народѣ. Кровавое возстаніе подавляется русскими войсками, возмутившееся хлопство гибнетъ въ мучительнѣйшихъ казняхъ; шляхта торжествуетъ, но это было лебединою пѣснью ея своевольства. Аристократическая анархія въ Польшѣ достигла крайнихъ предѣловъ. Въ концѣ XVIII в.

Польша раздѣлена была между тремя сосѣдними государствами. По этому раздѣлу къ Россіи отошла остальная часть Украйны; а западная часть южной Руси, Галиція, досталась Австріи. Такъ кончилась особенная исторія южной Руси, а вмѣстѣ съ нею и исторія Польши, какъ самостоятельнаго государства.

Южная Русь имѣла великое значеніе въ историческихъ судьбахъ Россіи и Польши. Бывши въ началѣ исторіи Россіи, главнымъ средоточіемъ ея политической жизни, послѣ раздѣленія Руси на двѣ части, — южная Русь сдѣлалась тяжестію, нарушавшею равновѣсіе силъ двухъ великихъ славянскихъ государствъ, развившихся на различныхъ общественныхъ и государственныхъ началахъ. Отъ склоненія ея на одну или другую сторону зависѣло политическое могущество и сила того или другаго изъ соперничествующихъ государствъ. Въ союзѣ съ южною Русью Польша достигаетъ могущества, величія и славы; но іезуитизмъ и мертвящіе принципы шляхетства разорвали этотъ союзъ и Польша быстро пошла къ упадку. Черезъ столѣтіе послѣ московскаго мира, рѣшившаго судьбу южной Руси и окончательно связавшаго ее съ московскою Русью, Польша уже не существовала. Могучее дерево личной свободы и гражданской полноправности, выросшее на польской почвѣ и обѣщавшее великолѣпные плоды, уродливо развилось въ верхнихъ своихъ частяхъ, стянувши къ нимъ всѣ жизненные соки, зачахло и рухнуло отъ напора новыхъ и свѣжихъ силъ народной жизни. Въ соединеніи съ московскою Русью, южная Русь, подвергшись нивелирующему дѣйствію всемогущей централизаціи, образовала громадную политическую силу, которая начала притягивать къ себѣ отдѣльныя части всего славянскаго міра и становиться ядромъ его исторической будущности. Вскорѣ послѣ своего возсоединенія Русь поспѣшно отрывается отъ началъ и преданій своего прежняго развитія и въ основаніе новаго развитія кла-

детъ начала западной европейской цивилизаціи, принимаетъ форму имперіи, создаетъ для новыхъ началъ жизни новый центръ въ Петербургѣ, образуетъ грозное политическое могущество и побѣдоносная, торжествующая вступаетъ въ систему европейскихъ государствъ, болѣе и болѣе проникаясь принципами общеевропейской жизни. Петербургъ является новымъ центромъ объединенія Руси на началахъ западной цивилизаціи, и подъ его нивелирующимъ дѣйствіемъ постепенно сглаживаются особенности двухъ выработавшихся исторіею типовъ русской народности великорусскаго и малорусскаго—и сливаются въ одинъ общій современный *русскій типъ*. Въ общую жизнь Руси южно-русскій элементъ вступаетъ началомъ, смягчающимъ суровыя черты великорусскаго типа, сложившагося подъ вліяніемъ суроваго климата и продолжительнаго господства монголовъ. Историческая задача Петербурга еще невыполнена, дѣло выработанія общерусскаго типа еще продолжается, но въ своемъ органическомъ развитіи русская народность достигла уже до полнаго самосознанія. Съ окончаніемъ тысячелѣтія существованія Руси, она вступаетъ въ новый знаменательный фазисъ своего развитія. Великія внутреннія реформы и глубокое внутреннее умственное движеніе начинаютъ уже вырабатывать новыя начала жизни, обѣщающія для Россіи великую и славную будущность.

При развитіи этаго великаго политическаго организма Польша первая вошла въ круговоротъ его жизни; но этотъ входъ совершился путемъ исторической неправды, какова пожертвованіе частей раздробленнаго славянскаго государства исконному врагу славянской народности нѣмцамъ и вызвалъ тотъ знаменитый процессъ, который Польша въ лицѣ своей шляхты, разсѣявшейся по лицу земли, подняла передъ западною европою за права своей національности. Но не этотъ процессъ насъ зани-

маетъ. Обратимся къ иному процессу, вытекающему изъ тѣхъ же самыхъ основаній, но въ которомъ истцы, увлеченные тяжбою, далеко перешли границы справедливости, политическаго такта и приличія.

(Окончаніе впредь).

ПАДЕНІЕ
ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА
въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII столѣтіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ то время, когда въ католическихъ провинціяхъ Польши шляхта достигла полнаго преобладанія не только надъ низшими сословіями, но и надъ королевскою властію, когда вполнѣ образовался такъ называемый *шляхетскій народъ* польскій или шляхетская республика (rzeczpospolita),—изъ провинцій, въ которыхъ господствовала старая русская вѣра, выдѣлился классъ людей, отрицавшій своими дѣйствіями все, что у р. католической шляхты признавалось нерушимымъ во вѣки: религію, сословныя привиллегіи, право поземельной собственности и даже государственную систему. Это были *козаки*, условившіе себѣ съ незапамятныхъ временъ прозваніе *вольныхъ*, которое до сихъ поръ сохранилось въ поговоркѣ *вольный козакъ*. Выдѣлялись козаки изъ простонароднаго, рабочаго, податнаго населенія, по мѣрѣ того, какъ землевладѣльцы, съ помощью жидовъ, придумывали новыя и новыя средства къ увеличенію своихъ доходовъ. Каково бы ни было лексическое происхожденіе слова *козакъ*, но, по понятіямъ того времени, оно означало человѣка свободнаго, подчиненнаго только той власти, которую онъ призналъ надъ собой добровольно (¹)

(¹) Такъ опредѣляетъ слово *козакъ* сподвижникъ Стефана Баторія Гваньинъ. Козакъ, говоритъ онъ, есть человѣкъ свободный, дѣятельный, храбрый, ищущій себѣ добычи и служащій за деньги, кому пожелаетъ.

Положеніе Польскаго государства само собою наводило смѣлыя и непокорныя личности на мысль — освободиться отъ деспотической панской силы и представляло легкій къ тому способъ. Степи, лежащія за чертою, опредѣляемою Черкасами, Бѣлою Церковью и Камянцемъ, — старыми укрѣпленными пунктами, о которыхъ въ началѣ XVII вѣка изчезла уже и память, когда они были основаны (²),—долго считались ничьими послѣ того, какъ литовско-русскіе князья оттѣснили Татаръ къ Черному морю. Въ эти степи бѣжали всѣ, кому скитальческая жизнь, татарскіе набѣги и недостатокъ въ предметахъ, производимыхъ безопаснымъ общежитіемъ, казались болѣе сносными, нежели постоянная зависимость отъ панскаго произвола, часто переходившаго къ арендатору—жиду. Прямыя и косвенныя принужденія къ р. католичеству, начавшіяся современъ короля Владислава Ягайла, увеличивали число выходцевъ: изъ глубины Литвы, изъ Вильно и его окрестностей, разными способами и путями, пробирались въ такъ называемыя *дикія поля* предпріимчивые и отважные горожане и селяне ³). Этимъ способомъ заселились болѣе или менѣе густо пустыни вдоль рѣкъ: Днѣстра, Бога и по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до крымскаго Перекопа и Дона. По словамъ Грондскаго, имѣвшаго личныя сношенія съ козаками во времена Богдана Хмельницкаго и со-

---

(²) Въ пропозиціи на сеймъ, писанной около 1615 года, говорится, что султанъ домогался разоренія нѣскольких коронныхъ замковъ, какъ-то: Бѣлой Церкви, Черкасъ и Каменца; których pamętnica niemasz, kiedy zasiadły. (Рукоп. Петерб. публ. библіот. Л. F. отд. IV, № 99, л. 78.)

(³) Въ виленскихъ полемичекихъ брошюрахъ начала XVII вѣка, появлявшихся по поводу борьбы между р. католиками и защитниками греческой вѣры, говорится, что литовскіе выходцы наполняютъ низовья рѣкъ Днѣпра и Бога.

ставлявшаго свои понятія о старинѣ по изустнымъ преданіямъ, жители этихъ пустынь назывались вообще козаками,—вѣроятно, въ смыслѣ людей вольныхъ, не-панскихъ, не подвластныхъ шляхетской республикѣ. Такъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на себя первобытные козаки, какъ это видно, между прочимъ, и изъ думъ о временахъ Стефана Баторія. Не было имъ дѣла до того, что шляхетская нація называла занимаемыя ими земли своими, что она черту своихъ владѣній проводила тамъ, гдѣ полудикій славянинъ сталкивался съ полудикимъ татариномъ, что, однимъ словомъ, она считала козацкія поселенія частью Польши. Сосѣдство съ Ордою, не перестававшею дѣлать набѣги на старыя украинскія слободы по сю сторону Черкасъ, Бѣлой-Церкви и Каменца, необходимо дѣлало ихъ народомъ боевымъ, а общій всѣмъ имъ духъ отваги, освободившій ихъ отъ старой, рабской зависимости, легко перешелъ въ постоянную жажду военной добычи. Защищая отъ хищниковъ свои стада и хутора, они въ свою очередь становились хищниками для своихъ сосѣдей Татаръ, а размножившись и усилившись, распространили свои походы на Турцію и подвластную Турціи Молдавію. Этимъ способомъ литовско-украинскіе вольные бѣглецы сдѣлались передовой стѣною заселенной издавна кіевской и подольской Руси отъ набѣговъ Татаръ и безыменной хищной дичи, которая издавна гнѣздилась на окраинахъ Подолья, Буковины и Молдавіи. Подъ ихъ охраною, польская шляхта смѣлѣе прежняго переселялась изъ внутреннихъ провинцій, на плодородную украинскую почву, основывала здѣсь гуще и гуще слободы и наполняла ихъ подвластными себѣ людьми, или, какъ она ихъ называла, *подданными*. Такимъ образомъ, на опустошенной нѣкогда Татарами русской землѣ образовалось троякое населеніе: вольное козацкое, подданое мужицкое и привиллегированное шляхетское; одно—смѣлое воинственное, другое—запуганное работящее,

третье—гордое своими привиллегіями, происхожденіемъ и господствомъ.

По юридическимъ актамъ, земля украинская принадлежала шляхтѣ, такъ какъ въ государственной канцеляріи, безъ особенной разборчивости, отмѣривались панамъ на бумагѣ, для заселенія, обширныя пространства отъ рѣки до рѣки, отъ урочища до урочища, отъ шляху до шляху,—пространства, на которыхъ уже существовали слободы людей болѣе смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, полагавшихся на личныя средства и соединявшихъ вокругъ себя народъ собственными моральными силами. На дѣлѣ эта земля принадлежала козакамъ, между которыхъ врѣзывалась шляхта съ новыми поселенцами, часто переманенными ею изъ слободъ, принадлежавшихъ другимъ панамъ, обѣщаніемъ болѣе продолжительнаго льготнаго времени. При тогдашнемъ состояніи пастбищъ, при обширности пространствъ, отдѣлявшихъ одну купу козацкихъ хуторовъ отъ другой, привиллегированные пришельцы были скорѣе въ помощь, нежели въ убытокъ вольнымъ степнякамъ; но козаки, по преданію отъ отцовъ и матерей, сохранили непріязнь къ богатому, лощеному сословію, отъ котораго ихъ предки бѣжали въ дикія степи. Эту непріязнь внушили они и шляхетскимъ подданнымъ. Въ эпоху величайшихъ сословныхъ успѣховъ своихъ, не могла понять шляхта, что на этой землѣ, вновь занятой простолюдинами—украинцами во имя личной свободы своей, ея шляхетско-государственное начало, ея привиллегированная общественность, ея, р. католическая народность непримѣнимы. Панскія населенія, перемѣшанныя съ козацкими, дышали здѣсь инымъ духомъ, чѣмъ въ глубинѣ шляхетчины, гдѣ ужъ вѣками утвердилось полное преобладаніе привиллегированнаго народа надъ непривиллегированнымъ. Козацкій духъ, легко сообщавшійся смиреннымъ панскимъ поселянамъ, покамѣсть выражался только бѣг-

ствомъ отважнѣйшихъ людей изъ панскихъ селъ въ козацкіе хутора и слободы; но онъ глубоко проникалъ массы рабочаго люду. Козакъ дѣлался для нихъ идеаломъ человѣка; козацкая жизнь дѣлалась для нихъ идеаломъ счастливой жизни. Можно полагать, что пѣсни, неумолкающія въ Украинѣ до сихъ поръ, родились въ тѣ времена и что тогдашній народъ, видя передъ собой свободу въ образѣ козака, окружилъ его тѣми цвѣтами воображенія, которые дороги нынѣшнему украинцу по воспоминанію о славныхъ временахъ козачества и по надеждамъ, связаннымъ съ его существованіемъ. По этому-то козаки, будучи впослѣдствіи малочисленнѣе остального населенія Украины, были всегда сильнѣе его, а сила ихъ выростала еще болѣе отъ единовѣрія съ народомъ, угнетаемымъ р.католиками и ихъ пріемышами жидами, отъ сочувствія, которое рождалъ въ этомъ народѣ живой примѣръ ихъ дикой свободы и отъ общей надежды добиться и себѣ такой же свободы съ ихъ помощію.

Разбросанные такимъ образомъ по всему пространству Украины, козаки дѣлились: на Донцовъ, номинально подвластныхъ московскому царю; на лѣвобережныхъ Днѣпрянъ, обитавшихъ между городами: Черниговомъ, Нѣжиномъ, Лубнами, Полтавою; на правобережныхъ Днѣпрянъ, которые жили въ окрестностяхъ: Чигирина, Черкасъ, Корсуня и Житомира; на Божанъ, поселившихся по рѣкѣ Богу, вокругъ городовъ Брацлава, Винницы, Ладыжина, Уманя, и на Запорожцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ и лугахъ, за Порогами, между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Этихъ послѣднихъ называли низовцами, отъ слова *низъ*, которымъ обозначалось все пространство земель отъ Пороговъ до Чернаго моря и отъ Днѣпра до Днѣстра; и они-то составляли главную опору всего козачества, такъ какъ ихъ притоны были не только не доступны для шляхты, но даже и не извѣстны ей. Изнѣженные паны, владѣльцы селъ, наиболѣе угне-

таемыхъ арендаторами жидами, не могли преслѣдовать въ дикихъ поляхъ, въ топкихъ прирѣчныхъ заросляхъ, въ лѣсахъ и байракахъ-бездомныхъ скитальцевъ, которые сдружились съ дикою природою, доступною только птицамъ да звѣрямъ, и безъ коня, безъ хлѣбныхъ съѣстныхъ запасовъ, съ лукомъ и рыболовною сѣтью, находили себѣ тамъ привольное существованіе. Самое пространство, отдѣлявшее ихъ козацкіе *прикмѣты*, или знаки, понятные только товариству, отъ земель, которыя мы назовемъ жилыми, давало полную возможность многолюднымъ толпамъ оставаться внѣ всякихъ наблюденій узаконенной шляхтою власти.

Въ этой-то пустынѣ гнѣздилась та *воля*, которая присвоила козаку его вѣчный эпитетъ. Въ эти степи приходили козаки для охоты и рыболовства не только изъ польской Украины, но изъ московскаго Дону. Здѣсь, въ удаленіи отъ всего шляхетскаго, образовалось козацкое братство, въ которомъ всѣ были равны, въ которомъ и предводитель, облеченный диктаторскою властью, сложивъ съ себя высокое званіе, становился опять простымъ козакомъ. Это братство основало на Днѣпрѣ, ниже пороговъ, славную Січъ Запорожскую, гдѣ хранились военные припасы козацкіе, гдѣ была рыцарская школа для козацкой молодежи и куда ни подъ какимъ видомъ не могла быть введена женщина. Запорожье было убѣжищемъ и, такъ сказать, общимъ очагомъ всего козачества, и потому все козацкое войско, гдѣ бы оно не находилось, называло себя запорожскимъ. На запорожье посылали козаки свои жалобы на притѣсненія со стороны польскихъ пановъ; изъ Запорожья являлись они въ Украину для расправы съ панами и жидами.

Шляхетскій духъ не могъ ужиться на Украинѣ съ духомъ козацкимъ, тѣмъ болѣе, что и шляхтичъ и козакъ понимали свои права и взаимныя отношенія каждый по своему. Шлях-

тичъ, воспользовавшись избирательнымъ возведеніемъ королей на польскій престолъ, мало-помалу захватилъ всѣ выгоды общественнаго положенія, во вредъ низшимъ сословіямъ, заключилъ понятіе о народѣ и государствѣ только въ своемъ сословіи, присвоилъ одному себѣ честь защиты отечества и законодательную власть въ немъ, наконецъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, началъ смотрѣть на себя, какъ на апостола единой истинной вѣры и на творца государственнаго единства, при посредствѣ уніи. Самоуваженіе шляхтича было полное; спесь его доходила до безумія. Онъ боготворилъ свои гербовые знаки; онъ дѣлалъ для себя чѣмъ-то въ родѣ символа вѣры родовыя преданія, обыкновенно разцвѣчиваемыя тогдашними грамотѣями по методѣ схоластическаго краснорѣчія. Все, исключенное изъ участія въ его привиллегіяхъ, считалъ онъ просто служилою силою, но никакъ не частію націи или республики, потому что съ понятіемъ о націи и республикѣ у него всегда было не разлучно понятіе о шляхетствѣ. Съ другой стороны козакъ, вырвавшись бѣгствомъ на волю изъ-подъ опеки шляхты, опеки, мало чѣмъ отличавшійся отъ той, съ какою обыкновенно относится хозяинъ къ живымъ служилымъ силамъ въ своемъ хозяйствѣ,— былъ чуждъ всѣхъ унаслѣдованнныхъ шляхтою понятій о государствѣ, какъ о хранилищѣ вольностей шляхетскихъ; о неравенствѣ между собою человѣческихъ личностей, вслѣдствіе какихъ-то шляхетско-сеймовыхъ операцій; и даже объ отечествѣ, въ томъ смыслѣ, какъ разумѣлъ отечество шляхтичѣ, заставившій работать на себя нѣсколько разныхъ народностей. Для козака существовалъ только *рідный край*, въ смыслѣ убѣжища отъ панскихъ посягательствъ на его личную свободу. Онъ не уважалъ польскихъ законовъ, составленныхъ безъ его вѣдома на сеймахъ, гдѣ шляхетскія партіи увивались вокругъ избирательнаго короля и торговали у него права и преимуще-

ства не только для своего сословія, въ ущербъ другимъ сословіямъ, но и для своихъ фамилій въ ущербъ сословію шляхетскому. У него были свои древніе законы—обычаи, подавленные шляхтою въ порабощенныхъ ею селахъ и возстановленные въ козацкомъ вольномъ обществѣ [4]). Что касается до вѣры, то, принимая въ соображеніе бѣгство козаковъ и скитанье по пустынѣ, предшествовавшее ихъ размноженію и осѣдлому быту, едвали не слѣдуетъ согласится съ старыми польскими писателями, что козаки сами не знали, во что вѣровали. Они знали тольно одно—и знали твердо: что у нихъ вѣра не шляхетская. Слѣдуя ученію Іисуса перешедшему къ нимъ въ степную Украину болѣе изустнымъ, чѣмъ письменнымъ путемъ, они никакъ не допускали тожества его съ польскимъ Іезусомъ, во имя котораго въ городовой Украинѣ паны разгонали поселянъ изъ церквей и принуждали силою къ католичеству. Они знали, что предки ихъ бѣжали въ степи на волю, отъ пановъ—католиковъ, и по этому въ ихъ понятіи панъ—католикъ былъ чѣмъ-то стольже враждебнымъ къ людямъ одной съ ними вѣры, какъ и бусурманъ, набѣгающій на мирныя села съ лукомъ и арканомъ, какъ и жидъ, заѣдающій хлѣбороба подъ панскимъ покровительствомъ. Извѣстно, какъ хитро коренные польскіе паны переманили въ католичество пановъ старорусской вѣры. Кто изъ русскихъ пановъ и оставался еще въ такъ называемомъ *бла-*

[4]) См. драгоцѣнную стастью г. Иванишева: *О древныхъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи* (*Русск.* Бес. 1857 III.) Н. И. Костомаровъ нашелъ въ Литовской Метрикѣ документъ, въ которомъ сельскія *купы* и *громады* г. Иванишева называются *отчами*. Къ сожалѣнію, копія Костомарова потеряна, по милости одного изъ аккуратныхъ посредниковъ между писателями и обществомъ. Неутомимому нашему историку предстоитъ случайный трудъ отыскивать уже однажды найденое и списанное.

гочестіи,—и тотъ ужъ въ глазахъ козаковъ сохранилъ только русскія кости, но обросъ польскимъ мясомъ, какъ это они и высказывали въ глаза «благочестивымъ» панамъ украинскимъ, —напримѣръ Адаму Кисселю.

Какъ бы то ни было, только съ незапамятныхъ временъ между козаками и шляхтою начались болѣе или менѣе серьезныя ссоры, къ которымъ поводъ могъ подать уже одинъ противоположный взглядъ тѣхъ и другихъ на право владѣнія землями. Не разъ козацкая *займанщина* должна была соприкоснуться съ займанщиною панскою, по мѣрѣ того, какъ гуще и гуще дѣлались панскія слободы въ Украинѣ. Козаки, не зная по книгамъ, но чувствуя въ душѣ jus primi occupantis и, можетъ быть, сознавая свою заслугу, какъ охранителей всей Южной Руси отъ татарскихъ набѣговъ, смѣло нападали, при всякомъ удобномъ случаѣ, на „чужую собственность", какъ говорили паны и на „шляхетскую кражу у міру", какъ выражаются до сихъ поръ козацкіе потомки. Шляхта, искони воинственная, не спускала козакамъ и, владѣя превосходствомъ военныхъ средствъ, легко брала надъ ними перевѣсъ. За всякою побѣдою она получала право на владѣніе нѣкоторой частію козацкихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ налагала тягость подданства на ея обитателей. Такъ говоритъ руководившійся преданіями Грондскій, но прибавляетъ, что шляхтѣ не легко было утвердить это подданство за собою, такъ какъ оставалось много еще пустыхъ, менѣе доступныхъ для шляхты земель, куда покоренные уходили, по примѣру своихъ предковъ, и устраивали новыя, вольныя поселенія.

Упрекаютъ польскіе моралисты козаковъ въ томъ, что они, будучи издавна народомъ свободнымъ и, по своему рыцарскому значенію относительно борьбы съ невѣрными, такъ близко подходившимъ къ значенію шляхты, не вошли съ нею

въ такое единеніе, какъ литовско-русскіе *застѣнки*, то-есть захолустья, съ которыми польская шляхта еще при Сигизмундѣ Августѣ подѣлилась своими гербами и привиллегіями. Это потому, говорять они, что полудикіе козаки ни на что не хотѣли промѣнять своей разбойничьей и хищной жизни. Но едвали не будетъ справедливѣе сказать, что идея шляхетства была чужда козакамъ не по ихъ дикости и хищническому роду жизни, а потому, что она противорѣчила основному понятію козацкаго товариства—признанію равныхъ человѣческихъ правъ за каждымъ членомъ ихъ общества. Когда это понятіе притупилось въ разбогатѣвшихъ козацкихъ старшинахъ, поладившихъ съ панами; когда многіе паны прикинулись козаками и разлили въ высшемъ козацкомъ классѣ шляхетскій духъ,— козаки сперва тайно, а потомъ явно начали нобилитоваться, вопреки народному духу, но уже было поздно: народъ не хотѣлъ слышать о соединеніи съ поляками и поступилъ по пословицѣ: *хочъ гірше, аби инше*. Польскіе паны, начиная со временъ Сигизмунда Августа, напрасно добивались подчиненія козацкаго общества своей государственной системѣ, а козацкаго свободнаго духа—шляхетской деспотической волѣ. Козаки не сочувствовали этой системѣ ни мало и, можетъ быть умнѣйшіе изъ нихъ сознавали, что успѣшное развитіе ея уничтожитъ ихъ общественное и народное существованіе. Они хотѣли владѣть своей землею не по-феодальному; не въ крѣпостяхъ и баронствахъ, а во всегдашней поголовной готовности къ бою видѣли они надежную защиту родной земли; не панскую, а простонародную имѣли они въ виду націю. Каковы бы ни были осязательныя причины ихъ задоровъ и ссоръ съ панами и короннымъ войскомъ; но панскіе порядки на Украинѣ и панскія стремленія сдѣлать изъ Украины то, что уже было сдѣлано изъ другихъ польскихъ провинцій, были главными стихіями, изъ которыхъ

козаки и шляхта черпали свою взаимную недовѣрчивость, непріязнь и наконецъ ожесточенную вражду. Защищая поляковъ, какъ колонизаторовъ опустошенной татарами Украины, современные моралисты воображаютъ защищать въ ихъ лицѣ дѣятелей цивилизаціи противъ степныхъ варваровъ, чуждавшихся ея благъ. Но, во-первыхъ, цивилизація тогда только благодѣтельна для народа, когда приходитъ къ нему по его собственному желанію, а во-вторыхъ, цивилизація одного сословія на счетъ другихъ сословій есть своего рода варварство, ведущее гражданское общество къ деморализаціи. Если судить о достоинствѣ шляхетской дѣятельности въ Украинѣ по общему уровню нравствености въ нынѣшнихъ представителяхъ той и другой враждебной партіи, то смѣло можно сказать, что лучше бы цивилизація XVI и XVII вѣка во всѐ не приходила къ польской шляхтѣ, лучше было бы всей шляхтѣ окозачиться, опростонародиться по украински, лучше бы ей начинать цивилизоваться теперь наравнѣ съ нашимъ народомъ, отвергнувъ вѣковыя заблужденія, поселенныя въ ней подъ видомъ святыни, и предразсудки, препятствовавшіе ей быть тѣмъ, чѣмъ были и остались украинскіе простолюдины. Нѣтъ, надобно было пройти вѣкамъ, чтобы съ одной стороны шляхетская политика оказалась вполнѣ не состоятельною, а съ другой—чтобы въ насъ самихъ выработалось глубокое убѣжденіе, что мы—*мы*, что мы не желаемъ и не можемъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ того, чѣмъ создала насъ наша русско-славянская природа. Пало шляхетское господство въ Украинѣ еще въ XVII вѣкъ, разсѣялись порожденные имъ иллюзіи въ XVIII-мъ и XIX. Потомки бывшихъ владыкъ и законодателей Украины начинаютъ уже стыдиться административной дѣятельности своихъ предковъ.

ГЛАВА I.

Времена перваго проявленія козацкой силы. — Первые козацкіе предводители. — Старанія польскихъ королей извлечь для себя пользу изъ козачества. — Начало реестровыхъ козаковъ. — Подкова. — Козаки дѣлаются опасными для Польши. — Вопросъ объ уничтоженіи козаковъ. — Варварство козацкое и варварство шляхетское. — Паны овладѣваютъ козацкими землями. — Соображенія шляхты по вопросу объ уничтоженіи козаковъ. — Неистовства жидовъ въ Украинѣ. — Панская роскошь. — Конашивичъ-Сагайдачный. — Походы Конецпольскаго на козаковъ. — Крѣпость Кодакъ. — Общая картина Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра.

При королѣ Сигизмундѣ Августѣ козаки являются уже многочисленнымъ войскомъ. Разъѣзжая по Черному морю въ своихъ челнахъ-чайкахъ, они истребляютъ турецкія галеры, освобождаютъ изъ каторги плѣнныхъ христіанъ, грабятъ и жгутъ приморскіе турецкіе города, а на сушѣ отбиваютъ добычу у татаръ и вторгаются въ глубину Крыма. Король признаетъ козаковъ уже не бѣглецами, а самостоятельнымъ пограничнымъ войскомъ, пользующимся правомъ свободнаго выбора старшинъ. Козацкими предводителями часто бывали знатные паны, умѣвшіе поладить съ полудикимъ степнымъ рыцарствомъ. Прилагая къ его походамъ военное искусство, добытое на Западѣ, они много содѣйствовали къ образованію въ немъ той своеобразной тактики, которая въ послѣдствіи была камнемъ преткновенія для самыхъ же пановъ. Вообще козаки допускали въ свои курени и обозы людей, опытныхъ

въ боевой жизни, ктобы они ни были (5); и пока эти люди дышали однимъ съ ними духомъ, до тѣхъ поръ считались у нихъ товарищами и могли возвышаться до атаманской власти; но лишь только въ пришельцѣ обнаруживалось желаніе поставить выше ихъ свободнаго выбора какую бы то ни было власть, онъ становился въ ихъ глазахъ измѣнникомъ. Сохранилось преданіе, что они казнили славнаго предводителя своего Ляндцкоронскаго, подозрѣвая его въ намѣреніи подчинить ихъ распоряженіямъ панской республики (6).

Стефанъ Баторій, тяготясь ограниченіями королевскихъ правъ въ Польшѣ, покровительствовалъ козакамъ, прислалъ ихъ атаману Ѳедору Богданку, гетманскую булаву, бунчукъ и знамя. Ему выгодно было имѣть въ своемъ распоряженіи дешевое и отважное войско, на случай панскихъ конфедерацій и *рокошей;* но въ то же время не могъ онъ не видѣть, какъ это вредно для государства, что на границахъ существуетъ боевой народъ, который не обращаетъ вниманія на сеймовыя постановленія о войнѣ и мирѣ съ сосѣдями и безпрестанно дѣлаетъ набѣги то на московскія украинныя земли, то на татаръ, турокъ, волоховъ, молдаванъ. Поэтому онъ выбралъ 6,000 отличнѣйшихъ козаковъ, вписалъ ихъ въ войсковой реестръ и назначилъ имъ ежегодное жалованье деньгами и суконною одеждою,

(5) Шляхта часто козаковала и товаришила съ козаками не только въ первыя времена козачества, но и въ тотъ періодъ, когда козаки выступали уже на бой съ коронннымъ войскомъ въ числѣ 30,000 и болѣе. Въ конституціи сейма 1635 года говорится: «.....trafia się często, że na tamtey Ukrainie niektorzy stanu szlacheckiego ludzie, tych inkursyi morskich Kozakom Zaporoskim dopomagaią, i rozmaite im *adminicula* do tey sweywoli administruią, samiż z niemi na morze chodzą, i łupem się z niemi dzielą.....» (*Voll. Legg.* III, 403).

(6) Сказ. о Гетм. Запорож.

которая въ ихъ краю, при первобытномъ, почти кочевомъ состоянии ихъ поселеній, была рѣдкостію и добывалась только на войнѣ [7]). Все это клонилось къ тому, чтобы привлечь къ себѣ влиятельнѣйшихъ людей между козаками и, при ихъ содѣйствіи, взять крѣпко въ руки остальныхъ. Козаки были довольны королевскими дарами, но тутъ же смекнули, что король посягаетъ на ихъ драгоцѣнное и почти единственное достояніе—свободу, какъ это видно изъ современной думы, дошедшей до насъ въ числѣ немногихъ памятниковъ исторической пѣсенности [8]). Они

[7]) Въ украинскихъ лѣтописяхъ обыкновенно повторяется, что козакамъ назначено было отъ Стефана Баторія ежегодное жалованье—по червонцу и по *кожуху*. Но козаки не могли нуждаться въ кожухахъ до такой степени, чтобы король сдѣлалъ изъ этого предметъ награды за службу и приманки. Наливайко, въ своихъ условіяхъ, поданныхъ королю Сигизмунду III при письмѣ 1696 года, просилъ, чтобы король платилъ его козакамъ жалованье *сукнами* и деньгами. (*Zbiór Pam. do Dz. Polsk.* II, 219.) Въ 1627 году козаки, черезъ своихъ пословъ также просили у короля, чтобъ онъ прислалъ имъ денегъ и *сукна* на 10,000 человѣкъ, если хочетъ чтобъ они шли воевать Шведа. (Соловьевъ, *Малор. козач. до Хмельн.*)

([8]) Привожу изъ нея отрывокъ.

„А якъ не будуть служить міні вірою й правдою
(говоритъ король о козакахъ),
То я імъ тоди другий подарокъ подарую:
Хоробою іхъ порадую,
Хоробою тяжкою та важкою.“
А козаки те зачували,
До свого отамана промовляли:
„Якою жъ то хоробою?
Чи не свободою?“
То якъ-бы вже оттою хоробою, що свободою,
То всімъ намъ, товаришамъ козакамъ,
Инишихъ дарівъ и не треба!«

отблагодарили короля, дѣятельно помогая ему въ войнѣ съ Москвою, подъ предводительствомъ своихъ отамановъ Микулы и Бирули [9]), но не переставали воевать и съ Турками, которыхъ онъ желалъ успокоить на время сѣверной войны своей. Иванъ Подкова, братъ молдавскаго господаря, проживалъ между козаками и до того прославился между ними военнымъ искусствомъ, что они сдѣлали его своимъ гетманомъ. По смерти брата, онъ вторгнулся съ козаками въ Молдавію, прогналъ оттуда Турокъ, посадившихъ на господарство воеводу Петра, и овладѣлъ господарствомъ. Стефанъ Баторій получилъ отъ султана грозную вѣсть, что Турки отточили уже сабли на поляковъ. Султанъ требовалъ казни Подковы. Но Подкова въ Молдавіи былъ недоступенъ для поляковъ. Пограничные паны, водившіе хлѣбъ—соль съ Подковою, помогли королю. Зазвавъ къ себѣ довѣрчиваго Подкову, они убѣдили его отпустить козацкій конвой и ѣхать во Львовъ къ королю, который обѣщалъ ему черезъ нихъ совершенную безопастность. Король велѣлъ взять его подъ стражу и судить какъ государственнаго преступника. Зналъ онъ, однакожъ, какъ это вооружитъ противъ него козаковъ, и предлагалъ раднымъ панамъ своимъ—лучше начать войну съ турками; но радные паны, въ избѣжаніе военныхъ издержекъ, настояли на казни Подковы [10]). Козаки отмстили польскимъ панамъ наѣздами на ихъ владѣнія и продолжали воевать съ татарами и турками. Стефанъ Баторій послалъ къ нимъ послѣднюю угрозу, но они королевскаго посла Глэмбоцкаго убили и бросили въ Днѣпръ [11]). Тогда возникъ вопросъ о томъ, какимъ бы способомъ совершенно уничтожить козаковъ; но ко-

---

([9]) Pałczowski, *O kozakach, iesli ich zniesc, czy nie, discurs.* Krakow. 1618.

([10]) *Pamiętniki Millerowe do Panow. Stef. Bat.*

([11]) Heidensztein *Dzieje Polski.* II, 362.

заки украинскіе находились въ тѣсной связи съ донскими и, на случай опасности, имѣли на Дону недоступное для поляковъ убѣжище [12]). Уничтожить ихъ оказалось невозможнымъ. Король, на смертномъ одрѣ, сожалѣлъ, что не сдѣлалъ этого прежде. »Изъ этихъ *лотриковъ* козаковъ, говорилъ онъ, со временемъ можетъ образоваться независимая республика.« [13]).

Стефанъ Баторій видѣлъ въ козакахъ, безъ сомнѣнія, не одну только военно-корпоративную связь. Козаки въ своихъ поселеніяхъ, гдѣ бы они ни находились, управлялись собственными, отъ самихъ себя поставленными властями, и не только не признавали надъ собою никакого другого права [14]), но еще вводили свою форму суда и въ городахъ, такъ что гдѣ были козаки, тамъ королевская администрація дѣлалась не дѣйствительною [15]). Кто знаетъ какъ управлялись наши древнія общины еще до появленія общины козацкой [16]), тотъ пойметъ, что форма суда,

---

(12) *Сказ. откуда козаки Запорожане и чъмъ славни.*

(13) Лѣт. Величка, I. 338.

(14) Въ сеймовой конституціи 1613 года говорится, что козаки, osobne sobie sędzie y starsze postanowiwsy, przed żadnym prawem, iedno przez się ustanowionemi Atamany stawać niechcą» Старостамъ, духовнымъ владѣльцамъ имѣній и каждому вообще шляхтичу или его намѣстнику вмѣняется въ обязанность препятствовать такому судопроизводству и не допускать народъ собираться въ купы (Voll. Legg. III, 122).

(15) „Kozacy.... zwierzchności Starostow naszych, y panow swych nie przyznawaią, ale Hetmany swe, y inszą formę sprawiedliwości swey maią: czym miasta, y mieszczany nasze uciskaią, władzą Urzędnikow naszych, y Urząd Ukrainny mieszaią etr.“— „Miasta też nasze y mieszczanie, chcemy aby się pod ich jurysdykcye nie podawali, y synom swym tego czynić niepozwolali, *sub amissione bonorum et poena captis* (*Voll. Legg.* II, 465).

(16) См. въ *Русск. Бес.* 1857, кн. III статью г. Иванишева: *О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи*.

непріятно поражавшая королевскихъ намѣстниковъ старостъ, была только возстановленіемъ древнихъ народныхъ вѣчъ, купъ и громадъ. Вмѣшательство козаковъ въ судъ и расправу горожанъ было дѣломъ немаловажнымъ. Прошло немного лѣтъ по смерти Баторія, и уже паны ломали голову на сеймахъ, какимъ бы способомъ освободить королевскіе города отъ козацкой юрисдикціи [17]). Связь козаковъ съ мѣщанами казалась имъ до того опасною, что сеймовою конституціею 1638 года запрещено было мѣщанамъ отдавать дочерей въ замужество за козаковъ [18]). Но не одни мѣщане признавали надъ собой козацкую юрисдикцію. Къ козакамъ приставали неосѣдлые шляхтичи, а по извѣстію Гейденштейна, королевскаго секретаря при Стифанѣ Баторіи [19]), значительная часть короннаго войска, очутясь безъ службы послѣ московской войны, пошла въ козаки и увеличила ихъ силу.

Съ этого времени они начали чаще прежняго нападать на союзныя съ Польшою державы, и рѣшительнѣе прежняго возставать противъ порядка, существовавшаго въ панской республикѣ. Походы въ Крымъ и на Черное море козаки считали дѣломъ не только честнымъ, рыцарскимъ, но и святымъ, такъ какъ татарскія и турецкія владѣнія наполнены были плѣнными христіанами, которымъ одни козаки давали возможность вырваться изъ неволи. У пановъ, этихъ истинныхъ государей польскихъ, въ отношеніи къ мусульманамъ была своя политика, у козаковъ—своя. Паны, на перекоръ своимъ королямъ, готовымъ воевать съ Турціею во что бы то ни стало, находили гораздо спасительнѣйшимъ для своей республики платить еже-

(17) F d.
(18) F d. III, 440.
(19) *Dzieje Polski*, II, 361.

годную дань Крымцамъ, подъ именемъ подарка, а султана успокоивать такими дѣйствіями, какъ казнь Подковы. Козаки, напротивъ, сознавали неизбѣжность вѣчной борьбы съ врагами христіанства; но христіане р. католики часто бывали для нихъ опаснѣе мусульманъ; христіане р. католики считали себя въ правѣ разорять ихъ жилища, лишать на ихъ народной почвѣ гражданскихъ правъ и грозить поголовнымъ истребленіемъ. Это заставило козаковъ дружиться съ татарами и обращать на панскія имущества и р. католическія святыни силу, которая, при другихъ понятіяхъ польскаго правительства, была бы лучшею ихъ защитою.

Писатели-государственники обыкновенно объясняютъ всѣ эти подвиги не укротимою страстью козаковъ къ розбоямъ и хищничеству, ихъ варварскимъ непониманіемъ основныхъ правилъ между народной политики, ихъ дикимъ неуваженіемъ къ правамъ собственности. Сами козаки не оставили намъ на бумагѣ обстояльной повѣсти обо всемъ, что они говорили на своихъ радахъ, обо всѣмъ, что у нихъ дѣлалось въ лагерахъ и походахъ. Но довольно знать жизнь и стремленія тѣхъ, на кого они возставали и кто въ своихъ реляціяхъ называлъ ихъ безголовымъ звѣрьемъ, что бы понять, какимъ образомъ убогія, плохо вооруженныя массы, состоявшія большею частію изъ пахарей, городскихъ поденщиковъ и ремесленниковъ, отваживались на борьбу съ магнатами, у которыхъ были крѣпкіе, хорошо вбоуруженные замки, которые опирались на обширное родство съ такими же, какъ и сами, сильными людьми, располагали большими деметтными средствами, имѣли собственные надворные полки и повелѣвали пріученнымъ къ войнѣ шляхетскимъ войскомъ? Козацкое варварство, о которомъ съ благороднымъ негодованіемъ повѣствуютъ паны въ своихъ писаніяхъ, вызвано было другимъ варварствомъ, освященнымъ сеймовыми постанов-

леніями и іезуитски-религіозными понятіями. Если паны имѣли право созидать шляхетско-католическое государство на счетъ благоденствія милліоновъ людей и на счетъ свободы совѣсти иновѣрцевъ, то и козаки имѣли право постоянно подкапывать это государство. Они дѣйствовали тѣми средствами, какія были имъ оставлены—то есть физическою силою—такъ какъ равноправности ни въ образованіи, ни въ судѣ не только не существовало, но и существовать не могло въ панской республикѣ. Они уходили въ дикія степи отъ несправедливыхъ по ихъ мнѣнію налоговъ и всякаго рода стѣсненій; но и эти степи шляхта присвоивала себѣ, а тѣхъ, кто прогонялъ изъ нихъ татаръ, подчиняла своей юрисдикціи. Козаки не съ разу поняли, что такое панъ, получившій изъ королевской канцеляріи привиллегію заселить и охранять землю на обширномъ пространствѣ отъ какого-нибудь Удая до Ворсклы. Построилъ панъ, пришлецъ изъ дальныхъ странъ, нѣсколько укрѣпленій впереди, позади, сбоку козацкихъ поселеній и зоветъ всю эту землю своими имѣніями. Она пожалована ему отъ короля на бумагѣ, гдѣ и потому нѣтъ о козакахъ, давно поселившихся на этой землѣ, поправу перваго займа. Козаки не предвидятъ, въ какія отношенія станетъ къ нимъ привиллегированный пограничный поселенецъ и, за извѣстную плату, за извѣстную долю добычи, участвуютъ съ нимъ въ походахъ на Татаръ. Незамѣтно дѣлаются они какъ-бы вассалами вельможи, которому принадлежитъ имѣніе наслѣдственное, а не то—староство, образованное изъ земель занятыхъ имъ или его предшественниками; и короли, при наступленіи грозы отъ сосѣдей самымъ положительнымъ тономъ повелѣваютъ своимъ старостамъ и державцамъ [20]) сзывать (zaciągać) козаковъ подъ свои знамена. Коза-

(20) *Староста* отличался отъ *державцы* тѣмъ, что пользовался правомъ суда и расправы въ имѣніи, номинально принад-

ки собирались на зовъ пана не въ иномъ смыслѣ, какъ и на зовъ Филоненка, корсунскаго полковника, который, въ 1628 году, собравъ изъ разныхъ городовъ тысячъ до двухъ военнаго люду (между которымъ была шляхта, какъ напримѣръ уманскій подстаростій Свѣрскій), ходилъ въ Валахію и, подъ ярмарочное время въ городѣ Тягини, обогатился большою добычею[21]). Но шляхта иначе представляла королю и сенату свои подвиги на челѣ козаковъ и свои отношенія къ козакамъ. Она больше и больше стѣсняла ихъ поземельную собственность, называя старостинскою и панскою землею козацкою *батьковщину* или *предковщину*, и часто овладѣвала ихъ усадьбами и угодьями, не прибѣгая даже къ благовиднымъ предлогамъ[22]). Она только самыя украинныя поселенія, за которыми лежали уже необитаемыя степы, оставляла покамѣсть въ покоѣ и поневолѣ дозволяла развиваться тамъ козачеству въ антишляхетскомъ духѣ.

(Окончаніе впредь).

лежавшемъ королю. Впрочемъ это было только de jure. На дѣлѣ староста былъ владѣльцемъ покрупнѣе державцы, и только.

(21) Изъ актовъ, напечатанныхъ Пршиленцкимъ, подъ заглавіемъ: Ukrainne sprawy, походъ Филоненка воспѣтъ въ извѣстной народной думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ.

(22) Такъ козацкій гетманъ Наливайко жаловался королю, что панъ Калиновскій, избивъ его отца самымъ тиранскимъ образомъ, овладѣлъ его наслѣдственною землею. *Zbiór Pam. do Dz. Polsk.* II, 215. У сильныхъ пановъ вообще было въ обычаѣ округлять свои владѣнія на счетъ людей беззащитныхъ, подъ прикрытіемъ королевской канцеляріи, (См. Архив. Югоз. Р. II. 330).

IОСАФАТЪ КУНЦЕВИЧЪ

ПОЛОЦКІЙ УНІЯТСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ.

»Вси пріемшіи ножъ
ножемъ погибнутъ.«

Мате. 26, 52.

Есть личности, которыя, благодаря услужливости обстоятельствъ, обширности круга дѣйствій и партій, въ главѣ которыхъ они стояли,— подняты *своими людьми* до значенія лицъ историческихъ. Еще болѣе: есть личности, которыя заняли въ исторіи мѣсто болѣе или менѣе видное потому только, что онѣ рѣзко выдвигались изъ современнаго имъ человѣчества своимъ разрушительнымъ направленіемъ, своими враждебными отношеніями ко всѣмъ и всему, что перечило ихъ мнѣніямъ, увлеченіямъ и честолюбивымъ ихъ стремленіямъ. И Геростратъ, и Атилла и многіе другіе, подобные имъ, всякій по своему, отвоевалъ себѣ уголокъ въ исторіи.

Должно ли навсегда такъ оставаться? Должны ли эти личности во вѣки красоваться на своихъ пьедесталахъ потому только, что когда-то, кѣмъ то, за что-то поставлены на нихъ вопреки воплямъ истины и человѣчества, что въ свое время надѣлали довольно шуму и разоренія въ своемъ или чужомъ муравейникѣ? Конечно нѣтъ! Потомство должно смотрѣть на эти личности не подъ угломъ зрѣнія напуганныхъ или обманутыхъ ложнымъ блескомъ метеора современниковъ, либо пристрастныхъ сектаторовъ, сотрудниковъ и панигиристовъ своего предводителя; а на основаніи исторической правды и безпристрастной оцѣнки качества дѣяній человѣческихъ. Оно должно

отличить зарево пожара отъ живительнаго свѣта солнечнаго, должно измѣрить степень величія человѣческаго и право на мѣсто въ исторіи дѣятелей не количествомъ жертвъ, принесенныхъ ими страстямъ человѣческимъ, не гуломъ и трескомъ разрушенія, а качествомъ и количествомъ благодѣяній, оказанныхъ человѣчеству, прочностію и богатствомъ созиданія. Потомство, выразимся прямѣе, должно свергнуть эти кумиры съ подмостокъ, на которыя взгромоздило ихъ пристрастіе и односторонность современниковъ, должно обличить мишуру и утлость ихъ театральныхъ украшеній и доспѣховъ, должно избавить человѣчество отъ идолослуженія и казнить историческою правдой и общественнымъ презрѣніемъ мнимыхъ героевъ.

Въ такихъ отношеніяхъ къ потомству стоитъ личность полотскаго уніятскаго архіепископа *Іосафата Кунцевича*. Жизнь этого человѣка, начатая измѣною правой вѣрѣ, продолженная и переполненная рядомъ насилій и жестокостей, кончилась казнію. А между тѣмъ какое установилось объ немъ мнѣніе у людей *своего прихода!* Его гоненіе на православныхъ христіанъ, расчеты папы возводятъ на степень ревности исповѣдниковъ Христовыхъ, его заслуженная, неизбѣжная казнь названа мученическою кончиною, а самъ онъ вмѣсто гонителя Христова, по какому-то недоразумѣнію, нареченъ *блаженнымъ священномученикомъ*. По сигналу папы досужее воображеніе сектаторовъ Іоасафата сочиняетъ его мощи, его чудеса, уніаты воздвигаютъ ему статуи, алтари, храмы, курятъ ѳиміамъ, сочиняютъ гимны, службы, стонутъ и проливаютъ рѣки слезъ, колѣнопреклоненные предъ истуканомъ. Можно ли безъ грусти и даже праведнаго негодованія, смотрѣть на это идолопоклонство? Нужно быть слишкомъ невнимательнымъ къ заблужденіямъ своихъ собратій, чтобы не назвать по имени подобныхъ практическихъ увлеченій, не разоблачить имъ во-

ображаемыхъ добродѣтелей жестокаго и упорнаго фанатика, не опредѣлить, говоримъ, значенія и мѣста архіепископа Іосафата Кунцевича въ лѣтописяхъ западнаго края Россіи.

Съ этою цѣлію, вызванною современными, религіозно-политическими вопросами и задачею нашего изданія, и предпринята настоящая монографія, основанная на достовѣрныхъ, своевременныхъ документахъ историческихъ, по преимуществу заимствованныхъ у друзей папства и сектаторовъ Іосафата и, потому имѣющихъ въ настоящемъ случаѣ двойную силу исторической несомнѣнности.

Архіепископъ Іосафатъ Кунцевичь родился въ 1580 году, во Владимірѣ Волынскомъ отъ православныхъ родителей Гавріила и Марины, въ крещеніи названъ Іоанномъ (¹). Отецъ его, по ремеслу сапожникъ, обучивъ Іосафата польской и русской грамотѣ, отдалъ одному богатому виленскому купцу на услуженіе въ прикащики.— Въ это время происходили въ Вильнѣ величайшія смуты, въ слѣдствіе борьбы православныхъ съ уніятами, успѣвшими завладѣть и обратить на унію свято троицкій монастырь. Молодой прикащикъ Кунцевичь, живя вблизи отъ сего монастыря, постоянно ходилъ въ монастырскую церковь на богослуженіе и, познакомившись съ монахами, свободное отъ торговли время любилъ проводить съ ними: бесѣдовалъ, прислуживалъ нѣкоторымъ изъ нихъ, пѣлъ въ церкви, а нерѣдко исправлялъ должность звонаря (²). Съ обращеніемъ же свято-троицкаго монастыря на унію, онъ, по примѣру

(¹) Крещенъ въ церкви св. Параскевіи во Владимірѣ-волынскомъ.

(²) Архивъ полоцк. дух. консисторіи связка 30-я.

большей части иноковъ этой обители, сдѣлался послѣдователемъ этой новой секты. (Вѣроятно не по убѣжденію, а по неопытности, изъ подражанія другимъ, не подозрѣвая, быть можетъ, существенной разности между православіемъ и уніею). Вслѣдъ за тѣмъ Кунцевичь оставилъ домъ купца и перешелъ на жительство въ монастырь, откуда, въ званіи послушника, долгое время ходилъ въ іезуитскій Коллегіумъ обучаться разнымъ наукамъ (³). Здѣсь-то ему и внушена непримиримая ненависть къ вѣрѣ его предковъ. По окончаніи въ Коллегіумѣ курса наукъ Кунцевичъ въ 1604 году постриженъ былъ въ иноки того-же Свято-троицкаго монастыря, съ именемъ Іосафата, а чрезъ пять лѣтъ посвященъ въ іеромонахи. Въ этомъ санѣ обнаружилъ такую ревность къ уніи, что написалъ на польскомъ языкѣ въ защиту ея, извѣстную книгу «Obrona wiary», а унію проповѣдалъ по всюду: на улицахъ, площадяхъ, въ церкви и въ частныхъ домахъ—съ такимъ энтузіазмомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что въ самое короткое время совратилъ въ нее половину Вильны, за что православные прозвали его »душехватомъ« и кто-то изъ нихъ нарисовалъ огромнаго размѣра картину, на которой были изображены: тогдашній уніатскій митрополитъ Упатій Поцѣй и Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ Рутскій въ свойственныхъ ихъ сану одеждахъ, а Іоасафатъ въ видѣ дьявола, съ рогами на головѣ, страшнымъ лицемъ и крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ тащилъ къ себѣ души православныхъ, а надъ головою его сдѣлана была надпись »душехватъ«. За такую ревность Іоасафата къ уніи митрополитъ сдѣлалъ его настоятелемъ, сперва Бытен-

(³) Главными руководителями и наставниками его были: Валентинъ Фабриційй и Гавріилъ Грушевскій, въ послѣдствіи проповѣдники при дворѣ короля Сигизмунда III (Kulczynski Monolog. Bazilian. str. 185. Miesienca Września 16.).

на счетъ вѣрности православію новаго епископа, сказавъ: „если вступаешь въ градъ сей съ благими намѣреніями, гряди во имя Господне; если же замышляешь противное — лучше бы тебѣ не входить въ него" ([7]).

Еще не успѣлъ испустить духъ архіепископъ Гедеонъ, какъ его коадъюторъ сталъ уже открыто призывать всѣхъ къ измѣнѣ православію и, для обращенія жителей въ унію, считалъ всѣ средства позволительными и законными; однихъ привлекалъ обѣщаніями, прельщеніемъ и силою краснорѣчія; другихъ понуждалъ къ уніи угрозами, наказаніями, судомъ, узами и темницею. Первые дни пребыванія своего въ Полотскѣ Іосафатъ ознаменовалъ обращеніемъ въ унію полотскаго воеводы Михаила Друцкаго-Соколинскаго, примѣромъ котораго увлеклись и многіе изъ полотской знатнѣйшей православной шляхты, въ томъ числѣ полотскій каштелянъ Иванъ Корсакъ, Подсудокъ Даніилъ Щитъ и Өедоръ Воловичь ([8]).

По кончинѣ архіепископа Гедеона, умершаго въ концѣ 1618 года, Іосафатъ тотчасъ получилъ утвердительную королевскую грамоту на санъ полотскаго архіепископа и вслѣдъ за тѣмъ въ 1619 году выхлопоталъ у короля привиллегію на подчиненіе его власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Полотскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ и во всѣхъ предѣлахъ его архіепископіи ([9]). Съ тѣхъ поръ,

---

([7]) Monol. Bazilian Kulczynski Września 16 dnia.

([8]) Тамъ же. Не надобно забывать, что это свидѣтельствуетъ базиліанецъ—ревнитель папизма.

([9]) Архивъ полотской духовн. консисторіи, связка 30 № 3. Подлинникъ сей привиллегіи писанъ на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ 1619 года Марта 22 дня. Эту же привиллегію подтвердилъ Сигизмундъ въ 1631 году для пріемника Іосафатова архіепископа Антонія Селлявы, а потомъ для него-жъ и Владиславомъ IV.

повсемѣстно истреблялъ православіе, а непреклонныхъ къ уніи истязалъ разными муками. На основаніи королевской привиллегіи, Іосафатъ, въ томъ же 1619 году, разослалъ во всѣ предѣлы своей епархіи циркуляры возвѣщавшіе о возсоединеніи церквей и требовалъ отъ приходскихъ священниковъ, чтобы они немедленно, съ своими прихожанами, изъявили согласіе на принятіе уніи, угрожая непокорныхъ лишать приходовъ и передавать ихъ вмѣстѣ съ церквами уніятамъ. Затѣмъ велѣлъ какъ въ Полоцкѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ полотскаго воеводства, запечатать всѣ православныя церкви, воспретивъ даже въ шалашахъ совершать богослуженіе; священниковъ, оставшихся твердыми въ православіи, изгонялъ изъ приходовъ, мучилъ кандалами, заключаяъ въ темницы и не только самъ угнеталъ повсемѣстно православныхъ разными насиліями, но всячески возбуждалъ къ тому польскихъ вельможъ и градскія власти ([10]). Между прочимъ писалъ и къ канцлеру в. княж. литовскаго Льву Сапѣгѣ, упрекая сего послѣдняго и правительство въ недѣятельности и въ нерѣшимости принять болѣе энергическія мѣры къ истребленію православія и утвержденію уніи въ подвластныхъ Польшѣ русскихъ провинціяхъ. Отвѣтъ Сапѣги, хоть и католика, прекрасно характеризуетъ и Кунцевича и унію и несчастное положеніе православныхъ, въ особенности въ полотской епархіи, которыхъ жестоко преслѣдовалъ неистовый

([10]) О сихъ насиліяхъ смотри архивъ п. д. консисторіи связка 30, 31,32 — de unione; Актовыя книги полоцкаго Уѣзднаго Суда за 1619, 20, 21, 1622 и 1623 годы; Архивы монастырей: тадулинскаго, полотскаго-борисоглѣбскаго и полотскаго-богоявленскаго Отвѣтное письмо Сапѣги Іосафату, а въ особенности **Monologium Bazyliańskie — Kulczyński M. Wrzesień 16 dzień.** Свидѣтельство Кульчинскаго имѣетъ здѣсь значеніе. Онъ, думая восхвалить ревность Іосафата, приводитъ цѣлый рядъ жестокихъ поступковъ его съ православными.

ревнитель папизма—Іосафатъ ([1]).

Насилія и жестокости, коими сопровождалось совращеніе въ унію православныхъ, повсюду возбудили между ими ропотъ и негодованіе противъ архіепископа, превратившееся вскорѣ въ открытое противъ него возмущеніе во многихъ мѣстахъ полоцкой епархіи, такъ что нерѣдко православные съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свои храмы и защищали своихъ, непреклонныхъ къ уніи, пастырей.

К. Говорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

([1]) Смотри письмо Сапѣги, въ отдѣлѣ актовъ.

О КНЯЗЬЯХЪ КОРУБИТАХЪ-ВИШНЕВЕЦКИХЪ.

Бывшее польское королевство такъ дурно управлявшееся въ продолженіи многихъ годовъ и наконецъ распавшееся на части, вслѣдствіе непослушанія магнатовъ королевской власти, распрей ихъ между собою и другихъ неурядицъ,— представляетъ однако, какъ большая арена для задорныхъ бойцовъ и интригановъ, интересныя личности, какими едвали можетъ похвалиться исторія другаго государства.

Изъ первыхъ мѣстъ, въ этомъ отношеніи, можетъ занять въ исторіи этого королевства родъ князей Корибутовъ-Вишневецкихъ, въ одной изъ отраслей котораго почти всѣ лица, въ продолженіи слишкомъ полутораста лѣтъ, являются съ воинственными характерами, и многіе изъ нихъ могутъ служить героями для лучшей драммы. Замѣчательно только то, что эта отрасль рода Корибутовъ-Вишневецкихъ, не смотря на гордость, неуступчивость и самовольство, до тѣхъ поръ сохраняла свое, можно сказать, величіе, пока члены ея держались вѣры и убѣжденій своихъ предковъ, но какъ только предпослѣдній членъ ея— Князь Іеремія, перемѣнивъ православную вѣру на римско-католическую, предался вполнѣ интересамъ Польши и католицизма,— несчастія полились на этотъ родъ, богатства его изчезли и вскорѣ онъ, несмотря почти на царское свое величіе, печально стерся съ лица земли.

Я не пишу здѣсь подробную исторію рода князей Кори-

бутовъ-Вишневецкихъ (1), цѣль этой статьи разсказать жизнь и дѣйствія кн. Іереміи послѣ перемѣны имъ религіи и въ особенности сначала его несчастій, т. е. со времени возстанія противъ рѣчи посполитой южно-русскихъ провинцій, гдѣ находились его имѣнія;— но для яснаго понятія объ историческомъ значеніи этой знаменитой фамиліи,— разскажемъ вкратцѣ ея родовое происхожденіе и опишемъ нѣсколько подробнѣе знаменитыхъ ея представителей.

Родъ князей Корибутовъ-Вишневецкихъ происходитъ отъ Корибута сына великаго князя литовскаго Ольгерда Гедиминовича, прижитаго имъ отъ второй жены, тверской княжны Уліаны Александровны. Первую молодость, вѣроятно, провелъ Корибутъ въ Бѣлоруссіи, при матери своей, потому, что удѣлъ ея составляли Витебскъ и Усвятъ (2), но потомъ, онъ получилъ

(1) Статья эта написана по поводу помѣщеннаго въ первомъ отдѣлѣ этой книжки письма кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго къ князю Іереміи.

(2) Послѣ Св. Владиміра Витебскъ, который находился въ составѣ полотскаго княжества, достался въ удѣлъ сыну его Изъяславу, рожденному отъ Рогнѣды. По смерти внука Изъяслава, Витебскъ по видимому состоялъ подъ непосредственнымъ владычествомъ великихъ князей Кіевскихъ. Лѣтописцы повѣтствуютъ, что Ярославъ Владиміровичъ, великій князь кіевскій, вслѣдствіе мировой сдѣлки съ Брячиславомъ Изъяславичемъ Полотскимъ, возвратилъ ему въ 1021 году Витебскъ и Усвятъ (Витебскъ и Свячъ). Послѣ того Витебскъ, вслѣдствіе брачныхъ союзовъ Ростиславичей черниговскихъ съ князьями полотскими, принадлежалъ попеременно то тѣмъ, то другимъ, но впрочемъ всегда составлялъ особый удѣлъ, и князья владѣвшіе имъ назывались *Витебскими*.— Наконецъ, послѣ смерти витебскаго князя Ярослава Васильевича, Витебскъ достался Ольгерду Гедиминовичу, по случаю женитьбы его на единственной дочери того князя— Маріи, а въ 1345 г. когда Ольгердъ сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ,— Витебскъ и Усвятъ присоединились къ Литвѣ.

особый удѣлъ, сначала княжество Новгородъ-Сѣверское, а потомъ Брацлавское. Неизвѣстно кто были ближайшими потомками его и долго ли они владѣли означенными княжествами.

Въ концѣ XV вѣка видимъ уже потомковъ Корибута потерявшими право владѣтельныхъ князей, они составляли двѣ дворянскія фамиліи: Корибутовъ и Корибутовъ-Вишневецкихъ; послѣдніе получили это прозваніе отъ мѣстечка и замка Вишневца, гдѣ было ихъ главное мѣстопребываніе. (Вишневецъ находится въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, недалеко отъ истока рѣки Горыни). Первая изъ этихъ двухъ фамилій измельчала и раздробилась на множество дворянскихъ домовъ, носящихъ и понынѣ это названіе, которые давно утратили княжескій титулъ;— вторая же Корибуты-Вишневецкіе была немногочисленна, но богата и пользовалась уваженіемъ.

Особенно сдѣлался извѣстнымъ родъ Корибутовъ–Вишневецкихъ въ XVI столѣтіи, а именно съ Дмитрія Іоанновича.

Этотъ князь представляетъ великолѣпную историческую личность. Соединяя въ себѣ знаніе военнаго дѣла съ твердымъ характеромъ, предпріимчивостію и смѣлостію,— этотъ герой, не смотря на подданство польской коронѣ, является самостоятельнымъ дѣятелемъ. Начальствуя Черкасами и Каневымъ, онъ, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками, былъ въ безпрестанной войнѣ съ крымцами, дѣлалъ на нихъ частые набѣги, оканчивавшіеся большею частію для него выгодно, и пріобрѣлъ своею распорядительностію и мужествомъ такую любовь малороссійскихъ козаковъ, что они избрали его своимъ Гетманомъ. Хотя такой человѣкъ, какъ князь Дмитрій Іоанновичъ былъ весьма необходимъ Польшѣ потому, что защищалъ ея границы отъ вѣчныхъ недоброжелателей— крымскихъ татаръ, и ратуя отдѣльно сохранялъ ея внутреннія силы,— но дѣйствія его были несовмѣстны съ мирною политикою тогдашняго короля

польскаго Сигизмунда Августа.— Желая сохранить дружбу съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, жаловавшимся на князя Вишневецкаго, какъ на виновника войны,— Сигизмундъ-Августъ запретилъ князю безпокоить крымцевъ и вмѣшиваться въ дѣла молдавіи, которую онъ неоставлялъ тоже въ покоѣ. Это значило связать князю руки. Безпокойный честолюбецъ, дышавшій только войною и жаждавшій славы и опасностей, не могъ ужалиться мирно, и потому обратился съ предложеніемъ услугъ къ другой державѣ русскому царству. Къ этому переходу безъ сомнѣнія влекло князя Дмитрія Іоанновича во первыхъ геройская личность царя Іоанна IV, расширявшаго быстро предѣлы своего государства и притомъ царя благоразумнаго (¹) и съ нимъ единовѣрнаго (²), а во вторыхъ то, что крымскіе татары едва ли не больше были враждебны Руси, чѣмъ Литвѣ, потому, что безпрестанно тревожили ее набѣгами часто внезапными, скрываемыми подъ личиною дружбы (³),— и отъ того

(¹) Это случилось въ 1556 году до кончины Анастасіи, первой супруги Іоана Васильевича, т. е. до гибельнаго переворота въ характерѣ этого царя.

(²) Князья Корибуты—Вишневецкіе, какъ замѣчено выше, были всѣ православной вѣры, начиная съ родоначальника своего Корибута Ольгердовича, который, какъ равно и другіе 7 сыновей Ольгерда, были крещены по обряду православной церкви.

(³) Девлетъ-Гирей манилъ русскихъ мировыми предложеніями, а въ душѣ былъ непримиримымъ врагомъ и готовъ былъ при первой возможности сдѣлать нападеніе.— Такъ въ 1555 году, подъ видомъ, что идетъ воевать землю пяти-горскихъ черкесовъ,—онъ напалъ на русскія земли и хотя этотъ набѣгъ небылъ для него счастливъ, потому, что онъ потерялъ обозъ и множество табуновъ, но все же нанесъ русскимъ много вреда. Въ 1556 году Девлетъ-Гирей вновь хотѣлъ сдѣлать набѣгъ и стоялъ уже станомъ у Конскихъ Водъ, но не отважился на это отъ того, что боялся нападенія на Крымъ. *Ник. Лѣт.*

онъ могъ надѣяться, что Русь будетъ рада его услугамъ и что онъ, подъ покровительствомъ русскаго царя, будетъ свободно вѣдаться съ крымцами и никто нестанетъ стѣснять его дѣйствій.

Но и въ этомъ переходѣ князя Дмитрія Іоанновича видѣнъ его гордый характеръ.

Оставляя польское королевство, онъ нехотѣлъ явиться въ русскую землю покорнымъ перебѣжчикомъ, а желалъ предложить русскимъ свои услуги, какъ предводитель вольной дружины, какъ лицо самостоятельное. Съ этою цѣлію, подговоривъ нѣсколько преданныхъ себѣ козаковъ,— онъ въ 1556 году вышелъ изъ Литвы и захватилъ островъ Хортицу близъ устья Днѣпра у Конскихъ Водъ, устроилъ тамъ крѣпость, и оттуда сдѣлалъ набѣгъ на Исламъ-Кирмень, сжегъ его, а пушки перевезъ въ свое хортицкое укрѣпленіе. Тщетно крымскій ханъ, весною слѣдующаго года, хотѣлъ отмстить Вишневецкому и выбить его изъ хортицкой крѣпости,— двадцати-четырехдневный приступъ хана остался совершенно безуспѣшнымъ.

Укрѣпившись такимъ образомъ, Вишневецкій послалъ къ Іоанну Васильевичу атамана Есковича ([1]) съ предложеніемъ услугъ; царь былъ очень доволенъ этимъ, но не извѣстно отъ чего медлилъ отвѣтомъ, а между тѣмъ турецкія и волошскія войска, присланныя султаномъ на помощь хану, вмѣстѣ съ крымцами приступили къ Хортицамъ. Вишневецкій мужественно защищался, но, истощивъ запасы, долженъ былъ наконецъ уступить. Оставивъ имъ свою крѣпость, онъ занялъ Черкасы и Каневъ, гдѣ его очень любили, и опять писалъ оттуда къ Іоанну IV, изъявляя готовность снова воевать съ крымскимъ ханомъ

([1]) Есковичъ былъ присланъ въ Москву въ сентябрѣ 1557 г. Ник. Лѣт.

и предлагая ему покорить всю Украйну, что могло бы сдѣлаться весьма легко; но обстоятельства измѣнились. Незадолго предъ тѣмъ было заключено перемиріе между Русскимъ Царствомъ и Литвою на шесть лѣтъ,— и отъ того Іоаннъ Васильевичъ, не желая отступать отъ договора,—не только не принялъ этого предложенія князя Вишневецкаго, но даже велѣлъ отдать Августу Черкасы и Каневъ; впрочемъ самого князя звалъ къ себѣ. Боясь подвергнуться гоненію за недоброжелательство къ интересамъ Польши,— князь Дмитрій Іоанновичъ, исполнивъ требованіе царя, явился въ Москву, гдѣ получилъ отъ Іоанна въ помѣстьѣ Бѣлевъ со многими богатыми волостями.

Царь уважалъ въ к. Дмитріѣ Іоанновичѣ искусство въ ратномъ дѣлѣ и поручалъ ему отдѣльные отряды. Такъ въ началѣ 1558 г. онъ приказалъ ему построить на Днѣпрѣ суда и отправиться на нихъ съ пятью тысячами войска воевать Тавриду, но въ этотъ разъ Вишневецкій не отличился никакими воинскими подвигами потому, что спустившись до устья Днѣпра онъ не встрѣтилъ ни одного непріятеля. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ онъ плавалъ на судахъ съ пятью же тысячами войска по рѣкѣ Дону и доходилъ до Азова, но и въ этотъ разъ успѣхи его не были слишкомъ значительны: онъ побилъ только нѣсколько сотъ татаръ на р. Идарѣ и прислалъ царю для распросовъ 14 татарскихъ плѣнниковъ. Въ 1560 году князь Дмитрій Іонновичъ былъ посланъ военачальникомъ въ землю князей Черкаскихъ [5]), гдѣ подъ наблюденіемъ его, вводилась нарочно командированными для того русскими священниками православная вѣра. Въ послѣдующее же за тѣмъ время до 1563 года онъ охранялъ съ своимъ отрядомъ Украину [6]).

[5]) Въ арх. лѣт. сказано: Чюрак. Мурза Черкаской билъ челомъ отъ всѣхъ черкесъ, чтобы ихъ Государь пожаловалъ, далъ бы имъ воеводу своего.

[6]) Въ Мороз. лѣт. сказано, что царь отпусти К. Вишневецкаго въ полѣ жити и Украйну очищати.

Хотя кн. Димитрій Іоанновичъ съ перехода въ Россію не сдѣлалъ особыхъ блестящихъ заслугъ, однако видно, что онъ во все время былъ въ милости у царя и неизвѣстно почему онъ въ 1563 году оставилъ внезапно русскую службу и перешелъ опять въ Польшу. Полагаютъ, что понудили князя къ переходу въ Польшу жестокости Іоанновы.—Этотъ царь началъ уже тогда свирѣпствовать и многіе изъ подвижниковъ его прежней славы окончили жизнь въ мучительныхъ истязаніяхъ.— Однако изъ исторіи невидно, чтобы какая нибудь опала угрожала Вишневецкому. Недовольный царь его обратнымъ переходомъ въ Польшу, при всемъ недоброжелательствѣ, не могъ выдумать ничего укоризненнаго противъ Вишневецкаго и велѣлъ гонцу своему Клобокову сказать про него литовскимъ вельможамъ: »пришелъ онъ къ государю нашему какъ собака и пошелъ отъ государя нашего какъ собака, и государю нашему и землѣ никакого убытка не учинилъ.«

По удаленіи изъ Россіи князь Дмитрій Іоанновичъ явился на сеймѣ въ Петриковѣ и былъ принятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ весьма милостиво. Король даже далъ ему своего медика для излеченія тяжкой болѣзни, происшедшей отъ отравленія, которою онъ тогда страдалъ [6]). Князь Дмитрій Іанновичъ былъ уже тогда слишкомъ старъ и не могъ отъ слабости ходить и ѣздить верхомъ, но честолюбывая натура его не могла ужиться въ покоѣ и влекла его къ новымъ трудамъ и опастностямъ. Молдаванскіе дворяне, недовольные своимъ господаремъ Стефаномъ IX, предложили господарство князю Дмитрію Іоанновичу,—и онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Молдавію безъ особыхъ предосторожностей съ небольшою дружиною. Между тѣмъ

(6) Не извѣстно кѣмъ былъ отравленъ Вишневецкій. Дип. соб. дѣлъ между Рос. и Польс. Госуд.

вызовъ этотъ былъ ничто иное какъ хитрый обманъ.—Стефанъ напалъ на князя и взялъ его съ путниками въ плѣнъ; послѣднихъ онъ впрочемъ отпустилъ домой, обрѣзавъ косы и уши, а Вишневецкаго отправилъ въ Константинополь, гдѣ Султанъ велѣлъ умертвить его самымъ мучительнымъ образомъ: его сбросили съ высокаго жилья на заостреныя колья,—и онъ, зацепясь ребромъ за колъ, висѣлъ трое сутокъ, славилъ Христа и проклиналъ магомета. Одинъ турокъ, услышавъ эти проклятія, пришелъ въ искушеніе и добылъ его стрѣлой [1]).—Такъ кончилъ жизнь знаменитый герой своего времени, не измѣнивъ до конца твердости характера и религіозныхъ убѣжденій [2]).

Братъ кн. Дмитрія Іоановича Михаилъ былъ тоже въ свое время лицомъ замѣчательнымъ. Сначала онъ, какъ и всѣ члены фамиліи кн. Корибутовъ—Вишневецкихъ вступилъ на военное поприще. Въ 1563 году онъ, бывши ротмистромъ, съ Каневскими козаками и Бѣлогородскими татарами дѣлалъ набѣги на русскія владѣнія и опустошилъ много селъ и деревень въ окрестностяхъ Черниговскихъ и Стародубскихъ,—но на этотъ разъ кончилъ свой набѣгъ неудачно: воевода Сѣверскій князь Щербатовъ разбилъ его на голову [3]). Въ 1569 году кн. Михаилъ былъ избранъ гетманомъ малороссійскихъ козаковъ и въ томъ же году король посылалъ его подъ Астрахань на помощь Русскому царю противъ Турецкаго Паши и Хана, обложившихъ

(¹) Niesiecki IV 554. Исторія малой Россіи Бантышъ—Каменск. Ист. Малор. Маркевича.

(²) Нѣсецкій пишетъ, будто Вишневецкому предлагали предъ смертію отказаться отъ православной вѣры,—но онъ не согласился, и что, по умерщвленіи его, турки, вынувъ сердце страдальца, раздѣлили между собою и съѣли, въ надѣждѣ получить храбрость и мужество славнаго вождя козаковъ.

(³) Ист. Мал. Рос. Бантышъ-Каменскаго, Ист. Малор. Маркевича.

Астрахань. Въ этотъ переходъ подъ стѣнами Астрахани онъ выказалъ блестящія воинскія способности. Скрывъ главныя свои силы, кн. Михаилъ Іоанновичъ ловко обманулъ непріятеля, врѣзался въ его станъ, завладѣлъ артиллеріею и всѣмъ обозомъ и былъ виновникомъ его пораженія [1]). Послѣ этого кн. Михаилъ Іоанновичъ былъ назначенъ первымъ кастеляномъ Кіевскимъ, старостою Каневскимъ, Черкасскимъ и Любецкимъ. Изъ воинскихъ подвиговъ кн. Михаила въ послѣдующее время извѣстно только о нападеніи его въ 1579 году вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ на г. Черниговъ, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ; г. Черниговъ устоялъ противъ ихъ усилій. Кн. Михаилъ Іоанновичъ умеръ въ 1854 году. Онъ былъ человѣкъ весьма религіозный, много помогалъ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ и былъ похороненъ [2]).

У князя Михаила Іоанновича было двое сыновой: Юрій и Михаилъ.

Юрій Михаиловичъ кастелянъ Кіевскій былъ извѣстенъ какъ человѣкъ храбрый и въ особенности отличался своимъ богатствомъ,—онъ жилъ въ Вишневцѣ съ пышностію почти царской и содержалъ при себѣ болѣе тысячи воиновъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ и наполненъ постоянно пріѣзжими, которыхъ угощали великолѣпно,—князь Юрій имѣлъ огромныя связи при дворѣ и его знакомствомъ интересовались первые чины королевства. Онъ умеръ въ 1617 году.—Изъ жизни князя Юрія замѣчательно то, что онъ первый изъ рода Корибутовъ-Вишневецкихъ перешелъ въ католическую вѣру. Причина перехода князя Юрія въ католицизмъ вполнѣ необъяснена. Есть указанія, что уговорили его іезуиты часто его посѣщавшіе, какъ

---

(1) Исторія Малороссіи Маркевича.

(2) Тамъ-же и въ Исторіи малой Россіи Бантышъ-Каменскаго.

ученые и случайные тогда люди, и что склонилъ его къ этому король, отъ котораго пользовался онъ большими милостями. Вѣроятнѣе же всего что побудило князя къ перемѣнѣ вѣры честолюбивое желаніе занять высшую государственную должность, на которую по своему положенію въ королевствѣ онъ имѣлъ полное право, но чего онъ немогъ достигнуть, потому, что по существовавшимъ тогда польскимъ законамъ высшія государственныя должности могли занимать только лица католическаго вѣроисповѣданія. [1]).

С. Ступишинъ.

(Окончаніе впредь).

(*) Чтобы болѣе способствовать распространенію Католической вѣры, — польское правительство, по проискамъ іезуитовъ, издало законъ, которымъ предоставлялось право засѣдать въ Сенатѣ однимъ католикамъ, тогда какъ этимъ правомъ пользовались прежде всѣ вельможи польскіе, безъ различія вѣроисповѣданій. Это преимущество данное католикамъ имѣло сильное вліяніе на магнатовъ протестанскаго и православнаго вѣроисповѣданій, потому, что сенаторское званіе было тогда весьма важно въ Польскомъ королевствѣ и послужило главною причиною обращенія въ католицизмъ многихъ знатныхъ вельможъ.—Смотри исторію уніи Бантышь-Каменскаго и др. писавшихъ о распространеніи католицизма въ Юго-западныхъ русскихъ провинціяхъ.

ОТДѢЛЪ III.

ЗАМѢТКА *а*).

НА СТАТЬЮ СОВРЕМЕННИКА »Національная безтактность«.

Въ іюльской книжкѣ Современника за 1861 годъ, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Національная безтактность», отличающаяся такимъ фальшивымъ взглядомъ на галицко-русскій народъ, и на направленіе львовской газеты «Слово», что мы не можемъ оставить ее безъ нѣкоторыхъ примѣчаній. Ошибки этой статьи важны особенно потому, что авторъ, не выходя изъ сферы общихъ положеній и затѣмъ не зная, или скрывая множество частныхъ обстоятельствъ въ положеніи галицко-русскаго народа и его представителей, можетъ показаться кому-либо правымъ въ своей полемикѣ и сбить съ толку людей, не имѣющихъ возможности повѣрить справедливость его полемическихъ выходокъ. Многіе могутъ даже принять слова автора статьи за голосъ самаго искренняго благожеланія галицко-русскому народу,—такъ усердно онъ расточаетъ ему похвалы въ началѣ статьи,—тогда какъ ближе знающимъ его положеніе очень хорошо извѣстно, что эти-то именно благожелательные совѣты, если бы ихъ послушались, могли бы только увеличить вѣковыя страданія галицкой Руси. Нѣтъ, впрочемъ, особенной

а) Эта статья написана еще въ Ноябрѣ 1861 года, но по разнымъ причинамъ не могла быть напечатана.

нужды входить въ подробный разборъ этой полемической статьи; достаточно будетъ указать на главные пункты ея. Ихъ, можно сказать, три: авторъ мечетъ свои перуны на бѣдныхъ галицко-русскихъ писателей за то, что они придерживаются австрійскаго правительства, а не польской партіи въ Галиціи (стр. 4, 6....); далѣе, укоряетъ галицко-русское «Слово» за то, что оно приглашаетъ галицкаго, уніатскаго митрополита, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и духовенство, стать во главѣ галицко-русскаго народа въ его мірскихъ дѣлахъ (стр. 7....), наконецъ, упрекаетъ газету за употребленіе смѣшеннаго, нечистаго языка, въ своихъ статьяхъ (стр. 2, 9, 10, 11).

Остановимся сперва на первомъ упрекѣ. Австрія, своею политикою, получила такую плохую репутацію, а съ другой стороны, поляки (разумѣемъ галицкихъ) столько нашумѣли въ Европѣ о своей либеральности, что нѣтъ ничего легче, какъ заподозрить кого-бы то ни было и въ чемъ-бы то ни было, сказавши только, что такой-то придерживается австрійскаго правительства, а не галицкихъ поляковъ, какъ поборниковъ либерализма. Къ такой-то именно уловкѣ прибѣгаютъ даже поляки, чтобы вооружить общественное мнѣніе противъ русиновъ. Но тутъ-то именно и нужна большая внимательность, чтобы не впасть въ заблужденіе. Положимъ, что австрійская политика имѣетъ много пятенъ, что она усиливается подчинить всѣ народности австрійской имперіи нѣмецкому элементу. Слѣдуетъ-ли изъ этого положенія безтактность львовскаго «Слова» и его представителей, если они остаются на сторонѣ Австріи, а не пристаютъ къ польской партіи въ Галиціи? Кто не изучалъ хорошо исторію Галиціи и въ особенности ея состоянія за послѣдніе десять или пятнадцать лѣтъ, тотъ, разумѣется, подумаетъ, что галицкіе русины слишкомъ безтактны, придерживаясь Австріи, а не поляковъ,—такихъ искусныхъ глашатаевъ о своемъ

либерализмѣ. Но кто разсмотритъ дѣло ближе и внимательнѣе, тотъ скажетъ совсѣмъ не то; тотъ пойметъ, что авторъ «Національной безтактности» или вовсе не изучалъ вопроса, о которомъ берется такъ смѣло толковать, или, если изучалъ и знаетъ его, то скрываетъ прямое положеніе дѣла. Разумѣется, что Австрія желала бы подчинить всѣ свои народности, въ томъ числѣ и галицко-русскую, нѣмецкому элементу; но вопросъ не въ томъ. Вопросъ здѣсь слѣдующій: которая изъ двухъ сторонъ, Австрія или поляки болѣе дѣлала вреда до сихъ поръ, болѣе усиливается вредить теперь и большею угрожаетъ опасностію въ будущемъ галицко-русской народности? или короче, гдѣ для нея больше, и гдѣ меньше зла? Кто знаетъ, какъ часто и вѣрныя въ общемъ смыслѣ положенія требуютъ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненій, когда приходится примѣнять ихъ къ данному случаю, тотъ ни сколько не удивится если мы скажемъ, что галицко-русскіе писатели слишкомъ небезтактны, не желая вступать въ враждебныя отношенія къ австрійскому правительству изъ угожденія польской партіи, выдающей себя за гуманную и либеральную поборницу блага галицкой Руси. Австрія владѣетъ Галиціею только съ конца прошлаго столѣтія; однако же и въ продолженіе этого краткаго времени, она сдѣлала нѣкоторыя довольно благопріятныя перемѣны въ положеніи галицко-русской народности и значительно остановила разрушительныя дѣйствія, которыми постоянно и систематически поражала галицкую Русь польская рѣчь—посполитая *б*). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только разсмотрѣть различныя постановленія австрійскаго правительства, касательно галицкой Руси. Всѣ онѣ

б) См. **Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Galizien. von. d. ruthenischen Hauptversammlung. Lemb. d. 20 Aug. 1848, Wien 1848.**

были прямо направлены къ нѣкоторому высвобожденію галицко-русской унитской церкви отъ деспотіи латинопольскаго духовенства, къ доставленію уніатскому духовенству лучшихъ и болѣе, соотвѣтственныхъ русской народности средствъ къ образованію русскаго языка въ преподаваніи и русской письменности, наконецъ, къ значительному огражденію галицко-русскихъ крестьянъ отъ произволовъ и деспотства польскихъ пановъ. Даже возстановленіе званія галицко-русскаго митрополита, который бы управлялъ голицко-русскою уніатскою церковію независимо отъ латинскихъ епископовъ, учрежденіе уніатскихъ консисторій, капитуловъ, семинарій *в*) есть дѣло австрійскаго правительства. Въ недавнее время русская Галиція даже была отдѣлена отъ польской *г*), галицкимъ русинамъ подарено австрійскимъ правительствомъ огромное зданіе во Львовѣ для устройства народнаго русскаго дома, заведены во многихъ мѣстахъ приходскія русскія училища, въ которыхъ не только преподается русскій языкъ, но и нѣкоторые предметы на русскомъ языкѣ. Весь этотъ рядъ учрежденій доставилъ галицкой Руси возможность нѣкотораго самостоятельнаго и независимаго отъ польскихъ притязаній развитія и былъ причиною, что въ послѣдніе десять лѣтъ она ознаменовала себя, можно сказать, большими признаками жизни, нежели вовсе продолженіе тяжелаго и губительнаго владычества посполитой-рѣчи польской. Можно даже сказать, что галицко-русская народность достигла бы еще лучшаго состоянія, еслибы галицкая польская партія не противодѣйство-

---

в) Русская духовная семинарія учреждена Іосифомъ II въ 1783 году. Для нея же этотъ Императоръ подарилъ зданіе упраздненнаго доминиканскаго монастыря.

г) О польской и русской Галиціи см. **Gränzen zwischen d. russinisch und polnischen Nation in Galizien, v. Dion Zubrzycki, Lemb., 1849.**

вала и явно и тайно мѣрамъ правительства *д*). Положимъ, что благопріятныя для галицко-русскаго народа учрежденія австрійскаго правительства происходили не изъ чистыхъ побужденій, положимъ, что оно могло бы сдѣлать для галицко-русскаго народа гораздо болѣе, доставивши ему возможность не только отдѣльнаго отъ поляковъ самоуправленія, но и безпрепятственнаго ознакомленія съ нашею русскою жизнію, съ русскою литературою по тому примѣру, какъ и наши остзейскіе нѣмцы имѣютъ безпрепятственное и свободное умственное общеніе съ Германіею. Положимъ, что все это такъ; но все же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что австрійское правительство не продолжало такихъ губительныхъ для галицкой Руси мѣръ, какими отличалась рѣчь посполитая, а напротивъ значительно благопріятствовало нѣкоторой самостоятельности галицко-русской церкви и галицко-русской народности.

Что же дѣлали для галицко-русской народности для поддержанія и развитія ея поляки? На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать прямо и положительно, что поляки не только прежде постоянно поражали ее всѣми мѣрами, но даже въ послѣдніе годы, когда уже поднятъ былъ вопросъ о галицкой Руси, когда австрійское правительство стало къ ней снисходительнѣе, всѣми силами старались противодѣйствовать ея развитію. Авторъ »національной безтактности« не хочетъ разбирать прежнихъ отношеній (стр. 4) поляковъ къ галицкимъ русинамъ; не хотимъ и мы разбирать этихъ чрезвычайно дружественныхъ и благодѣтельныхъ отношеній, когда уніатская русская церковь въ

д) Подробное описаніе всѣхъ дѣйствій австрійскаго правительства для галицкихъ русиновъ можно читать въ *Зорѣ галицкой*, 1860 г. Львовъ стр. 355... Изъ этой же статьи можно видѣть, что отняла у нихъ рѣчь-посполитая польская.

Галиціи была подчинена латинскимъ епископамъ, когда все обученіе было сосредоточено въ рукахъ латинопольской партіи и происходило только на польскомъ (или латинскомъ) языкѣ, когда не было ровно никакого огражденія галицко-русской народности, когда разными насильственными и искусственными мѣрами принадлежавшее къ ней народонаселеніе было низведено на степень холопства и систематически презиралось нисколько не менѣе индійскихъ паріевъ, и когда наконецъ права благородства, образованія и всѣхъ преимуществъ гражданскихъ признаны были только за привзошедшимъ въ Галицію элементомъ польскимъ *е*). Но въ томъ-то и дѣло, что и нынѣшніе дѣла поляковъ для галицкихъ русиновъ не могутъ не заставить каждаго здравомыслящаго галицко-русскаго человѣка держаться подальше отъ сторонниковъ галицкопольской партіи, и въ дѣлѣ своей народности не довѣрять ей. Кто въ самомъ дѣлѣ, какъ не галицкіе поляки усиливались въ недавнѣе время, усиливаются и теперь парализировать довольно добрыя для галицкихъ русиновъ уступки австрійскаго правительства?—Именно они старались и происками и насмѣшками помѣшать и русскимъ училищамъ къ галицкой Руси и употребленію русскаго языка. Собственно говоря, галицкопольская партія злится на галицкую Русь не за то, что она придерживается австрійскаго правительства, но что придерживаясь его, она можетъ развиться гораздо самостоятельнѣе и отдѣльно отъ поляковъ, пользоваться своимъ языкомъ, разработывать свою литературу и не признавать ни своего языка за нарѣчіе нольскаго, ни себя за племя польскаго народа, въ чемъ, какъ извѣстно, нѣкоторымъ польскимъ писателямъ, хотѣлось бы

е) Краткое изображеніе состоянія галицкой Руси можно найти въ тойже брошюрѣ: Darstellung d. gegenw. Zust. in Galizien.—См. еще о народн. игрѣ *Зельманъ*. Объ играхъ обществен. на Руси, Львовъ. 1860 г, стр. 7—10.

увѣрить себя и другихъ. Имъ хотѣлось бы, соотвѣтственно этой теоріи, подчинить галицкихъ русиновъ своему вельможному сословію, и подъ эгидою мнимой дружбы и нарочно придуманнымъ построеніемъ своей и нашей исторіи *ж*), достигнуть того, что прежде не вполнѣ удалось ихъ системѣ прямаго и вопіющаго притѣсненія. Стоитъ только припомнить, что дѣлалъ для развитія галицко-русской народности ***Голуховскій***, попавшій въ губернаторы Галиціи, чтобы по достоинству оцѣнить и нынѣшнія благодѣянія польской партіи русинамъ. Въ лицѣ его было самое сосредоточенное воплощеніе польской партіи; она-то именно усиливалась при немъ изгладить, если можно, съ лица галицкой земли гражданскую русскую азбуку и замѣнить ее латинскою или, что все равно, польскою, издѣвалась надъ Стадіономъ за то, что онъ заговорилъ о галицко-русской народности, наговаривала на галицкихъ русиновъ, что они наклонны къ схизмѣ, потому только, что они желали прекратить заимствованіе какихъ-нибудь новыхъ обрядовъ отъ латинской церкви, доносила австрійскому правительству, будто галицкіе русины наклонны къ соединенію съ Россіею, лишь-бы только вооружить противъ нихъ австрійское правительство, снова вести репрессивныя противъ нихъ мѣры и, за тѣмъ, оставивши ихъ въ безпомощномъ положеніи, тѣмъ удобнѣе приготовить изъ нихъ безмолвное орудіе для рѣшительнаго торжества польскаго элемента въ галицкой Руси. Голуховскій и на этомъ не остановился: онъ достигъ того, что русская Галиція была снова соединена съ польскою и тѣмъ самымъ доставилъ полякамъ на сеймовыхъ собраніяхъ рѣшительный перевѣсъ надъ русинами, такъ-какъ поляки польской Галиціи послѣ того соединились съ поляками русской Галиціи и составили на сеймахъ огромное

ж) **Kilka słów bezstronnych w sprawie ruskiey. Henr. Schmitt. Lwów, 1861.**

большинство. Хороша общая польза, истинно благотворно содѣйствіе поляковъ галицко-русской народности! Чтобы скрыть свои вредныя дѣйствія противъ русиновъ, галицкіе поляки неопытнымъ изъ нихъ, а равно и намъ въ Россіи обыкновенно отводятъ глаза, украдкою кивая на Австрію, на австрійское правительство. Мы нисколько не намѣрены защищать систему дѣйствій австрійскаго правительства, но не можемъ и взваливать во всемъ вину на одного, когда несравненно большая часть ея лежитъ на другомъ; да и пора бы уже намъ понять эту галицкопольскую тактику и научиться нисколько не смѣшивать народнаго дѣла поляковъ, на своемъ мѣстѣ, съ деспотическими и іезуитскими замашками на территоріи южной Руси. Авторъ »національной безтактности« увѣряетъ, что дѣло о русской газетѣ зависѣло отъ Вѣны. Такъ, отъ Вѣны; потому что въ Вѣнѣ правительственный центръ Австріи; но мы очень хорошо знаемъ, какъ часто и съ какимъ усердіемъ либеральные поляки хлопотали у вѣнскаго правительства о самыхъ стѣснительныхъ мѣрахъ противъ галицкихъ русиновъ, какъ они желали бы отнять у нихъ даже ихъ алфавитъ, замѣнить его латинскимъ и заставить писать и учиться только по-польски. Прослѣдите отъ начала до нынѣ всѣ дѣйствія въ Австріи въ отношеніи русиновъ, сравните ихъ съ дѣйствіями поляковъ не только прежними, до паденія рѣчи посполитой, но и нынѣшними, изучите ихъ въ подробности на мѣстѣ, тогда вполнѣ будетъ понятно, почему галицко-русскихъ писателей Поляки никакъ не могутъ увѣрить въ своей гуманности и либеральности.

Что же послѣ того, въ самомъ дѣлѣ, польскій либерализмъ, разсматриваемый въ примѣненіи къ галицкой Руси? На основаніи того, что мы сказали, само собою ясно, что въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ никакъ нельзя ограничиваться отвлеченнымъ противопоставленіемъ понятій объ австрійской админи-

страціи и звучныхъ фразъ о либерализмѣ галицкихъ поляковъ; иначе, впадемъ въ глубокую ошибку и будемъ обмануты самовосхваленіемъ лживыхъ либераловъ. Быть можетъ, польскій либерализмъ у себя дома, въ своемъ кругу, на своей территоріи, имѣетъ какое-нибудь значеніе, если тольво латинскій фанатизмъ позволитъ ему безпрепятственное развитіе. Но смѣшно было-бы думать, что онъ существуетъ у поляковъ галицкихъ въ примѣненіи къ галицкимъ русинамъ. На почвѣ галицкой Руси его нѣтъ; въ предѣлахъ ея, онъ смѣняется самымъ не извинительнымъ деспотизмомъ, самыми нелѣпыми требованіями. Въ самомъ дѣлѣ, когда галицкіе поляки, довольно малочисленные въ сравненіи съ русинами и при томъ возникшіе большею частію чрезъ отступничество отъ прежней своей народности, стремятся къ уничтоженію народности галицко-русской, когда проповѣдуя вездѣ о своей либеральности, они и насиліемъ и кознями стараются уничтожить ея основные элементы: вѣру, языкъ, алфавитъ, литературу, и замѣнить ихъ польскими, когда они всячески усиливаются довести несчастныхъ русиновъ до такого состоянія, чтобъ можно было наконецъ когда нибудь праздновать ихъ гибель и фактически оправдать свои нынѣшнія непростительные клики: niema Rusi, то не значитъ-ли это только усыплять другихъ фразами о либеральности и подъ фирмою ея проводить тотъ же деспотизмъ, только въ другой формѣ, которымъ поляки отличались въ былыя времена во всей юго-западной Руси. Да это тотъ же деспотизмъ, только вдвойнѣ неизвинительный, потому что сопряженъ съ обманомъ. Пора бы наконецъ выразумѣть двусмысленность польскаго либерализма въ Галиціи и сорвать маску съ двуличныхъ деспотовъ, злоупотребляющихъ этимъ благороднымъ словомъ. Страшное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе представляютъ ихъ притязанія. Въ галицкой Руси—странѣ, составляющей часть не Польши, а австрій-

ской имперіи, гдѣ даже при господствѣ одного административнаго языка, именно нѣмецкаго, оставлено теперь нѣкоторое поприще къ воздѣлыванію народныхъ литературъ, галицкіе поляки требуютъ, не рѣдко съ тономъ какой-то самой нелѣпой наглости, чтобы русины подчинились ихъ народности *з*) и отказались отъ своей, когда эти послѣдніе и по численному превосходству, и по вѣрѣ, и по языку, и по своей письменности составляютъ отдѣльный народъ *к*), когда самая политическая независимость отъ поляковъ ставитъ въ такое же независимое отъ нихъ положеніе и всѣ стремленія русиновъ къ развитію своей народности. Можетъ ли быть что-нибудь, противорѣчивѣе со стороны людей, превозносящихъ свой либерализмъ? Что-же служитъ основаніемъ этихъ притязаній со стороны галицкихъ поляковъ, иногда даже безсознательнымъ? Это старинная, вошедшая въ привычку, всосавшаяся въ плоть и кровь, манія ослѣпленнаго самомнѣнія землевладѣльцевъ. Образовавшееся частію изъ поляковъ-пришельцевъ, частію изъ туземныхъ-русиновъ, усвоившихъ себѣ польскую гордыню, это сословіе привыкло считать себя вправѣ-посягать на народность русиновъ и распоряжаться ею, какъ своею собственностію *л*). Прибавьте къ тому, что польская народность слилась съ католицизмомъ, который также считаетъ себя вправѣ повелѣвать грекоунитскою церковію — и вотъ отдаленное основаніе тѣхъ притязаній, съ ко-

---

з) Такъ наприм. поступаетъ г-нъ Шлитте. См. Kilka słów стр. 48 на концѣ.

к) Wir Ruthenen sind keine Pohlen... Von d. ruthenisch Haupt-Versamml., Lemb. 25 Aug. 1848.

л) Diese (pohlnische) Partei.... glaubte durch ein einfaches *niepozwalam* die Ruthener in die frühere pohlnische Knechtschaft zurückweisen zu können. Darstell. d. gegenwärt..... S. 7.

торыми, какъ съ болѣзнію, не можетъ разстаться польская партія въ Галиціи! Но противъ этого права мы нераспространяемся: скажемъ только, что поборникамъ либерализма не мѣшало бы помнить, что мы живемъ не въ XVII или XVIII, но въ XIX вѣкѣ.—

Какъ же, послѣ того, упрекать русиновъ, что они не пристаютъ къ партіи галицкихъ поляковъ и не ищутъ дружбы съ ними (стр. 8)? Вѣдь для избѣжанія разлада русинамъ именно лучше уклоняться отъ дружбы, потому что галицко-польская партія подъ именемъ дружбы съ русинами, еслибы она состоялась, понимала бы совсѣмъ не то, что мы съ вами,—не равноправность ихъ народности съ польскою, но подчиненіе такимъ требованіямъ, которыя прямо повели бы ее къ уничтоженію; а подобный смыслъ дружбы хуже нынѣшняго раздѣленія, которое можетъ и не вести къ раздору. Устройте такъ, чтобы галицкіе поляки дѣйствительно заботились не объ уничтоженіи, а о развитіи галицко-русской народности, или, по крайней мѣрѣ, не подавляли ее, то будьте увѣрены, что и самаго раздора не станетъ, потому что всѣ дѣйствія русиновъ въ отношеніи къ галицкимъ полякамъ имѣютъ характеръ только оборонительный; отличаясь кротостію, они не навязываютъ элементовъ своей народности полякамъ; но только защищаются и стойко высказываютъ желаніе, чтобы ихъ галицко-русская народность была неприкосновенна. Но какъ, въ самомъ дѣлѣ, русинамъ прекратить борьбу, какъ замѣнить ее дружбою, когда не въ ихъ волѣ прекратить чужія нападенія? Странно же было бы русинамъ присоединяться къ партіи галицкихъ поляковъ, которая такъ систематически и упорно все направляетъ къ пораженію ихъ, и теперь, въ добавокъ, еще требуетъ, чтобы они стали съ нею за одно, то есть, чтобы сами же русины помогли полякамъ

уничтожить галицкую Русь? Неужели для прекращенія борьбы галицкіе русины должны отдать себя въ жертву галицкимъ полякамъ? Мы не мѣшаемъ автору питать гуманное чувство даже къ нападающимъ; но намъ кажется, что мы допустили бы только софистическое злоупотребленіе понятія гуманности, если бы стали выражать сочувствіе къ страданіямъ отъ неудающихся усилій деспотіи и скорбѣли бы о томъ, что для прекращенія этихъ страданій, обреченный на жертву не хочетъ сжалиться надъ ними и не отдается въ руки гонителю.

Авторъ »національной безтактности« утверждаетъ, что согласія русиновъ съ польскою партіею въ галицкой руси требуютъ какія-то *надобности*. Но чьи это надобности? Галицкихъ русиновъ? Но ихъ надобности ненавистны полякамъ. Или это надобности поляковъ? Но онѣ въ прямомъ противорѣчіи съ требованіями галицкихъ русиновъ, и угрожаютъ имъ нравственнымъ уничтоженіемъ. Къ чему-же толковать о какихъ-то общихъ надобностяхъ, когда авторъ ничего еще не сказалъ, что союзъ русскихъ и поляковъ въ Галиціи, если бы онъ былъ, не долженъ ни въ чемъ нарушать національную самостоятельность русиновъ, то есть, ни ихъ вѣры и независимости церкви отъ латинскихъ епископовъ, ни языка, литературы и алфавита, ни права въ выборѣ своихъ депутатовъ, ни ихъ училищъ и такъ далѣе?

Не разбираемъ здѣсь разныхъ клеветъ и злобныхъ насмѣшекъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей надъ самыми чистыми и благородными поборниками галицко-русской народности, вышедшими изъ школы св. Юрія. Благожелатели южной Руси, подобные Генриху Шмитту, разумѣется, желали бы всячески увѣрить всѣхъ и каждаго въ томъ, что развитіе галицко-русской народности возможно только въ то время, когда она приметъ

вмѣсто русской польскую, или что тоже, латинскую *м*), азбуку, когда станетъ писать только по польски, ввѣритъ свои школы и свои интерессы только полякамъ и ополячившимся русинамъ, а потому естественно, что имъ хотѣлось бы очернить издателей львовскаго »Слова«, себя же выдать за самыхъ искренныхъ любителей галицко-русскаго народа. Жалѣемъ объ ихъ напрасныхъ усиліяхъ и еще болѣе о такой постыдной для писателей неразборчивости въ средствахъ для достиженія цѣли.

Мы едва не забыли сказать, что Генрихъ Шмиттъ и подобные ему придумали даже свою теорію славянскихъ нарѣчій, по которой малорусскій галицкій языкъ составляетъ у нихъ только нарѣчіе польскаго языка, подобно, напримѣръ, мазурскому, лишь бы убѣдить кого нибудь въ правотѣ польскихъ притязаній. Но г. Шмиттъ забываетъ, что теоріями, да еще фантастическими, нельзя измѣнить вѣковаго народнаго самосознанія; употребляя безчисленныя козни въ подкрепленіе своихъ теорій, изобрѣтатели тѣмъ самимъ признаютъ уже ихъ ничтожность. Г. Шмиттъ идетъ еще далѣе. Убѣждая русиновъ въ несказанной благотворности для нихъ союза съ поляками, онъ видитъ этотъ союзъ уже осуществившимся и утѣшаетъ себя эпиграфомъ: *что Богъ сочеталъ, того люди не разлучаютъ* *н*). Но и тутъ онъ сдѣлалъ маленькій недосмотръ. Онъ забылъ, что кто, твердя сладкія рѣчи о союзѣ, пролагаетъ путь подчиненію и деспотіи, тотъ самъ же доказываетъ, что союза, благословеннаго Богомъ, уже нѣтъ; потому что союзъ двухъ національностей, благословенный Богомъ правды и любви, предполагаетъ равноправность ихъ.

Пусть же авторъ «національной безтактности» не торопится съ выраженіемъ своего отеческаго соболѣзнованія о томъ,

м) Подобное юродство нѣкоторые повторяютъ и у насъ.

н) **Kilka słów bezstronnych w sprawie ruskiej. Lwów 1861.**

что пока галицкіе русины не опровергнутъ претензіи львовскаго «Слова»; то никто изъ желающихъ имъ добра не въ силахъ будетъ предсказать имъ ничего хорошаго для нихъ, если хотя сколько нибудь понимаетъ ходъ историческихъ дѣлъ (стр. 8). Мы рѣшительно утверждаемъ, что авторъ или обманываетъ другихъ лживымъ указаніемъ источника бѣдствій русиновъ, или самъ обманывается въ понятіяхъ о немъ. Кто хорошо понимаетъ ходъ историческихъ дѣлъ въ Галиціи, кто выразумѣлъ всѣ причины бѣдствій бывшихъ и нынѣшнихъ галицкой Руси, тотъ какъ нельзя лучше знаетъ и то, что если и будутъ благопріятныя обстоятельства для ея народности, то онѣ произойдутъ отнюдь не отъ поляковъ; и на оборотъ, что все неблагопріятное для нея всегда будетъ происходить не безъ участія прямаго или косваннаго галицкихъ поляковъ, до тѣхъ поръ, пока они не согласятся понять всю неумѣстность своихъ притязаній, пока не устыдятся своей вражды противъ народности, *не приходившей извнѣ, не вторгавшейся къ полякамъ, но живущей въ своемъ отечествѣ съ первыхъ историческихъ временъ*. Вмѣсто того, чтобы изливаться въ скорбныхъ сѣтованіяхъ предъ довѣрчивыми читателями (изъ которыхъ большая часть рѣшительно не знаетъ, въ чемъ сущность дѣла) о галицко-русскомъ «Словѣ»,—не умѣющемъ цѣнить *будущихъ* польскихъ благодѣяній для галицкой Руси, пусть авторъ лучше потрудится указать тѣ благодѣянія, какія поляки уже сдѣлали въ Галиціи (не для себя, но именно) для галицко-русской народности, для *ея* развитія; тогда, разумѣется, онъ по крайней мѣрѣ сколько нибудь ослабитъ непріязнь въ галицкихъ русинахъ къ полякамъ за ихъ общеизвѣстныя враждебныя противъ галицко-русской народности дѣйствія отъ давнихъ до нынѣшнихъ временъ. Но и въ этомъ случаѣ трудно предположить, чтобы при польской притязательности, съ ея мечтами въ галицкой

Руси, можно было въ представителяхъ галицкихъ русиновъ усыпить опасенія и недовѣрчивость къ польской благожелательности. Пусть авторъ «національной безтактности» рѣшительно не безпокоится, что направленіе львовскаго «Слова» вредно для самой же галицко-русской народности. Оно никому ни сколько не вредно; а для галицко-русской народности, оно въ высшей степени полезно, предостерегая ее отъ лживыхъ друзей, которые всегда опаснѣе прямыхъ враговъ. Оно не благопріятно развѣ для поляковъ, и то только въ томъ отношеніи, что срываетъ личину съ ихъ наружныхъ благожеланій, подъ которыми постоянно таятся стремленія къ подавленію галицкой руси.

Достойна примѣчанія тактика, съ которою авторъ, уклоняясь различными изворотами отъ разбора истинныхъ причинъ непріязни русиновъ къ полякамъ, желалъ бы отвлечь отъ нихъ также вниманіе самыхъ русиновъ и увѣрить ихъ, что она зависитъ только отъ сословныхъ отношеній (стр. 6—7). Благо, что жилъ-былъ какой-то Меттернихъ, отличавшійся іезуитскою политикою; что ни свалишь на него въ дѣлѣ русиновъ—всему повѣрятъ. Давай же на него и свалимъ всю вину бѣдствій галицкихъ русиновъ, умолчимъ о притѣсненіяхъ со стороны поляковъ и сведемъ всё только на сословныя причины разлада между русинами и поляками. Авторъ такъ и дѣлаетъ; онъ пренаивно хочетъ увѣрить, что русины не имѣютъ никакихъ поводовъ жаловаться на поляковъ за нравственныя и политическія отъ нихъ притѣсненія, что это только выдумка львовскаго «Слова», что, наконецъ, единственная причина непріязни русиновъ къ полякамъ, заключается въ томъ, что послѣдніе, какъ землевладѣльцы, притѣсняли земледѣльческій классъ народонаселенія, удержавшій, какъ извѣстно, свою южнорусскую народность,—и такъ-какъ эти землевладѣльцы нынѣ готовы на самыя значительныя уступки, то и всѣ поводы къ враждѣ прекращены.

Сводя все вниманіе читателей только къ сословнымъ отношеніямъ, разумѣется, автору очень легко убѣдить его въ правдивости своей филиппики противъ львовскаго «Слова», сказавши, что теперь польскіе землевладѣльцы готовы на всѣ уступки рускому простонародію. Мы не знаемъ, отъ чего произошло у автора это ограниченіе причинъ разлада между русскою и польскою партіею въ Галиціи только сословными отношеніями, — отъ того ли, что онъ не знаетъ истинныхъ причинъ, или отъ того, что онъ ихъ скрываетъ. Но отъ чего бы оно ни произошло, мы должны замѣтить, что и галицкопольская партія, именно желала бы такою же уловкою замаскировать дѣло и увѣрить, что единственная причина враждебности русиновъ къ полякамъ — сословное, но отнюдь не народное, полагая, что, съ воцареніемъ подобнаго убѣжденія, извинятъ ей и тѣ непрестанныя усилія, которыя она употребляетъ къ подавленію галицкорусской народности польскою, и за тѣмъ ей уже легко будетъ достигнуть своей задушевной цѣли. Но въ томъ то и дѣло, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи бывшихъ и нынѣшнихъ »живыхъ отношеній«, только слѣпой не увидитъ, что въ основаніи несогласія между русинами и поляками въ Галиціи, лежитъ далеко не одинъ сословный вопросъ, но именно племенной, или, полнѣе, народный, что представители галицкорусскаго народа на-столько имѣютъ народнаго самосознанія, что не хотятъ смѣшивать себя съ поляками и во все не намѣрены подчиняться ихъ произвольнымъ теоріямъ славянскихъ народностей; а потому, какъ бы ни были благородны уступки со стороны землевладѣльцевъ, вынужденные необходимостію, никто не въ состояніи истребить разладъ между русинами и поляками; такъ-какъ и полякамъ никогда не удастся уничтожить народное самосознаніе въ галицкихъ русинахъ и убѣдить кого-бы то ни было, понимающаго дѣло, въ своемъ правѣ на подчиненіе ихъ

своимъ деспотическимъ требованіямъ. Голосъ послѣдователей *святоюрьевскаго* (⁰) направленія не есть что-нибудь фантастическое; это голосъ наболѣвшаго отъ вѣковыхъ страданій чувства осиротѣлаго галицко-русскаго народа. Въ этомъ усиліи автора скрыть народныя причины разлада, мы видимъ даже черты оскорбительной, для галицко-русской народности, польской гордыни. Почему же бы, въ самомъ дѣлѣ, русинамъ ограничиться только уступкою земледѣльческому классу большаго количества земли, большей платы за работу и тому под. и не предъявлять своихъ правъ на независимое отъ поляковъ нравственное народное развитіе, на родномъ языкѣ, подъ руководствомъ своихъ соплеменныхъ учителей, по крайней мѣрѣ на равновѣсное (хотя русское народонаселеніе въ Галиціи гораздо многочисленнѣе) съ поляками количество своихъ представителей на сеймахъ и такъ далѣе? Нѣтъ, еще разъ повторяемъ далеко не одни сословныя отношенія лежатъ въ основаніи вопросовъ, занимающихъ нынѣ галицкую Русь.

Если бы авторъ потрудился искреннѣе разсмотрѣть эти вопросы, то даже въ самой сословной сторонѣ ихъ онъ открылъ бы черты самыя грустныя, самыя тяжелыя для народнаго галицко-русскаго чувства, которое въ иноплеменномъ землевладѣльцѣ видитъ причину не только матеріальной бѣдности галицко-русскаго народа, но и упадка нравственныхъ народныхъ силъ его, оскудѣнія средствъ къ образованію на родномъ языкѣ и даже народной деморализаціи. Представте себѣ, что въ край населенный нѣсколькими милліонами жителей какого нибудь племени, съ своимъ вѣроисповѣданіемъ, входитъ масса людей дру-

(⁰) Swiętojurski, такъ называютъ поляки направленіе защитниковъ галицкорусской народности. (См. вышеуп. брошюру Шмитта на концѣ. Это названіе происходитъ отъ церкви Св. Юрія, при которой живетъ митрополитъ.

наго племени, другаго вѣроисповѣданія. Мало-по-малу она захватываетъ въ свои руки власть, землю, заставляетъ туземное народонаселеніе измѣнить форму своего вѣроисповѣданія и себя только выдаетъ за благородное сословіе, которому принадлежитъ право самостоятельнаго развитія, а народу въ этомъ правѣ отказываетъ. Представте, что и изъ туземнаго народонаселенія одни изъ угодливости, другіе,—нерѣдко, быть можетъ, какіе-нибудь прислужники пришлыхъ властителей, изъ желанія выиграть въ значеніи предъ своими подавленными соплеменниками, отказываются отъ своей вѣры и народности и готовы даже глумиться надъ ними, лишь бы удачнѣе разыгрывать новую, такъ лестную для мелочнаго честолюбія роль господствующаго сословія. Представте, что такимъ путемъ жалкаго прозелитизма накопилось значительное количество людей, величающихъ себя въ виду несчастнаго, осиротѣлаго народа польскими панами, людей, которые до такой степени привыкли къ заносчивому понятію о себѣ, что даже въ пробужденіи его народной стойкости не хотятъ видѣть ничего болѣе, кромѣ непокорности холопской, и если находятъ наконецъ необходимымъ сдѣлать ему уступки, то считаютъ его достойнымъ только уступокъ матеріальныхъ, но не тѣхъ, на которыхъ утверждается самая народность его. Представте себѣ безчисленное множество случаевъ, въ которыхъ подобные отступники отъ своей народности, продавшіе ее въ себѣ за возможность глумиться надъ нею, безпрерывно вызываютъ въ представителяхъ ея самое болѣзненное чувство внутренняго страданія, могли-ли бы вы во всѣхъ симптомахъ этого чувства видѣть только горечь неправильныхъ сословныхъ отношеній и залѣчить его глубокія, вѣковыя раны одними уступками нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ земледѣльческому туземному народонаселенію? Имѣли-ли бы вы право заставлять народъ ограничиться только сдѣланными ему матеріальными

уступками и отказаться отъ стремленій къ развитію своей народности?—Не значило-ли бы это, что вы преступно желали бы скрыть другія, болѣе глубокія причины народной скорби и увлечь цѣлый народъ къ низкому самопредательству такими экономическими уступками, на которыя онъ и безъ того *имѣетъ полное право?* Нѣтъ, снова повторяемъ, не одни сословныя отношенія, но странныя, деспотическія притязанія галицкопольской партіи къ уничтоженію прямыхъ, неотъемлемыхъ принадлежностей галицко-русской народности,—вотъ что служитъ основаніемъ постояннаго разлада между русскими и поляками въ Галиціи. Основаніе его такъ широко и такъ глубоко, что сколько бы авторъ ни разглагольствововалъ о сословномъ вопросѣ въ Галиціи, сколько бы онъ ни «возвращался къ этому вопросу» (стр. 7), сколько бы ни потратилъ діалектики для прыкрытія сущности дѣла, никогда не удастся ему достигнуть своей цѣли —переламать народное чувство, такъ сильно заявившее себя въ благородныхъ представителяхъ галицкой Руси и усыпить его только матеріальными уступками земледѣльцамъ. Представители галицко-русскаго народа желаютъ самостоятельнаго и независимаго отъ нравственныхъ польскихъ вторженій народнаго развитія. Кажется, довольно ясно.

Авторъ «національной безтактности» не ограничивается порицаніемъ львовскаго «Слова» за то, что оно не хочетъ понять не изреченныхъ благодѣяній поляковъ; подобно галицкимъ полякамъ, онъ старается унизить издателей его и за то, что оно приглашаетъ галицкаго митрополита, а вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и галицко-русское духовенство стать во главѣ русскаго племени въ политическихъ дѣлахъ. Какихъ доказательствъ тутъ не пустилъ онъ въ ходъ, лишь бы отвлечь галицко-русскій народъ отъ духовенства. По его словамъ, оно и не должно заниматься этими дѣлами, и не приготовлено къ успѣш-

ному занятію ими, и можетъ только повредить русскому же народу, принимая участіе въ его дѣлахъ. Такъ и кажется, что всѣ бѣды обрушатся на голову несчастныхъ галицкихъ русиновъ, если они не послушаются автора, не отстанутъ отъ своего духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ и не примутъ тѣхъ *печальниковъ* ихъ благосостоянія, на которыхъ такъ искусно и осторожно наводитъ самъ авторъ. Что сказать объ этомъ новомъ благожелатетьномъ совѣтѣ его галицкимъ русинамъ?— Тема о разобщеніи духовенства съ народомъ, объ ограниченіи перваго только исполненіемъ такъ называемыхъ церковныхъ требъ для многихъ такъ пріятна, что, не входя въ разсмотрѣніе особенныхъ обстоятельствъ галицко-русскаго народа и ограничиваясь только общимъ ее смысломъ, многіе въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать, что авторъ совершенно правъ; что устраняя духовенство, онъ дѣйствительно желаетъ галицкимъ русинамъ только добра. Но на дѣлѣ не такъ, далеко не такъ: взвѣсьте всѣ обстоятельства въ положеніи галицко-русскаго народа, примите въ соображеніе, что и галицкимъ полякамъ хотѣлось бы во что бы то ни стало устранить митрополита и духовенство русское отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ галицкихъ русиновъ, что галицкорусское духовенство преимущественно отстаиваетъ русскую народность и недавно боролось съ такими препятствіями со стороны поляковъ при введеніи общей системы народнаго обученія, вникните еще, кѣмъ автору хотѣлось бы замѣнить духовенство, какъ совѣтникомъ и представителемъ русскаго народа, и вамъ не трудно будетъ понять, что эта тема, какъ бы вы ни разсматривали ее въ общемъ смыслѣ, рѣшительно не примѣнима теперь къ галицко-русскому народу и прямо отдала бы его въ руки враговъ. Галицко-русскій народъ, пока еще дѣйствительно мало развитъ и немного имѣетъ образованныхъ представителей изъ среды себя, но къ счастію,

духовенство его получаетъ хорошее образованіе, такъ-какъ оно проходитъ сперва курсъ гимназическаго ученія, а потомъ оканчиваетъ образованіе въ университетѣ. Если такъ, то почему же оно не можетъ принять добраго участія и въ мірскихъ дѣлахъ народа? Развѣ препятствуетъ тому родъ его служенія, или принявшій на себя духовный санъ, перестаетъ любить отечество, понимать общимъ человѣческимъ смысломъ его потребности, не можетъ быть гражданиномъ, отцомъ, собственникомъ? По нашему мнѣнію, оно даже обязано принимать участіе въ дѣлахъ русиновъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока съ распространеніемъ образованія не подготовится большее количество дѣятелей изъ среды самаго народа. Церковь въ началѣ народнаго образованія всегда служитъ самымъ главнымъ и вѣрнымъ хранителемъ народности.

Но авторъ не ограничивается негодованіемъ на львовское «Слово» за его обращеніе къ духовенству. Онъ даже подаетъ совѣтъ, какимъ образомъ должно поступать галицкорусскому племени, если оно не имѣетъ еще достаточнаго количества дѣятелей для мірскихъ дѣлъ изъ среды себя: по его мнѣнію, оно должно искать этихъ дѣятелей у того племени (т. е. у поляковъ), съ которымъ теперь находится во враждѣ, потому что оно только можетъ оградить его интерессы. Авторъ какъ-бы такъ разсуждаетъ: если вы галицкіе русины еще не такъ развиты, чтобы сами могли заниматься своими мірскими дѣлами, то зачѣмъ вамъ обращаться къ своему духовенству, хотя бы оно было даже образованно; это не его дѣло. Для развитія вашей народности, вашей письменности, для охраненія всего, что дорого вамъ, какъ русинамъ, совѣтую вамъ обратиться къ тѣмъ людямъ, съ которыми вы до сихъ поръ боретесь за все для васъ дорогое, и предаться только ихъ заботливости о васъ.... Сколько самаго трогательнаго благожеланія

въ этихъ словахъ, подумаетъ простодушный читатель, и какъ грубо это львовское «Слово», не умѣющее цѣнить такой готовности къ услугамъ и обращающееся только къ своему духовенству! Авторъ чуть-чуть не скажетъ, что для сбереженія капусты въ огородѣ, нужно поручить надзоръ за огородомъ козлу.... Устранить духовенство и для огражденія своихъ интересовъ обратиться къ другому племени (стр. 8), то есть, къ полякамъ, къ польскимъ землевладѣльцамъ? Но вѣдь это племя состоитъ изъ людей, которые прямою задачею своею поставляютъ подавленіе южно-русской народности въ Галиціи и водвореніе польской. За кого же авторъ считаетъ читателя, да и самыхъ русиновъ, доказывая, что они должны избирать для себя дѣятелей и представителей въ своихъ народныхъ дѣлахъ изъ того племени, которое всегда относится къ нимъ враждебно, которое на имперскомъ сеймѣ въ Вѣнѣ кричало, что *русскаго народа нѣтъ* (niema Rusi) *п*), что оно не имѣетъ права на свое народное образованіе, что въ Галиціи только польское племя имѣетъ право на самостоятельное развитіе, а русины — это только чернь, которая должна подчиниться всѣмъ элементамъ польской народности. Вражда — дѣло не хорошее; но кто же станетъ доказывать, что если вражда дѣло не хорошее, то для избѣжанія ея нужно предаться неприятелю? Ни слова, лучше было бы если бы и изъ среды мірянъ между русинами было по больше такихъ образованныхъ людей, которые могли бы заниматься гражданскими дѣлами своего народа; но на томъ основаніи, что теперь такихъ образованныхъ людей между ними еще не много, и подобными дѣлами до времени можетъ заниматься преимущественно ихъ духовенство, подалъ-ли бы истинно-благожелательный, безъ всякихъ заднихъ мыслей человѣкъ русинамъ совѣтъ — предаться води-

(*п*) См. въ Отдѣлѣ IV Стихотворенія „Niema Rusi“.

тельству тѣхъ людей, которые именно того и желаютъ, чтобы рано или поздно покончить съ галицко-русскимъ народомъ и залить его волнами заимствованной ими польской народности? Авторъ «Національной безтактности» навязываетъ русинамъ такое условіе для успѣховъ ихъ народной жизни, противъ котораго собственно у нихъ и борьба идетъ съ галицкими поляками, т. е. онъ навязываетъ имъ дружбу съ поляками, а дружба эта по разумѣнію поляковъ, состоитъ не въ полной народной равноправности, а въ подчиненіи русиновъ элементамъ польской народности. Значитъ, самая борьба прекратится, если мы перестанемъ хитрить и навязывать русинамъ мнимую польскую дружбу. А какъ именно русины поведутъ сами дѣло своего народнаго развитія, это дѣло вовсе не касается галицкихъ поляковъ. Нѣтъ, мы находимъ поступокъ «Слова» въ высшей степени разумнымъ, если оно въ періодъ только зачинающагося народнаго образованія, когда такъ легко дѣйствовать на народъ всякими вліяніями, обращается къ участію своего духовенства и проситъ, чтобы оно стояло во главѣ его во всѣхъ его народныхъ дѣлахъ. Напротивъ, въ совѣтахъ автора «Національной безтактности,» мы находимъ голосъ недруговъ, которые сладкими рѣчами желали бы усыпить бдительность русиновъ и незамѣтно втянуть его въ искусно разставленныя сѣти *р*).

Наконецъ авторъ «Національной безтактности» осмѣиваетъ самый языкъ галицко-русскаго «Слова». Положимъ, что «Слово» пользуется еще языкомъ не установившимся, смѣшаннымъ. Но

(*р*) Къ какимъ постыднымъ мѣрамъ прибѣгаетъ враждебная галицкимъ русинамъ партія, чтобы разорвать нравственную связь между духовенствомъ и русскимъ народомъ, можно видѣть изъ того, что она пустила теперь въ ходъ каррикатурную картинку, на которой галицкій митрополитъ изображенъ вѣшающимъ галицкій русскій народъ. Достанетъ же совѣсти у людей, стремящихся

чтоже изъ этого слѣдуетъ? Есть ли тутъ основаніе глумиться надъ благородными, неутомимыми дѣятелями галицкой Руси, которые должны бороться съ самыми тяжкими внѣшними препятствіями для образованія народа и для развитія его языка? И чему больше подаютъ поводъ ихъ труды, ихъ заботливость о своемъ народѣ, о своемъ языкѣ въ этомъ далекомъ, несчастномъ, отдаленномъ отъ насъ уголкѣ земли русской? Пошлому-ли скалозубству, или сердечному участію къ ихъ доблестному подвигу среди препятствій, о которыхъ мы, быть можетъ, и понятія неимѣемъ? При томъ же, какая литература начиналась вдругъ совершеннымъ языкомъ? Богъ дастъ, даже при тѣхъ не полныхъ уступкахъ, которыя сдѣлало имъ австрійское правительство, языкъ ихъ по мѣрѣ дальнѣйшей разработки и употребленія его при обученіи и во взаимныхъ сношеніяхъ, будетъ становиться чище и правильнѣе, лишь бы только не мѣшали постоянныя стремленія польской партіи къ уничтоженію галицкой Руси. Вѣдь и нашъ книжный русскій языкъ въ началѣ прошлаго столѣтія былъ ни сколько не лучше нынѣшняго галицко-русскаго, а у многихъ писателей духовныхъ даже очень былъ схожъ съ нимъ; и однако же мало-по-малу онъ выработался и въ XIX вѣкѣ достигъ чистоты, правильности и изящества. Да и какое намъ дѣло до того, хорошо или дурно, правильно или не правильно пишутъ издатели львовскаго «Слова?»—Это ихъ дѣло. Ихъ дѣло думать и о томъ, будутъ-ли они имѣть читателей. Скажемъ только одно, что ихъ газета

изъ всѣхъ силъ къ уничтоженію галицко-русской народности, выдавать себя за ея друзей, а человѣка, посвящающаго всѣ свои труды для устройства самостоятельнаго галицко-русскаго народнаго образованія, выставлять предъ народомъ, какъ врага его! Какихъ же послѣ того мѣръ устыдится подобная партія для достиженія цѣли?—

расходится въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и дай Богъ, чтобы количество подписчиковъ на «Слово» удесятирилось. Если «Слово» пишетъ еще смѣшаннымъ языкомъ, то будьте увѣрены, отъ этого нисколько не пострадаетъ племенное единство галицко-русскаго народа съ нашимъ малорусскимъ. Издатели «Слова» на-столько проникнуты сознаніемъ этого единства, что не только поддержатъ, но и разовьютъ его своимъ направленіемъ и своими трудами. Но авторъ негодуетъ еще, зачѣмъ «Слово» не издается на нашемъ малорусскомъ нарѣчіи и допускаетъ на своихъ страницахъ цѣлыя фразы нашего общерусскаго, литературнаго языка. Не входимъ здѣсь въ разборъ этого еще неустановившагося вопроса объ употребленіи малорусскаго языка. Скажемъ только, что хотя мы сами принадлежимъ къ племени малорусскому, однако же рѣшительно не находимъ въ нашемъ языкѣ тѣхъ литературныхъ достоинствъ, которыя почему то приписываетъ ему авторъ; да и единства-то малорусскій языкъ употребляемый въ разныхъ до сихъ поръ вышедшихъ книжкахъ, не имѣетъ *c*). Нашъ общерусскій литературный языкъ есть такое же достояніе малоруссовъ, какъ и великоруссовъ, потому что въ развитіи его оба великія племена принимали участіе. Съ какимъ при томъ изъ нѣсколькихъ малорусскихъ нарѣчій прикажете сближаться русинамъ? Естественно, что и горячиться противъ нихъ за то, что они не пишутъ нашимъ quasi-литературнымъ маллорусскимъ языкомъ не слѣдуетъ. Не думайте, что и грамотные изъ нашего мало-

---

(*c*) Нѣтъ сего единства и въ народной рѣчи на всемъ пространствѣ русскихъ земель, названныхъ во время владычества надъ ними Польши, малороссійскими, въ отличіе отъ земель русскихъ, имѣвшихъ счастіе неподпасть подъ это владычество и чрезъ это сохранившихъ русскій языкъ чистымъ, неиспорченнымъ отъ вліянія языковъ польскаго и латинскаго.

русскаго простонародія домагаются, чтобы имъ давали книги только на ихъ нарѣчіи; напротивъ, они желаютъ и просятъ, чтобы ихъ учили и нашему общерусскому языку, да еще церковно славянскому; и повѣрьте, что только сближеніе всего малорусскаго народа съ нынѣшнимъ книжнымъ общерусскимъ языкомъ, можетъ дѣйствительно имѣть чрезвычайно важное охранительное значеніе для его народности во всей югозападной полосѣ. Мысль о какой-то отдѣльности малорусскаго народа и его языка, о которой намъ иногда толкуютъ, мы считаемъ просто нелѣпостію, которая довела бы его не до отдѣльности, не до самостоятельности, но до погибели;—безъ нашего выработаннаго, уже богатаго письменными произведеніями общерусскаго языка, его неизбѣжно ожидаетъ исчезновеніе въ волнахъ извѣстной намъ западной пропаганды. Малорусскій языкъ еще далеко не выработанъ; въ сравненіи съ польскимъ, а въ особенности съ нашимъ общерусскимъ, онъ довольно грубъ, литература его еще слишкомъ не значительна и достигнетъ ли онъ когда нибудь такого совершенства, какъ сосѣдніе съ нимъ языки, доказать нельзя. Да если бы онъ и могъ когда нибудь достигнуть совершенной выработанности: то прежде нежели онъ достигнетъ ея, огромная масса западнаго малорусскаго народа должна будетъ, не дожидая этого далекаго и не опредѣленнаго будущаго, усвоить себѣ языкъ западныхъ сосѣдей, а съ языкомъ разумѣется и самую народность ихъ. Если удается иногда слышать, что и партія мнимыхъ друзей, о которой здѣсь идетъ рѣчь, иногда хвалитъ малорусскій языкъ и выражаетъ желаніе, чтобы только этотъ языкъ былъ въ употребленіи въ южной и югозападной Россіи, то не думайте, чтобы въ основаніи этихъ похвалъ и желаній лежала дѣйствительно любовь къ малорусскому языку и желаніе развитія малорусской народности. Въ основаніи ихъ желанія о введеніи у насъ въ общее употребленіе

только малорусскаго языка лежитъ полное убѣжденіе, что, съ устраненіемъ нашего литературнаго общерусскаго языка, одинъ малорусскій рѣшительно не въ состояніи бороться съ польскимъ. Вотъ гдѣ истинная причина тому, что и галицкіе поляки всѣми мѣрами стараются препятствовать галицкимъ русинамъ въ изученіи нашего русскаго языка, хотя оно для нихъ необходимо и было бы въ высшей степени полезно *m*).

Потому-то мы не только не сѣтуемъ на львовское «Слово» за то, что въ немъ встрѣчаются фразы нашего книжнаго, общерусскаго языка; но напротивъ радуемся, что оно сближается съ нимъ. Въ этомъ изученіи нашего литературнаго языка, въ сближеніи съ нимъ, мы находимъ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ залоговъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Сближеніе не только не повредитъ галицкорусской народности, но доставитъ ей существенную пользу, вольетъ въ нее новые живительные соки и поддержитъ ее противъ напора враждебныхъ притязаній.

Но авторъ „національной безтактности" все направляетъ къ тому, чтобы доказать, что русинской народности противодѣйствуютъ не поляки, а австрійцы, что поэтому и направленіе львовскаго „Слова", предохраняющее русиновъ отъ польскаго вліянія, вредно и т. под.; но о не сокрушимыхъ, непреложныхъ фактахъ галицко-польскихъ стремленій, о рѣшительномъ домогательствѣ поляковъ къ непосредственному или посредственному чрезъ австрійцевъ подавленію галицкихъ русиновъ, авторъ или ровно неимѣетъ никакого понятія, или нарочно умалчиваетъ,—усиливаясь какъ нибудь замаскировать дѣло и отвлечь вниманіе читателя указаніемъ противорѣчій въ словахъ издателя. Такъ напримѣръ, онъ

(*m*) Надобно замѣтить что галицкіе поляки употребляютъ всѣ усилія, чтобы всячески отвлечь вниманіе галицкихъ руссиновъ отъ великой Россіи и съ этою цѣлію старались самымъ постыднымъ образомъ клеветать на послѣднюю въ своихъ сочиненіяхъ, брошюрахъ и заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ.

говоритъ, что авторъ будто-бы самъ себѣ противорѣчитъ, говоря въ одномъ мѣстѣ, что поляки враждебны русской народности, а въ другомъ, что польскія газеты выражаютъ сочувствіе развитію южнорусской литературы. Но тутъ нѣтъ ровно никакого противорѣчія; какая нибудь одна другая газета, могла, хотя бы для вида, выразить свое сочувствіе южнорусской литературѣ, тогда какъ общее и *постоянное стремленіе* галицкихъ поляковъ, котораго и сами они скрывать не могутъ, направлено именно къ подавленію галицко-русской народности и къ поглощенію ея польскою *у*). Когда львовское „Слово“ говоритъ объ этихъ враждебныхъ стремленіяхъ галицкихъ поляковъ, объ ихъ усиліяхъ *схоронить* на всегда галицко-русскій языкъ, объ ихъ козняхъ, направленныхъ къ этой цѣли: то онъ разумѣетъ не одну только ненависть къ издаваемому имъ „Слову“, но весь предшедствовавшій рядъ появленій этой ненависти; изданіе „Слова“ такъ еще недавно началось, что о ненависти къ нему, собственно онъ и немогъ распространяться. Напрасно авторъ думаетъ, что поляки ненавидятъ только львовское “Слово“; пусть онъ потрудится ближе, на мѣстѣ разобрать дѣло, и ему будетъ до осязательности ясно, что это—ненависть вообще къ южно-русской народности и ко всѣмъ проявленіямъ ея, тревожащимъ ихъ деспотическія мечты. Если она сильнѣе выражается противъ львовскаго „Слова“, то это потому, что „Слово“ яснѣе и опредѣленнѣе проводитъ идею галицкорусской народности и не позволяетъ себя усыпить даже изъявленіями дружбы и покровительства. При видѣ постоянныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны галицкихъ поляковъ, нѣтъ ничего удиви-

у) Подобные стремленіе, поляки югозападной и западной Россіи, обнаруживоютъ, съ особеннымъ усиліемъ, и въ отношеніи нашихъ русскихъ обитателей этой страны, но разумѣется, также безуспѣшно, какъ и въ Галиціи.

тельнаго, если «Слово» смѣется надъ обѣщаннымъ ему покровительствомъ львовскихъ польскихъ газетъ. Этотъ смѣхъ, разумѣется, досаденъ его недругамъ; но совсѣмъ не потому, что имъ будьтобы нарушается приличіе, но потому что издатель «Слова» понимаетъ истинный смыслъ ихъ покровительства и не признаетъ за ними права позволять себѣ тонъ покровительственный тамъ, гдѣ слѣдовало ограничиться только обѣщаніемъ содѣйствія. И каждому, знающему постоянныя тенденціи галицкихъ поляковъ, разумѣется, было бы трудно удержаться отъ улыбки, встрѣчая подобныя фразы о покровительствѣ. Да и что въ самомъ дѣлѣ, за покровитьство со стороны польскихъ газетъ «Слову»? Покровительствовать можетъ только начальникъ подчиненному; львовская же газета ни сколько не намѣрена ставить себя въ отношеніе подчиненности къ газетамъ польскимъ. И во всякомъ другомъ случаѣ бѣдственно состояніе литературы, живущей подъ системою опеки, а тутъ оно былобы вдвойнѣ не умѣстно, вдвойнѣ оскорбительно.

Съ такою-же цѣлію—спутать издателя «Слова» его собственными противорѣчіями, авторъ »національной безтактности» приводитъ другое мѣсто во львовскимъ «Словѣ», въ которомъ говорится, что есть и между русинами измѣнники и враги своей народности. Отсюда авторъ хочетъ обличить издателя „Слова" въ неосновательности его нападокъ на поляковъ, такъ какъ само „Слово" сознается, что враги русиновъ сами же русины-измѣнники. Но какъ жаль, что авторъ, взявшись за апологію галицкихъ поляковъ, не знаетъ на столько состоянія Галиціи, чтобы понимать смыслъ обличенія, высказанныхъ львовскимъ „Словомъ";— еще болѣе жаль, если авторъ знаетъ это положеніе; потому что, значитъ, онъ скрываетъ дѣло и снова навязываетъ автору противорѣчіе, котораго у него нѣтъ. Дѣло въ томъ, что пришельцевъ поляковъ въ галицкую Русь не могло быть очень много; ряды ихъ пополнялись отщепенцами со сто-

роны самыхъ русиновъ, особенно же тѣхъ, которымъ хотѣлось также играть какую нибудь роль повелителей. Этотъ классъ отступавшихъ отъ своей народности русиновъ, продолжаетъ, хотя гораздо въ меньшемъ количествѣ, пополняться и до настоящаго времени. Ихъ—то и подобныхъ имъ русиновъ, готовыхъ на отступничество, имѣетъ въ виду „Слово", когда говоритъ, что есть и между русинами враги галицко-русской народности. Обличеніе ихъ со стороны львовскаго «Слова», было тѣмъ необходимѣе, что увлеченіе русиновъ въ полонизмъ изъ за выгодъ, или что еще хуже, изъ-за желанія удовлетворить своимъ мелкимъ притязаніямъ на важничанье, на возможность играть роль господъ предъ туземнымъ народонаселеніемъ русиновъ, деморализировало многихъ изъ среды народа. Но есть ли въ положеніи «Слова» о враждебности нѣкоторыхъ русиновъ къ своей народности, хотя малѣйшее противорѣчіе тому, что главными врагами остаются все-таки поляки, то есть, какъ тѣ, которые издавна поселились въ Галиціи, такъ и тѣ, которые тамъ полонизировались изъ среды русиновъ? Вѣдь потому-то нѣкоторые русины переходятъ на ихъ сторону и зложелательствуютъ своимъ соплеменникамъ, что пристаютъ къ живущей въ Галиціи враждебной русинамъ партіи поляковъ. Измѣнники-русины невраждовали бы, если бы не было цѣлой систематической махинаціи враждебныхъ дѣйствій со стороны галицкихъ поляковъ. Автору слѣдовало прежде снять съ нихъ это пятно виновности предъ галицко-русскимъ народомъ, и потомъ уже говорить, что не они виновны, какъ не французы виновны въ нашей галломаніи. А онъ, даже не коснувшись безчисленнаго ряда проявленій польской вражды къ русскимъ, однимъ прыжкомъ своей особенной логики, хочетъ вдругъ разомъ выгородить виновнаго и заклеймить невиннаго. Пользоваться такою системою дѣйствій, значитъ именно быть сторонникомъ виновной партіи, значитъ при-

бѣгать только къ изворотамъ, уклоняясь отъ прямаго пути и морочить читателя болтовнею, вмѣсто того, чтобы изложивши въ точности все, что дѣлалось со стороны поляковъ враждебнаго русинамъ, показать, въ какой степени это достовѣрно. Французы не употребляли ни насилія, ни клеветы, ни лживыхъ теорій, ни другихъ іезуитскихъ козней, для того, чтобы передѣлать русскихъ во французовъ; а потому наша галломанія зависѣла отъ насъ самыхъ. Но поляки не отступаютъ ни предъ какими средствами, чтобы непремѣнно передѣлать русиновъ въ поляковъ; значитъ и остаются прямыми и главными врагами галицкой Руси. Сколько бы ни приставало къ нимъ сторонниковъ изъ среды самихъ русиновъ, человѣкъ готовый искренно разсуждать, все-таки не станетъ снимать съ поляковъ пятна виновности, до тѣхъ поръ, пока они не откажутся отъ своихъ дѣйствій противъ галицко-русской народности. Если бы авторъ »національной безтактности«, сколько нибудь былъ способенъ къ безпристрастію, то могъ бы сказать только то, что какъ-бы ни были виновны поляки въ бѣдствіяхъ галицкой Руси, они не виновны по крайнѣй мѣрѣ въ томъ, что и нѣкоторые русины также враждебно относятся къ ней....... Но авторъ не то хотѣлъ сказать; онъ задумалъ провести русскихъ читателей, полагая, что, быть можетъ, эти отношенія между двумя народностями въ Галиціи никому не извѣстны. Они хорошо извѣстны для того, чтобы можно было обличить автора или въ непониманіи, или въ умышленномъ извращеніи дѣла. Даже нужна нѣкоторая доля недобросовѣстной изворотливости, чтобы не винить поляковъ въ томъ, что и нѣкоторые русины пристаютъ къ ихъ враждебной системѣ дѣйствій, точно также, какъ не было бы юридической добросовѣстности, если бы судья, потворствуя какой-нибудь преступной шайкѣ, которая захватываетъ дѣтей или молодыхъ людей и склоняетъ ихъ то угрозами, то

наговорами къ какимъ-нибудь дурнымъ поступкамъ, сталъ бы оправдывать эту шайку и сваливать всю вину только на послѣднихъ. Развѣ не извѣстно, что отъ русина, получившаго какое-нибудь чиновное положенiе, поляки не рѣдко требуютъ, чтобы онъ пересталъ говорить на своемъ русскомъ языкѣ и говорилъ бы только по польски?—

Натолковавшись вкривь и вкось о различныхъ статьяхъ «Слова», авторъ съ полнымъ самодовольствомъ спрашиваетъ: не правда-ли, что и изъ одного номера видно несчастное направленiе этой газеты (стр. 14)? Задавая этотъ вопросъ, онъ, вѣроятно, находитъ свои уловки такъ убѣдительними, что никто и не задумается отвѣчать утвердительно. Напрасны его ожиданiя. Кто знаетъ точно несчастное состоянiе галицкихъ русиновъ и всю исторiю дѣйствiй, которыми не даетъ имъ покоя какое-то фатальное ослѣпленiе галицкихъ поляковъ, кто не привыкъ еще заглушать въ себѣ голосъ совѣсти, тотъ только пожалѣетъ, что авторъ »нацiональной безтактности« такъ злоупотребляетъ страницами русскаго журнала и довѣрчивостiю читателей, которые не въ состовнiи повѣрить его словъ. Убѣждаютъ не голыми словами и изворотами, а дѣломъ; дѣла же со стороны галицкихъ поляковъ не только давнiя, но и давнѣе до самыхъ послѣднихъ мѣсяцовъ и дней, ясно показываютъ, что они постепенно преслѣдуютъ одну цѣль— уничтожить русскую народность въ Галицiи. Въ этомъ окончательно убѣждаютъ насъ не только дебаты происходившiе на сеймахъ галицкихъ въ 1861 году, но и самые недавнiе разсказы галицкихъ русиновъ. Если несчастно направленiе газеты, изображающей безвинныя страданiя народа, предостерегающей его впредъ отъ враговъ, ищущей ему опоры въ служителяхъ олтаря Господня: то какъ-же назвать направленiе автора »нацiональной безтактности«, изображающаго бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ?

Въ заключеніе авторъ находитъ, что львовское «Слово» неправильно толкуетъ смыслъ сказки объ ужѣ и мужикѣ (стр. 17—18). Содержаніе сказки таково: въ избѣ у мужика жилъ долгое время ужъ, отъ котораго было счастіе въ домѣ, за то и мужикъ кормилъ ужа молокомъ. Разбогатѣвши, мужикъ пренебрегъ приносившимъ ему счастіе ужомъ и даже хотѣлъ его убить, но это ему не удалось, онъ только успѣлъ отрубить ему хвостъ. Ужъ бросилъ мужика и за тѣмъ пошла бѣда за бѣдой въ домѣ его. Когда мужикъ потомъ сталъ выражать ужу свое раскаяніе и просить его возвратиться въ его избу, то ужъ мужика не послушался.—Хотя эта сказка слишкомъ не точно выражаетъ отношеніе галицко-русскаго народа къ полякамъ, если подъ мужикомъ разумѣть поляковъ, а подъ ужомъ—галицкую Русь, потому что не галицко-русскій народъ поселился у поляковъ, а на оборотъ, поляки пришли и поселились въ странѣ галицкой Руси; однакоже львовское «Слово» воспользовалось ею для вразумленія своихъ соотечественниковъ; а авторъ »національной безтактности« оспариваетъ тотъ смыслъ, который находитъ въ сказкѣ «Слово».—«Слово» находитъ, что ужъ правъ, когда наученный прежними опытами, не хотѣлъ послушать мужика, предлагавшаго ему снова убѣжище въ своемъ домѣ. По толкованію же автора »національной безтактности«, ужъ (т. е. галицко-русскій народъ) былъ не правъ, не послушавшись приглашеній мужика (т. е. поляковъ), который снова, послѣ разлада, предлагалъ ему у себя помѣщеніе и дружбу. Нѣтъ ровно никакого интереса въ томъ, такой или другой смыслъ станемъ мы находить въ сказкѣ; потому что не отъ сказки зависитъ въ этомъ случаѣ смыслъ дѣла, но наоборотъ отъ положенія дѣла—самый смыслъ сказки. Да и самое негодованіе ужа, потерявшаго всякое довѣріе къ мужику послѣ его безчестнаго съ нимъ поступка, можно, даже по буквальному

смыслу басни, понимать и такъ и иначе. Если авторъ полагаетъ, что ужъ поступилъ дурно, не послушавшись приглашеній мужика по недовѣрію къ выраженному имъ раскаянію, то почему же, не съ большимъ основаніемъ, не признать правымъ ужа, отказавшагося отъ приглашеній мужика и не хотѣвшаго вѣрить его разскаянію? — Вѣдь разскаяніе дѣло внутренняго опыта, доступное во всей глубинѣ и подлинности своего характера только сознанію самаго мужика, а обиды перенесенныя ужомъ были дѣломъ его собственнаго, не сомнѣннаго, горькаго опыта. Было-бы странно настаивать, чтобы мы достовѣрности своего собственнаго опыта о несомнѣнно бывшемъ, какъ руководству дальнѣйшей жизни, непремѣнно предпочли внутренній опытъ другаго, то есть, его разскаяніе, когда въ дѣйствительности этой внутренней перемѣны мы еще не имѣемъ никакихъ преложныхъ ручательствъ и въ признаніи ея должны полагаться только на слова другого. Но мы остановились на этомъ толкованіи автора, напрягающаго всѣ извороты къ сокрытію неправоты галицкихъ поляковъ предъ русинами съ другою цѣлію. Мы желали показать не столько то, что толкованіе сказки, сдѣланное львовскимъ «Словомъ» вовсе не такъ лишено основаній, какъ увѣряетъ авторъ, сколько выставить читателю особенную черту политики автора »національной бестактности«. За насмѣшку надъ обѣщаннымъ львовскими польскими газетами покровительствомъ, онъ упрекаетъ «Слово» въ незнаніи правилъ общежитія, въ грубости. Но раждается вопросъ: если авторъ упрекаетъ львовское „Слово“ въ грубости за то только, что оно смѣется надъ покровительствомъ польскихъ газетъ, хотя обѣщаніе этого покровительства, въ виду постоянныхъ зложелательныхъ дѣйствій польской партіи и даже по самой претензіи на величавую роль неумѣстнаго опекунства, проглядывающей въ этомъ обѣщаніи, не могло не вызвать самой

грустной улыбки въ многострадальномъ галицко-русскомъ человѣкѣ, то что-же сказать о самомъ авторѣ »національной безтактности«, когда онъ тотчасъ-же послѣ такого праведнаго негодованія, позволяетъ себѣ несравненно большую грубость въ отношеніи къ «Слову», говоря, что оно *лжетъ*, приписывая смыслъ неблагопріятный галицкимъ полякамъ? Мы вправѣ полагать, что авторъ, только что вступавшійся за правила вѣжливости, или просто высказывалъ не то, что думалъ и самъ же потомъ сдѣлалъ, — думать же одно, а говорить и дѣлать другое—это таже ложь, или, что предохраняя львовское «Слово» отъ грубости, онъ желалъ оставить это достоинство только за собою.

Не русскому бы журналу прибѣгать къ такимъ ложнымъ взглядамъ и уловкамъ противъ праваго и честнаго дѣла русиновъ. Въ устахъ людей, негодующихъ на избитаго ужа, вся подобная реклама была бы еще понятна: они усвоили себѣ какъ нельзя лучше макіавелизмъ достолюбезнаго братства іезуитовъ. Но на страницахъ русскаго журнала, она составляетъ аномалію. Не слова, не слова, а дѣла нужны для того, чтобы галицкая Русь перестала чуждаться и ненавидѣть поляковъ.

Пусть галицкіе поляки перестанутъ мечтать объ уничтоженіи галицко-русской народности.

Пусть содѣйствуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не препятствуютъ открытію русскихъ народныхъ училищъ и преподаванію въ нихъ русскаго языка русскими учителями.

Пусть употребятъ свое содѣйствіе процвѣтанію галицко-русской литературы.

Пусть перестанутъ вооружать противъ галицкихъ русиновъ австрійское правительство злоумышленнымъ обвиненіемъ ихъ въ какихъ-то небывалыхъ намѣреніяхъ о соединеніи съ Россіею.

Пусть перестанутъ взводить на нихъ обвинение въ наклонности къ какой-то схизмѣ (къ православію).

Пусть не препятствуютъ ознакомленію ихъ съ нашею общерусскою и малорусскою литературою.

Пусть способствуютъ облегченію способовъ къ пріобрѣтенію нашихъ русскихъ сочиненій въ Галиціи по тому примѣру, какъ у насъ нѣмцы выписываютъ нѣмецкія сочиненія, выходящія въ Германіи, или поляки—всѣ польскія изданія.

Пусть поймутъ, что галицкая Русь не есть Польша, и пусть содѣйствуютъ снова отдѣленію русской Галиціи отъ польской, какъ это было до Голуховскаго.

Пусть поймутъ, что вѣковыя козни и насилія, которыя до сихъ поръ употребляютъ поляки противъ галицкой Руси, могутъ наконецъ окончательно уронить ихъ въ общественномъ мнѣніи образованныхъ народовъ.

Пусть не противодѣйствуютъ участію галицко-русскаго духовенства въ мірскихъ дѣлахъ народа на сеймовыхъ собраніяхъ.

Словомъ пусть научатся уважать народное чувство въ другихъ, какъ уважаютъ его въ себѣ самыхъ.

Тогда, будьте увѣрены, снова повторяемъ, не будетъ никакихъ препятствій къ дружественному расположенію русиновъ къ галицкимъ полякамъ. А до того времени львовское «Слово» обязано продолжать начатое имъ доброе дѣло защиты самостоятельнаго народнаго развитія русиновъ отъ польскихъ притязаній. Пусть нѣкоторыя польскія газеты утѣшаютъ себя увѣренностію, что въ словахъ автора »національной безтактности« выражается голосъ молодой Россіи. Именемъ молодой Россіи прикрываютъ иногда такія дерзости, что мы нисколько не удивимся, если къ нимъ прибавится еще одною нелѣпостію больше.

POSTĘP i wsteczność w dziedziénie kształcenia się języków słowianskich rozważane. Rozprawa Doktora (т. е. лѣкаря) Juliana Kotkowskiego. Kijów 1862 (w dzień zmartwychwstania Pańskiego). Прогрессъ и Регрессъ, разсматриваемые въ области (наслѣдія) славянскихъ языковъ. Разсужденіе Доктора Юліана Котковскаго. Кіевъ 1862 г. (Въ день свѣтлаго Воскресенія Христова.

Поляки, въ особенности живущіе въ западной половинѣ Россіи, испытавши неудачность многихъ средствъ къ осуществленію своей химеры — возстановленія Польши въ starożytnych granicach (въ древнихъ предѣлахъ), до сихъ поръ не могутъ понять, что главнѣйшая причина этой неудачности заключается въ самой несбыточности ея, и попрежнему продолжаютъ свою старую пѣсню, только на новой ладъ, съ новыми припѣвами. Прежняя система варварскихъ насилій надъ православіемъ и народностью западно-русскаго края теперь невозможна; іезуитскія козни, по крайней мѣрѣ во всей ихъ демонской широтѣ, неосуществимы, — и вотъ испытываются средства другого рода, то прямыя, то косвенныя, то близкія, то отдаленныя, которыми хотѣлось бы полонизировать возможно большую массу нашего православнаго, русскаго народонаселенія. Казалось бы, каждому здравомыслящему нетрудно понять, что эти затѣи небольшаго количества пришлой, или среди насъ когда то сформировавшейся шляхты, передѣлать на свой ладъ, десять милліоновъ православнаго малорусскаго, черноруSSкаго и бѣлорусскаго народонаселенія и жалки и немножко опасны. Казалось бы благоразуміе требовало разъ навсегда отказаться отъ подобныхъ утопій, но латино-польская партія сложена иначе. Духъ римской пропаганды такъ проникъ ее, что она уже не можетъ безъ

него обойтись, къ томуже, увлекшись когда то, въ лицѣ своихъ отцевъ и дѣдовъ, на сторону полонизма и оставшись безъ народа, отдѣлившись и отъ средней массы западно-русскаго народонаселенія, она подобно чужеядному растенію, хотѣлабы всю эту массу теперь чуждаго ей народонасенія привить къ себѣ и отнять у него сродное ему самосознаніе. Чего тутъ не дѣлается, какія штуки не выкидываются лишь-бы только какъ нибудь удалось разобщить западно-южную Русь съ сѣверо-восточною, обыкновенно называемою, великою Русью, и навязать первой аттрибуты латино-польскіе. Съ одной стороны, гдѣ нужно, она выставляетъ (прямо сказать клевещетъ предъ нашимъ правительствомъ чрезъ усердныхъ своихъ агентовъ, ловко увивающихся вокругъ нашихъ высшихъ административныхъ лицъ) южно-русскій народъ, безпокойнымъ, пропитаннымъ демагогическими идеями, а потому достойнымъ угнетенія и казней; съ другой серьозно увѣряетъ, что сѣверовосточная Русь, вовсе не славяне, что это какія то азіаты, тураны и т. далѣе, что только мы южная и западная Русь славяне, но что наше племя есть только водоизмѣненіе польскаго, какъ и самый языкъ южно-русскій и бѣлорусскій есть только нарѣчіе польскаго, что нашъ Несторъ — это польскій писатель, что только въ единствѣ съ Польшею наша южная Русь можетъ наслаждаться счастіемъ и много, много подобнаго, что только могутъ придумать досужія головы. Къ числу такихъ же фактическихъ средствъ, употребляемыхъ для достиженія своей цѣли тою же партіею заботливыхъ строителей польскаго благосостоянія, мы относимъ и Postęp i wsteczność w dziedzinie и проч. доктора (или проще и точнѣе: лѣкара) Юліана Котковскаго.

Брошюра г. Котковскаго не стоитъ серьознаго вниманія; но такъ какъ у его единоплеменниковъ она пользуется большимъ, хоть и незаслуженнымъ авторитетомъ и многіе изъ

нихъ, какъ намъ извѣстно, считаютъ его доводы до такой степени неопровержимыми, что намъ остается только принять алфавитъ латино-польскій, а затѣмъ разумѣется и всему русскому народу учиться только по букварямъ съ латино-польскимъ алфавитомъ, а потомъ, само собою, примкнуть къ польской народности; то мы считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, не пускаясь впрочемъ въ филологическій разборъ ея *).

Посмѣиваясь безъ всякаго основанія надъ г. Изверомъ, который совѣтуетъ славянамъ, для обобщенія ихъ письменъ, принять общій алфавитъ, именно русскую гражданщину **), авторъ прописываетъ этими буквами польское Oycze nasz (Отче нашъ) *Ойче* (е или э) *Наш кто* (*у* нельзя, а *о* безъ черточки. По чемужъ нельзя употребить и чертки означающей польское ó? Вѣдь многіе славяне принявъ русскую граждaницу придумали же разные знаки для выраженія нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ звукахъ буквъ, неимѣющихся въ русскомъ языкѣ) *рысь ест* (почемужъ *не ѣстъ*) *в не* (можетъ быть ѣ) *бѣсах. С* (сь) *віц* (ць) *ся* (ія) *імя* (ія). *твое* (ѣ). *Бѣ воля Твоя яко въ не* (ны) *бѣ так и на зѣми. Хлѣба наше* (э) *го* (g или h) *повше* е(э или е) *днѣг* (h или g) *о дай намъ дзисяй. И одпусць намъ наше* (э) *вины яко и мы одпущамы наши* (ы) *м виновайцом. И не* (ѣ) *водзь* (вводзь) *нас на покуше* (э) *нье* (ѣ). *Але насъ збавъ оде* (э) *злег* (h или g) *о.*

Въ заключеніе авторъ восклицаетъ: вотъ какою оказалась бы красивая польская рѣчь, писаная возобновленнымъ кириловскимъ алфавитомъ!

---

*) Дѣльный разборъ брошюры лѣкаря Котковскаго можно читать въ Кіевскомъ Курьерѣ, 1862 г. Іюня 8, № 35.

**) Этому совѣту послѣдовали Болгары, Сербы, галицкіе и венгерскіе русины. Чехи по совѣту самаго Ганки тоже слышно хотятъ принять этотъ алфавитъ.

Да, мы согласны съ авторомъ, что въ такомъ видѣ она оказалась бы не совсѣмъ красивою; но почемужъ нельзя, изобразить польское *отче нашъ* слѣдующимъ образомъ.

Ойче Нашъ ктôрысь (для выраженія польскаго ó развѣ трудно придумать какую либо чертку надъ о? Напр. ô, вѣдь въ польскомъ тоже есть черточка ó) ѣст внѣбѣсѣх. Свѣнцься имѣ (чтобы произнести imie надъ ѣ можно тоже черточку) твое. Бондзь воля твоя яко въ нѣбѣ так и на зѣми, хлѣба нашѐго (вмѣсто безобразного польскаго g, г) повшеднѐго дай намъ дзисяй. И одпусьць нам наше вины, яко и мы одпущамы нашым виновайцом. И нѣ вводзь нас на покушенѣ, але нас збав оде злего.

Не будетъ ли гораздо больше сообразности (не говорю уже о пользѣ относительно обобщенія рѣчи для всѣхъ славянъ), въ подобномъ изображеніи польской рѣчи русской гражданицею, чѣмъ русской польскимъ т. е. латинскимъ алфавитомъ—въ родѣ Obrazetz ruscoho pravopisania *)? Знающіе польскій языкъ иначе прочитать не могутъ какъ — образетз русцого правописаня, или: Predłogenie wseem Ruschim gramotnhim liideam (С. П. Б. Т. И. Ак. Наукъ 1862 г.), а по русскому чтенію: Предліогенѣ усеем Русхим грамотнгим лу(ю)деам). Хорошо вышла бы прекрасная русская рѣчь! восклицаемъ мы въ свою очередь.

Да, полякамъ легче и полезнѣе было бы замѣнить свой латинскій алфавитъ общеславянскимъ, т. е. кирилицею, или усовершенствованною гражданицею (стройною, красивою), въ которомъ число буквъ совершенно достаточно для выраженія зву-

*) Подъ такимъ заглавіемъ какой то полякъ, такой же повидимому ревнитель навязыванія польской народности русскимъ, какъ и г. Котковскій, издалъ брошюру въ настоящемъ году въ С.-Петербургѣ.

ковъ не только польской, но и всякой рѣчи, а намъ русскимъ, имѣющимъ языкъ выработанный болѣе всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и польскаго, языкъ, на которомъ говоритъ ровно третья часть европейскаго народонаселенія, не исключая и поляковъ, языкъ, литература котораго превосходитъ всѣ славянскія литературы взятыя вмѣстѣ, числомъ печатныхъ сочиненій, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній,—вовсе не кстати портить его замѣною буквъ. Мы не хотимъ, чтобы наша сильная славянская рѣчь олатинизировалась, подобно польской и чрезъ это утратила бы свое благозвучіе и гибкость, какими качествами не можетъ похвалиться олатинизированная *послѣдняя* рѣчь. Повторяемъ, что полякамъ легче и полезнѣе было бы замѣнить свой латинскій алфавитъ нашею русскою гражданицею, уже и потому, что польская рѣчь въ употребленіи только между немногими миліонами поляковъ, и что литература ихъ и не столь богата и не столько извѣстна, какъ наша между другими славянскими народами, а тѣмъ болѣе между иноплеменными европейскими. Это сдѣлать тѣмъ легче, что для выраженія нѣкоторыхъ оттѣнковъ звуковъ польской рѣчи ненужно будетъ прибѣгать полякамъ къ безчисленному множеству правилъ произношенія буквъ, — тогда какъ намъ (если бы пришла намъ блажь въ голову замѣнить нашъ русскій алфавитъ латино-польскимъ), слишкомъ много пришлось бы надѣлать ломокъ и наростовъ. Имъ стоило бы только къ нѣкоторымъ нашимъ буквамъ прибавить кое какія черточки, указывающія произношеніе извѣстной буквы. И этихъ знаковъ несравненно пришлось бы имъ употребить меньше, чѣмъ сколько употребляютъ они теперь при буквахъ латинскихъ. Если при буквахъ, напр.: l, чтобъ прочитать ее потверже ставятъ черт. ł, подъ a—ą, подъ e—ę, надъ o, чтобъ прочитать у — ставятъ ó и проч. и проч., то почемуже при русскомъ л, чтобъ прочитать его потверже, не поставить въ родѣ знака 'л, при

г, чтобъ прочитать его какъ— g, не поставивъ какого нибудь условнаго знака? Вѣдь всѣ другіе славянскіе народы, принявшіе въ послѣднее время для своей рѣчи, въ замѣнъ прежней кириллицы, усовершенствованную русскую гражданицу, придумали же нѣкоторые условные знаки съ вышесказанною цѣлію. Всѣмъ извѣстно, что при предпринятомъ преобразованіи своей азбуки славянскими народами, мы русскіе были, по вѣчному обычаю нашему, только безмолвными свидѣтелями этого движенія, между тѣмъ какъ поляки, просто опротивѣли имъ чрезъ навязываніе своей азбуки. А славяне галицко-русскіе протерпѣли даже гоненіе отъ поляковъ за рѣшительный отказъ принять латино-польскій алфавитъ, но за то какже они и насмѣялись надъ послѣдними въ своихъ періодическихъ прессахъ! Послѣ того отпора и пораженія, какія нанесены имъ въ «львовскомъ словѣ», можно быть увѣреннымъ, что поляки другой разъ не покусятся къ нимъ ни съ своею польскою національностію, ни съ своею азбукою.

Но возвратимся къ брошюрѣ г. Котковскаго. Авторъ ссылается на мнѣніе рецензента Отеч. Записокъ за 1843, по поводу книжки соч. Кодинскаго (по всей вѣроятности поляка) объ улучшеніи русскаго алфавита и вполнѣ соглашается съ нимъ въ нижеслѣдующемъ: 1) что будто бы, и по наружному очертанію, буквы латино-польскія лучше русскихъ и истощаетъ свое ко-пѣвучное остроуміе надъ мнимою уродливостью послѣднихъ. Такъ, ж сравниваетъ онъ съ малымъ уродливымъ кренделькомъ, называя его ужасно безобразнымъ. Въ формѣ кренделька мы не видимъ ничего уродливаго, притомъ же это ж—курсивное, рѣдко употребляемое въ печати, а обыкновенное печатное ж нимало не уродливѣе польской раскорячистой фигуры ż; послѣдняя даже далеко неуклюжѣе и уродливѣе нашего кренделька. Если автору хотѣлось непремѣнно считать безобразными буквы, [illegible]

крендelекъ, то нужно бы сюда отнести и польскую букву s. Бываютъ же и такіе уродливые крендельки!

«Буква ж широка, занимаетъ много мѣста, затѣйлива, кудрявата, и въ тоже время угловата, по причинѣ пересѣкающей ее поперечной линіи». Но польскія буквы m, w, x, z неужели уже, чѣмъ наше ж и не болѣе ли затѣйливы, кудрявы и угловати?

«Строчная з уродлива, какъ всѣ двухъ-этажныя строчныя буквы». Въ польскомъ алфавитѣ есть нѣсколько двухъ этажныхъ буквъ, и если безобразно наше з, то нѣтъ недостатка и въ польскомъ алфавитѣ во многихъ уродливыхъ буквахъ; напр. можно-ли во всемъ нашемъ алфавитѣ найти что нибудь безобразнѣе польской буквы g, — не двухъ а трехъ-этажной! Это настоящее *чудище* (выраженіе, которымъ г. Котковскій честитъ нѣкоторыя буквы нашего алфавита). Да чѣмъ же лучше нашего з и другія польскія буквы, хотябы напр. s, w, x и проч.?

«Л, если небезобразна, то и некрасива, как разрубленное по поламъ латинское M». Во первыхъ, если авторъ считаетъ некрасивымъ наше Л, то почемуже не считаетъ такимъ и свои M, W, а еще болѣе V, тоже пополамъ разрубленныя M и W? Нужно быть слишкомъ самолюбивымъ и неопытнымъ въ дѣлѣ красоты линій, чтобы предпочесть Ł латинское славянскому Л.

«Но что сказать,» продолжаетъ авторъ, о невыносимомъ безобразіи, которое колетъ глаза, оскорбляетъ зрѣніе, — (?!!) о безобразіи буквъ Д, Ы и Ѣ, особенно первой и послѣдней. Скажите, ради всего святаго, есть-ли какая нибудь возможность красиво напечатать книгу на языкѣ, въ алфавитѣ котораго есть такія чудища безобразія, какъ Д, Ы, Ѣ, и т. д.?» И мы въ свою очередь скажемъ: есть-ли какая нибудь возможность напечатать книгу на языкѣ, въ алфавитѣ котораго есть такія чудища безобразія, какъ: D, Gg, Ł, N, P, Q, R, S, W, Y, X,

77 Но у автора такъ ослѣплены глаза латинизмомъ, что и въ дѣйствительномъ безобразіи своихъ латино-польскихъ буквъ онъ видитъ изящное, тогда какъ невидитъ изящнаго тамъ гдѣ оно дѣйствительно есть, точнѣе: въ глазахъ удругихъ видитъ пылинку, а у себя незамѣчаетъ и бревна. Читатели пусть сами порѣшатъ, по представленному здѣсь образчику рѣчи польской, изображенному въ параллель буквами латинопольскими и русскою гражданскою, какой алфавитъ заслуживаетъ на самомъ дѣлѣ названіе безобразнаго.

Єдно польскѣ абецадло на нивѣ народовей выпѣлѣнгноване, погодзицьбы могло в способъ задавалѣнцы те кшичонце абсурда.	Jedno polskie abecadło na niwie narodowey wypielengnowane, pogodzicby mogło w sposob zadawanaiący te krzyczące absurda.

Слѣпой развѣ не видитъ, что строки написанныя русскими буквами красивѣе, ровнѣе и не такъ рябятъ въ глазахъ, какъ написанныя польскими буквами, имѣющими видъ кудрявыхъ, крючковатыхъ, горбатыхъ и съ продолженными вверхъ или внизъ палками—каракуль.

Послѣ того, охота же намъ мѣнять лучшее на худшее, изъ за того только, чтобъ доставить удовольствіе гг. Котковскимъ?-Мы еще изъ ума не выжили, чтобъ изъ за пустяковъ согласились принять скудную и безобразную, сравнительно съ нашею, азбуку латино-польскую, не имѣющую, подобно нашей, достаточнаго числа букв для выраженія всѣхъ звуковъ богатой, гибкой и гармонической славянской рѣчи,—и чрезъ это нововведеніе перепортили бы только нашъ такъ выработанный, литературный языкъ, и задержали бы на десятки лѣтъ (чего, разумѣется, полякамъ сильно хочется) народное образованіе. Не

касаемся другихъ нелѣпыхъ послѣдствій, которыя могли бы выйдти изъ пресловутой перемѣны алфавита, предлагаемаго г. Котковскимъ. При томъ же, съ замѣною русской азбуки польскою, пришлось бы переработать и грамматику; ибо замѣнивши 35 буквы 24-мя нужно бы было указать новыя грамматическія правила и изобрѣсти знаки тоже что и буквы, дополняющія сей недостокъ. Да развѣ въ томъ состоитъ превосходство азбуки польской предъ славянскою, или латинской предъ греческою, что въ первой менѣе буквъ, чѣмъ въ послѣдней. Послѣ того, азбуки азіатскихъ народовъ, татарская, напр. совершеннѣе польской, — она состоитъ только изъ 22 буквъ, а древняя финикійская еще совершеннѣе, — въ ней было только до 8 буквъ.

Авторъ пускается въ длинныя разсужденія филологическія, философскія, часто повторяетъ слово *логичность азбуки*, перебираетъ глаголицу, кирилицу и постоянно въ русской гражданкѣ видитъ какую то язву человѣчества, и всѣ свои сужденія сводитъ къ одному, что русскимъ и всѣмъ славянамъ нѣтъ никакого средства достигнуть европейской цивилизаціи, пока они не рѣшатся принять латино-польскую азбуку,—по его понятію самую *логичную* (стр. 40), удобопонятную, и удобную для изображенія звуковъ *старо-славянской* рѣчи. Въ особенности авторъ настаиваетъ, чтобы русскіе перестали писать и говорить я, ѣ, ю, — но непремѣнно иа, ие, иу, т. е., приняли польское ia, ie, iu,—вмѣсто одной двѣ буквы. Ему крайне досадно, почему русскіе выражаютъ нѣкоторые сложные звуки однимъ знакомъ, или буквою; а не двумя, тремя и болѣе, зачѣмъ пишутъ я, ѣ, ю, ч, ш, щ, х, а не ia, ie, iu, cz, sz, szcz, ch. Почему же лучше для обозначенія звука употреблять вмѣсто одного два, три и даже четыре знака,— объ этомъ авторъ ни слова.

Чтобы придать недостаточной и некрасивой польской азбукѣ болѣе авторитета, авторъ говоритъ, что латинскія буквы, изъ которыхъ состоитъ эта азбука, заимствованы отъ просвѣщенныхъ грековъ,—русскія же честитъ именемъ азіатскихъ. Изъ этого мы должны заключить, что авторъ не имѣетъ даже самыхъ общеизвѣстныхъ понятій о славянской и гражданской русской азбукѣ, ибо кириллица прямо взята отъ греческаго алфавита и во многомъ похожа на него по очертанію буквъ, а буквы гражданскаго русскаго алфавита передѣланы изъ кириллицы. Это невѣжество — умышленное ли или мимовольное не дѣлаетъ чести тому, кто берется толковать о славянскихъ письменахъ, и происхожденіи ихъ. Едва-ли при такомъ жалкомъ пониманіи дѣла достигнута авторомъ вторая цѣль его брошюры прослыть филологомъ между своими читателями и нечитателями за глумленіе надъ русскимъ алфавитомъ.

Подъ конецъ книжки авторъ говоритъ, что узналъ объ образованіи въ Россіи какого то общества ученыхъ, имѣющихъ задачею улучшить русскій алфавитъ, и выражаетъ опасеніе, чтобы это общество, въ такомъ важномъ народномъ дѣлѣ, не пошло по ложной дорогѣ, или несовершило его на половину; почему совѣтуетъ ему не обращаться къ чужимъ богамъ, когда имѣетъ своихъ (къ числу ихъ, конечно относится и г. Котковскій съ своимъ алфавитомъ) и утѣшаетъ себя алмазными лучами (brylantowemi promieniami nadziei) надежды:

1) Что, быть можетъ, общество это однажды на всегда сдѣлаетъ разрывъ *съ Азіею*, поставитъ свою азбуку на степень европейской цивилизаціи (?!) и чрезъ это поведетъ въ будущемъ и языкъ по пути прогресса (азбука ?!).

2) Что, можетъ быть, могущество дознанной истины (т. е., что польская азбука лучше всѣхъ азбукъ въ мірѣ) прими-

рить и предотвратить непохвальныя народныя антипатіи сильнѣйшаго къ слабѣйшему.

3) Что, можетъ быть, предъ судомъ будущности оно не заслужитъ упрека, что возобновило *грѣхи* временъ Петра В., хоть половинною или и того менѣе — метаморфизацією своей азбуки, и наконецъ.—

4) Что, можетъ быть, остальную Европу сблизитъ съ своимъ языкомъ и литературою, когда ихъ азбука сброситъ съ себя *отвратительную уродливость* (?!!!).

Такими то алмазными лучами надежды оканчиваетъ свою книжку г. Котковскій. Подумаетъ кто нибудь, что и въ самомъ дѣлѣ г. Котковскій сулитъ намъ неоцѣненныя сокровища своими замысловатыми тезисами, а на дѣлѣ то въ нихъ ничего нѣтъ путнаго, кромѣ напыщенныхъ фразъ, натяжекъ и уловокъ пропаганды. Ему кажется, вѣроятно, что однимъ словомъ Азія, азіятскій, онъ такъ насъ унизитъ и застращаетъ, что мы такъ и кинемся въ объятія его благожелательности. Но вѣдь это фразы и фразы. Понимающій дѣло только улыбнется при чтеніи ихъ, зная очень хорошо, что въ восточно-славянскомъ алфавитѣ столько же есть Азіи, какъ въ греческомъ и латинскомъ. Нелѣпа также мысль, что только перемѣна алфавита можетъ способствовать развитію нашего языка. Русскій языкъ и литература, по своему развитію, и теперь не только не ниже, но гораздо выше языка и литературы всѣхъ славянъ, въ томъ числѣ и поляковъ, пользующихся латинскимъ алфавитомъ.

Далѣе у автора слѣдуетъ какое-то таинственное положеніе, что, можетъ быть, могущество дознанной истины примиритъ и предотвратитъ непохвальныя антипатіи сильнѣйшаго къ слабѣйшему. Мы не понимаемъ глубины премудрости скрывающейся въ этомъ положеніи; не знаемъ что это за дознанная истина съ ея могуществомъ? Ужъ не то ли, съ которою выѣзжаетъ авторъ

брошюры,—что латино-польскій алфавитъ владѣетъ неоцѣненными сокровищами, и что только въ немъ заключается средство къ развитію нашего языка? Жалка была бы истина, если бы подъ ея знамя мы начали ставить подобныя нелѣпости.

Но мы знаемъ одну дѣйствительную, дознанную истину, а именно: когда латино-польская партія, неимѣвшая почти до исхода XVI столѣтія права селиться въ русскихъ воеводствахъ, начала съ появленіемъ въ нихъ преслѣдовать и истреблять все русское и православное, то она дѣйствительно возбуждала къ себѣ сильную антипатію и вражду въ православномъ, русскомъ народонаселеніи, и что по этому, всякая новая попытка къ замѣнѣ нашего алфавита латинскимъ, въ какую бы кожу она ни одѣвалась, постоянно будетъ напрашиваться на новую и сильнѣйшую антипатію. Пора бы образумиться и бросить всякую мысль о латинизированіи и полонизированіи нашего края. Мы кажется не начинали нападеній; мы только ихъ терпѣли и страдали: горе же не защищающимся, но начинающимъ!

Въ остальныхъ двухъ положеніяхъ г. Котковскаго нѣтъ ничего новаго по содержанію: въ нихъ только видоизмѣняется содержаніе прежнихъ. Пусть авторъ книжки будетъ вполнѣ увѣренъ, что общество русскихъ ученыхъ, занимающихся, по словамъ автора, улучшеніемъ русскаго алфавита, пойметъ свое дѣло безъ его совѣтовъ и нерѣшится на нелѣпую мѣру, которую предлагаетъ ему двусмысленная услужливость автора. Антипатіи истребляются не алафитами, а образованіемъ и правильнымъ народнымъ самосознаніемъ, чуждымъ заносчивости, несбыточныхъ притязаній и наглыхъ выходокъ.

Сблизить Европу съ русскимъ языкомъ и литературою можно не замѣною нашего алфавита латино-польскимъ, а достоинствомъ самой литературы и народной жизни. Есть славянскія племена, пользующіяся латинскимъ алфавитомъ и однакожъ

другіе европейскіе народы гораздо менѣе знакомы съ ихъ литературою (не исключая и польской), нежели съ нашею русскою *), тогда какъ мы изучаемъ и знаемъ ихъ языки, хотя они пользуются не нашимъ алфавитомъ. Да и что за нелѣпое преувеличеніе достоинства латинскаго алфавита! Неужели авторъ уже такъ ограниченъ и его такъ обуяла мысль о полонизаціи нашей Руси, что онъ не можетъ понять той простой мысли, что, зная алфавитъ, мы все таки ни сколько не дѣлаемся отъ того способнѣе понимать чуждый намъ языкъ и наоборотъ, что при изученіи самаго языка, алфавитъ не потребуетъ почти никакого труда. Какимъ же образомъ новый алфавитъ сблизитъ Европу съ нашимъ языкомъ и литературою? Производить такіе результаты отъ такой ничтожной причины тоже, что утверждать будто движеніемъ одного пальца можно сдвинуть съ мѣста Казбекъ.

Но, быть можетъ, авторъ книжки, проникнутый такими неудержимыми благожеланіями нашей народности, уже никакъ не въ состояніи разстаться съ любимымъ произведеніемъ своей фантазіи и сочтетъ наше самозащищеніе также пристрастнымъ, какъ и мы считаемъ его предложеніе плодомъ увлеченій пропагандиста. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли намъ послушаться совѣтовъ третьяго, непричастнаго обѣимъ полемизующимъ сторонамъ, разумѣемъ г. Извера. А Изверъ, который и самъ принадлежитъ къ племени славянъ, пользующихся латинскимъ алфавитомъ, какъ извѣстно автору, находитъ, что для литературнаго общенія всѣхъ славянъ, полезнѣе всего принять имъ русскую гражданку, какъ усовершенствованную кириллицу.

*) Намъ извѣстно изъ библіографическихъ словарей, что русскихъ сочиненій несравненно болѣе переведено на нѣмецкій, французскій и англійскій языки, чѣмъ сочиненій всѣхъ вложности другихъ славянскихъ народовъ, не исключая и поляковъ.

Послушаемъ же лучше совѣта Извера, примемъ одинъ алфавитъ—руескій, тогда, употребимъ и мы гиперболу, исчезнетъ раздвоеніе, губящее славянскія племена и представится возможность польскому языку возвратить благозвучіе, гибкость и могущество славянской рѣчи, которыя онъ потерялъ чрезъ употребленіе латинскаго алфавита и введеніе формъ языковъ, произшедшихъ отъ языка латинскаго.

ОТДѢЛЪ IV.

ЗАМѢТКИ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ.

У нашей жизни теперь на очереди стоитъ, безъ сомнѣнія, вопросъ общественнаго образованія. По крайней мѣрѣ ни одинъ другой изъ нынѣшнихъ общественныхъ нашихъ вопросовъ такъ неваженъ, по непосредственному вліянію на нее.—Литература наша въ послѣднее время занималась имъ особенно.— Но я не думаю, чтобъ принятый способъ для его обсужденія: врозь, по составнымъ частямъ, безъ связи ихъ между собою, безъ отношенія къ ихъ цѣлому, могъ привести къ какому нибудь прочному результату. Посылки отъ частнаго къ общему рѣдко удаются. По этому было бы желательно, чтобъ вопросъ о нашемъ общественномъ образованіи былъ обсуженъ, прежде всего, въ его основныхъ началахъ, чтобы предварительно была найдена, для его разрѣшанія, общая формула задачи.—Безъ того можно опасаться, что всѣ предстоящія измѣненія и улучшенія по этой части, ограничатся у насъ однѣми подчинками, отъ которыхъ существо дѣла выиграетъ мало.—Конечно, быть можетъ, у нашего правительства готовы уже основы для общей системы, и оно, подвергая разсмотрѣнію части, признавало нужнымъ только повѣрку однѣхъ подробностей; но въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что самая формула такой важной задачи не была подвергнута анализу общей мысли.

Въ особенности обсуждался въ послѣднее время университетскій вопросъ. Что сказали о немъ сами университеты, въ отвѣтъ на вновь проэктированный ихъ уставъ,—мы не знаемъ, но должны предполагать, что въ ихъ мнѣніяхъ много найдется данныхъ для его выясненія и обработки.—

Не зная куда приведетъ окончательное разрѣшеніе нашего общественно-образовательнаго вопроса, я позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ, не въ качествѣ судьи, а какъ человѣка, который долго и вблизи наблюдалъ за ходомъ нашего общественнаго образованія, выработалъ, изъ опытнаго наблюденія, свой собственный взглядъ на него и имѣетъ смѣлость высказывать свои убѣжденія, не стѣсняясь обще-принятыми мнѣніями.—Я нахожу, что вся система нашего общественнаго образованія несостоятельна въ самыхъ основныхъ своихъ началахъ, и что на нынѣшней почвѣ университетскій нашъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно.—Къ этому послѣднему заключенію привели меня многія соображенія и данныя, но я укажу здѣсь только на одно изъ этихъ соображеній, какъ на важнѣйшее:

Самое существенное условіе для достиженія главныхъ университетскихъ цѣлей есть, безъ всякаго сомнѣнія, полная свобода науки. — Безъ этой свободы нѣтъ университета: отъ нея зависитъ научная полнота и истинность; безъ нея возможно только знаніе одностороннее, которое вооружаетъ умъ одной силой отрицанія.—Но спрашиваю: можно ли утвердительно сказать, что полная научная свобода подъ силу нашимъ нынѣшнимъ университетамъ?— Ежели даже позволительно только сомнѣваться въ этомъ, то и тогда нельзя намъ подвергать жизни опыту сомнительныхъ приложеній, особенно въ такомъ вопросѣ, гдѣ дѣло идетъ о приготовленіи къ жизни цѣлыхъ поколѣній. Чистая наука, въ своемъ отвлеченіи, безъ опоръ положитель-

ныхъ, предоставляя слишкомъ большой произволъ субъективной дѣятельности мысли, требуетъ отъ ума значительной крѣпости и устойчивости, такъ что, развивая и оплодотворяя истинное дарованіе, она, въ высшихъ своихъ сферахъ, или оставляетъ умственную посредственность ни при чемъ или служитъ ей источникомъ множества заблужденій.— Это мы видимъ сплошь и рядомъ.— Такая умственная посредственность не создана для высшихъ сферъ чистой науки, не создана, слѣдовательно, для университета: ей нуженъ особый уровень развитія, нужна наука положительная, прикладная. Не стѣсняйте же своей воли, но устройте образовательную лѣстницу такимъ образомъ, чтобъ каждый могъ свободно находить на ней свой естественный уровень развитія; поставьте передъ университетами фильтры, сквозь которыя могли-бы процѣживаться истинныя дарованія,— и тогда смѣло давайте университетамъ безусловную научную свободу: на этой почвѣ она дастъ превосходные плоды. Пусть въ нихъ сократится нынѣшнее число слушателей, пусть тогда пойдутъ въ нихъ сравнительно немногіе,— но за то въ нихъ пойдутъ всѣ призванные, и у насъ будутъ тогда настоящіе университеты.—Люди же средней руки, изъ пустыхъ нынѣшнихъ идеалоговъ, обратятся тогда въ дѣльныхъ и полезныхъ себѣ и обществу практиковъ знанія.

Не думайте, чтобъ эта задача была неразрѣшима: на способъ ея разрѣшенія у насъ были указанія положительныя, указанія даже Пирогова. Но сила преданія до того связываетъ умы самые серьёзные, что и они долго не могутъ отъ него отрешиться. Тѣмъ не менѣе пора уже подумать о соглашеніи науки съ жизнію. Намъ легче, чѣмъ другимъ народамъ разрѣшить эту задачу: у насъ между университетомъ и жизнію мало еще связи: наши университеты пошли не изъ ея корней и своихъ корней не пустили еще въ отведенную имъ почву такъ глубоко,

чтобъ было затруднительно перенести ихъ на другую почву, более сообразную съ естественными условіями человѣческаго развитія и съ требованіями современной жизни.

Но и въ нынѣшнемъ состояніи, наши университеты способны къ зачительному усовершенію. — Въ нихъ есть много очень важныхъ недостатковъ, которые выросли не изнутри, а привились къ нимъ извнѣ. Отъ этихъ недостатковъ ихъ можно легко освободить, можно поднять ихъ нынѣшній уровень на значительную, сравнительно, высоту и сообщить ихъ дѣятельности гораздо большую плодотворную силу.

Къ этому несомнѣнно ведутъ двѣ мѣры: полная университеская *автономія*, съ полною *самоотвѣтственностію* за свои дѣйствія, и вполнѣ обезпеченное *житейское устройство* профессоровъ.

Безъ этихъ двухъ условій, никакіе уставы, какъ бы они ни были умно соображены, не помогутъ у насъ университетскому дѣлу.—

Попечительская власть была у насъ, до сихъ поръ, главною помѣхою правильному развитію университетской дѣятельности.—Ежели не прямымъ вмѣшательствомъ, то нравственнымъ вліяніемъ своего внѣшняго авторитета, она парализировала свободу этой дѣятельности, ставила въ пассивное отношеніе къ дѣлу людей, наиболѣе въ немъ заинтересованныхъ, и что всего хуже, мирила ихъ совѣсть съ равнодушіемъ къ общимъ интересамъ этого дѣла.—Въ былое время, когда полицейскій контроль считался у насъ достаточнымъ для достиженія воспитательныхъ цѣлей, когда силу духовныхъ началъ признавалось возможнымъ подчинить силѣ внѣшнихъ отношеній, когда формой думали опредѣлять все содержаніе, — въ то время учрежденіе попечительской власти надъ университетами имѣло свой смыслъ и значеніе. Но теперь для чего надъ ними попечительская опе-

ка? Внѣ полицейскаго характера она и прежде не имѣла смысла; потому уже одному, что нѣтъ человѣка, который могъ бы быть компетентнымъ судьею во всѣхъ университетскихъ вопросахъ; а полицейскій характеръ теперь, говорятъ, совершенно устраняется отъ попечительства.—Что же за тѣмъ ему останется? Носить титулъ, быть безполезной инстанціей между университетомъ и министерствомъ, почтмейстерствомъ, какъ выражался нѣкогда профессоръ К., и все таки продолжать стѣснять свободу университетской коллегіи присутствіемъ власти: аттестующей, представляющей къ наградамъ, не вовсе безотвѣтственной, слѣдовательно не вовсе бездѣйственной и пр. и пр. Кажется ясно, что теперь попечители для университетовъ *не нужны*, а всякая ненужная власть способна приносить только вредъ, а не пользу.—Пусть попечители останутся при однихъ учебныхъ округахъ, гдѣ необходимо единство направленія, а, слѣдовательно, и единство управленія, и гдѣ каждый умный и просвѣщенный попечитель можетъ быть непосредственнымъ судьею всѣхъ возникающихъ вопросовъ.—

Освобожденіе университетовъ отъ попечительской власти и предоставленіе имъ полной автономіи, связанной съ полною самоотвѣтственностью за дѣйствія, устранитъ множество изъ нынѣшнихъ недостатковъ. Свободное отношеніе къ дѣлу и отвѣтственное отношеніе къ правительству, къ обществу и къ собственному достоинству, обратитъ профессоровъ не формально, а всею силою сочувствій и стремленій, къ достиженію всѣхъ достижимыхъ у насъ теперь университескихъ цѣлей.—Нынѣшняя безличность университетовъ пріобрѣтетъ ясную, опредѣленную физіономію, выработается у каждаго изъ нихъ свой корпоративный характеръ, свое прочное направленіе. Между университетами возникаетъ конкуренція, это двигательное начало всякаго преуспѣянія. Твердо опредѣлившійся нравственный и научный характеръ ученаго сословія отразится и на студентахъ: они под-

чинятся его направленію иначе, чѣмъ какой бы то ни было внѣшней власти. Можно сказать утвердительно, что, сдѣлавшись полнымъ, независимымъ хозяиномъ университета, ученое сословіе не допуститъ тѣхъ явленій и, можетъ быть, даже совращеній, какими ознаменовалась у насъ въ послѣднее время университетская жизнь.— Не потерпитъ свободная и отвѣтственная университетская коллегія, чтобъ храмъ ея обратился въ мѣсто умственныхъ оргій.— Истинная наука всегда консервативна: она не мечется, закрывъ глаза, впередъ, ради только движенія и ея истинные представители слишкомъ преданы ея интересамъ, чтобы жертвовать ими въ угоду сумазбродныхъ нигилистовъ и недоростковъ науки; а университетская коллегія, облеченная полнымъ и отвѣтственнымъ самоуправленіемъ, конечно, позаботится о привлеченіи въ среду свою истинныхъ представителей науки.—

Но чтобъ привлечь ихъ, одной автономіи ей недостаточно; для этого ей нужны притягательныя средства. Безъ этихъ средствъ университетскій вопросъ ни на какой почвѣ неразрѣшимъ, потому что отъ качества лицъ зависитъ качество всякой человѣческой дѣятельности.

Мы знаемъ, какъ много изъ нашихъ университетовъ выбыло и выбываетъ замѣчательныхъ ученыхъ на другія общественныя поприща; мы знаемъ также какъ мало успѣшны конкурсы на вакантныя каѳедры въ провинціальныхъ нашихъ университетахъ; извѣстно, наконецъ, что профессора въ столицахъ кюмюлируютъ должности по разнымъ вѣдомствамъ, отвлекаясь ими отъ прямыхъ цѣлей своего назначенія. При такомъ положеніи дѣла, никакія автономическія права не помогутъ, разумѣется, нашимъ университетамъ. Отъ личнаго состава университетскихъ коллегій всё зависитъ: и характеръ и направленіе и достоинство университетской дѣятельности. И такъ, прежде

наго, необходимо устроить профессорамъ такое положеніе, которое дѣлало-бы профессорскую каѳедру вожделѣннымъ предметомъ искательства, преимущественно передъ всѣми другими общественными положеніями, со стороны всѣхъ, кто чувствуетъ къ тому способность и призваніе. Многіе думаютъ, что германскіе гонораріи представляютъ самый лучшій способъ какъ для матеріальнаго вознагражденія профессоровъ, такъ и для доставленія университетамъ вполнѣ достойныхъ представителей науки, по тому соображенію, что гонораріи возбуждаютъ ихъ дѣятельность, для привлеченія большаго числа слушателей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ ходъ однимъ истиннымъ дарованіямъ. Что касается до послѣдняго положенія, то современные германскіе университеты не оправдываютъ его, по отзыву людей, лично съ ними знакомыхъ. Но кромѣ того, есть другая причина, непозволяющая намъ дать предпочтеніе системѣ профессорскихъ гонораріи передъ постояннымъ содержаніемъ. Не говоря уже о томъ, что на той ступени развитія, на которой мы пока еще стоимъ, едва-ли, безъ вреда просвѣщенію, эта система у насъ осуществима; но гонораріи, сами по себѣ, имѣютъ то важное неудобство, что ставятъ профессоровъ въ слишкомъ зависимое положеніе отъ своихъ слушателей и почти въ необходимость искать у нихъ *популярности*, и безъ того заразы нашихъ университетовъ въ настоящее время.—Не будемъ увлекаться принципами: кто изъ насъ въ душѣ не стоялъ горою за выборное начало, какъ за самое лучшее обезпеченіе правильнаго хода всѣхъ отправленій общественнаго организма?—А что намъ указалъ опытъ Американскихъ Штатовъ?— Гдѣ болѣе разшаталась администрація и болѣе ослабѣло правосудіе какъ не тамъ, отъ вліянія зависимости, въ которую американскія должностныя лица поставлены отъ избирающихъ ихъ *массъ*?— Нельзя стремиться къ осуществленію отвлеченныхъ принциповъ *до нельзя*— Отвлеченная

правда, за извѣстнымъ предѣломъ можетъ обратиться въ ядъ для слабаго человѣчества, какъ самая здоровая, но не умѣренная пища, можетъ обратиться въ ядъ.— По этому постоянное содержаніе профессоровъ намъ должно предпочесть системѣ гонорарій.—Противъ этого можетъ быть одно возраженіе: въ средѣ профессорскихъ избирательныхъ коллегій, при постоянномъ содержаніи, легко вкрадывается непотизмъ и фаворитизмъ: это совершенно справедливо. Но мы еще не испытали свободы университетскихъ коллегій, могущества корпоративнаго ихъ духа, и, наконецъ, отвѣтственности ихъ передъ обществомъ. Конечно, безъ нѣкотораго зла никакая жизнь не мыслима, и жизнь университетовъ не можетъ вовсе избѣжать его. Но можно надѣяться, что свободныя университетскія коллегіи, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и общественнаго слова, будутъ достаточно уважать себя, чтобъ сохранить свое достоинство.—

Для опредѣленія нормы профессорскаго содержанія должно, прежде всего, принять въ соображеніе, что профессоръ, входя на каѳедру, не имѣетъ передъ собою никакой болѣе перспективы: тутъ начало и конецъ его поприща. Слѣдовательно, профессорское служебное поприще не можетъ быть сравниваемо ни съ какимъ другимъ, гдѣ каждый, обнаруживъ дарованія, можетъ восходить до высшихъ общественныхъ ступеней и достигать самаго блестящаго положенія въ жизни. Професcура есть великая жертва, приносимая истинными дарованіями обществу, особенно у насъ, гдѣ чиновничья карьера представляетъ всякому дѣльному человѣку столько житейскихъ преимуществъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ терять изъ вида и значенія профессорской дѣятельности: ни отъ какой другой дѣятельности не зависитъ въ равной степени судьба народа, потому что отъ нея зависитъ приготовленіе всѣхъ вожатыхъ его жизни, всѣхъ главныхъ ея дѣятелей.— Передъ такимъ значеніемъ блѣднѣютъ

всѣ другіе интересы и должны отстраняться всѣ другіе расчеты. Лучше не увеличивать намъ числа университетовъ, лучше отказаться отъ роскоши въ этомъ отношеніи, отказаться и отъ всякой другой роскоши учрежденій, чтобъ обратить всѣ способы на доведеніе до возможной чистоты и полноты этого живоноснаго источника всѣхъ народныхъ силъ.— Все остальное выльется потомъ изъ него само собою.—

Мнѣ кажется, не было-бы роскошью назначить содержаніе профессорамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: ординарному *пять* тысячъ, экстраординарному *четыре* тысячи и адъюнкту *три* тысячи рублей въ годъ. Разница между этими цифрами довольно велика, для представленія профессорской дѣятельности выгодной перспективы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для доставленія вполнѣ достаточнаго обезпеченія профессорамъ, на этихъ трехъ ступеняхъ ихъ пожизненнаго поприща.— Молодому человѣку, при началѣ карьеры, три тысячи рублей доставятъ всѣ необходимыя средства, чтобъ освободить его отъ насущныхъ житейскихъ заботъ, дать ему возможность всецѣло предаться наукѣ и, при томъ, не лишать себя нѣкоторыхъ всѣмъ желательныхъ удобствъ жизни. Семейный же ординарный профессоръ съ пятью тыс. руб. будетъ имѣть способы для приличнаго содержанія семейства, для воспитанія дѣтей, и, при экономической жизни, для сбереженія чего нибудь на старость, не отвлекаясь отъ научной работы обыденными заботами семейной жизни. Всякій знаетъ, какъ трудно, въ нынѣшнее время, всему этому удовлетворить меньшей цифрой содержанія, особенно у людей, у которыхъ однѣ книги и научныя пособія требуютъ значительнаго ежегоднаго расхода.—

Принявъ эти цифры за опредѣленную норму профессорскаго содержанія, я возьму нынѣшній штатъ Кіевскаго университета, что бы приблизительно вывести общій итогъ суммы, какая по-

требуется для этого добавочнаго расхода въ шести нашихъ университетахъ.—

Въ университетѣ св. Владиміра полагается по штату 26 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстра-ординарныхъ и 8 адъюнктовъ. На ихъ содержаніе отпускается: ординарнымъ профессорамъ 34,476 руб., экстраординарнымъ 10,590 руб. 80 к. и адъюнктамъ 5,424 руб., всего 50,490 руб. 80 коп.

По предлагаемому мною размѣру потребуется: 26 ординарнымъ профессорамъ 130,000, 11 экстраординарнымъ 44,000 и адъюнктамъ 24,000 рублей, всего 198,000, т. е. потребуется добавить къ нынѣ отпускаемой суммѣ 147,510 рублей на каждый университетъ, а на всѣ шесть университетовъ 885,060, рублей въ годъ.

Но въ показанный здѣсь штатъ не вошли профессоры Богословія, лекторы, астрономы-наблюдатели, прозекторы, ассистенты клиникъ, хранители кабинетовъ и прочія вспомогательныя лица университетской научной дѣятельности, которымъ всѣмъ желательно было-бы возвысить содержаніе до цифры, практически обезпечивающей существованіе, соразмѣрно значенію каждаго; сверхъ того, ежели принять въ соображеніе необходимость пополнить у насъ число каѳедръ, соотвѣтственно самостоятельной спеціяльности многихъ отраслей знанія, уже, такъ сказать, выдѣлившихся изъ своихъ основныхъ наукъ, и остающихся въ нашихъ университетахъ безъ представителей, то можно—бы, безъ скупости, ассигновать въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, на содержаніе всего ученаго состава въ шести нашихъ университетахъ, сверхъ нынѣ отпускаемыхъ, по 200,000 рублей на каждый, всего по 1,200,000 руб. въ годъ. Тогда бы удовлетворились вполнѣ всѣ современныя требованія университетской науки: не осталось-бы въ ней тѣхъ пробѣловъ, которые, въ настоящее время, должны быть отнесены тоже къ са-

мымъ существеннымъ недостаткомъ нашихъ университетовъ.

Ужели требуемая цифра не по силамъ Россіи? Ужели невозможно найти источника для покрытія этого расхода? Ужели нельзя въ нашемъ государственномъ бюджетѣ сдѣлать сокращеній до на эту цифру, отнять у каждой бюджетной статьи 1/255 ея доли, т. е. по 3,962 рубля 74 коп. съ каждаго милліона или съ небольшимъ по 1/3 коп. съ рубля? — Еслижъ это невозможно, то пусть для этой цѣли, продаютъ ежегодно на милліонъ двѣсти тысячъ непроизводительныхъ теперь государственныхъ имуществъ: государство будетъ отъ того въ двойномъ выигрышѣ. Или пусть Россія на этотъ предметъ дѣлаетъ каждый годъ по милліону двѣсти тысячъ долга: этотъ долгъ вознаградится ей съ лихвою. — Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія отказался отъ своего дворца, чтобъ дать Петербургу лишнюю гимназію: ужели прочіе министры не сыщутъ, отъ чего бы они могли отказаться, чтобы положить прочныя основы всему просвѣщенію отечества? — Въ настоящее время, въ этомъ отношеніи, нельзя допустить и малѣйшаго сомнѣнія, а потому мы въ правѣ надѣяться, что добросовѣстный голосъ по этому предмету не будетъ у насъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

М. Юзефовичъ.

ЗНАЧЕНІЕ КІЕВА ДЛЯ РОССІИ.

«Видите-ли горы сіи?» невольно восклицаетъ каждый путникъ, когда внезапно предъ нимъ откроется вся златоверхая святыня *кіевская*, на завѣтныхъ ея высотахъ. Убогій ли богомолецъ, едва достигающій на [illegible] благочестивой цѣли своего

странствія, или роскошный баричъ, со всѣми дорожными удобствами, несущійся по гладкому шоссе, одинаково воскликнутъ при этомъ чудномъ зрѣлищѣ: »видите ли горы сіи?«—Они безсознательно повторяютъ слова Апостола, водрузившаго на сихъ горахъ первый крестъ, но едвали кто изъ нихъ, въ сію радостную минуту, повторитъ мысленно въ своемъ сердцѣ и послѣдующія слова Первозваннага: »яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія«.

А это самое и есть та основная черта Кіева, которая доселѣ его дѣлаетъ сердцемъ всея Руси и къ нему влечетъ изъ дальнихъ краевъ всѣхъ православныхъ чадъ ея. Только они одни въ состояніи понять и оцѣнить, что такое Кіевъ для русскаго человѣка, и здѣсь, въ нашемъ родномъ Іерусалимѣ, находятъ себѣ отголосокъ дальняго, невсегда имъ доступнаго на чужбинѣ. — Какъ же думаютъ усвоить себѣ Кіевъ, въ своихъ несбыточныхъ фразахъ, люди совершенно ему чуждые, не связанные съ нимъ никакими воспоминаніями отечественными, у коихъ сердце никогда не билось при звукѣ лаврскаго колокола, зовущаго во глубину пещеръ, у которыхъ рука никогда не поднималась для крестнаго знаменія, когда издали проглядывала изъ чащи лѣса, сторожевая башня православія,—колокольня печерская!

»Видите-ли горы сіи?«—на нихъ водрузилъ Первозванный знаменіе нашего спасенія, но хотя по всей Скиѳіи проповѣдалъ Апостолъ, онъ почитается только Апостоломъ Руси, и одни лишь православныя племена славянъ благоговѣютъ къ его памяти.—

»Видите-ли горы сіи?« съ ихъ вершины низвергнулъ перуна Равноапостольный Князь, но онъ былъ просвѣтителемъ только земли русской; кровь его доселѣ течетъ въ жилахъ древнихъ княжескихъ родовъ нашихъ, гробница его доселѣ стоитъ въ сооруженной имъ десятинной церкви, а честная глава его въ

марѣ печерской, крещальня двѣнадцати его сыновей внизу еще въ долинѣ Крещатика, который напоминаетъ своимъ именемъ крещеніе всея Руси, это все, чрезъ столько вѣковъ, неразрывною цѣпью связываетъ съ нимъ все истинно русское—православное, которое видитъ въ Св. Князѣ Владимірѣ начатокъ нашего спасенія. Но его имя и память чужды тѣмъ, кто не носитъ имени русскаго; едва, едва, какъ бы чуждые пришельцы, включены оба наши равноапостольные Владиміръ и Ольга, въ святцы западные, хотя для насъ были они денницею христіанства.

А дѣти Владиміровы, наши князья страстотерпцы, Борисъ и Глѣбъ, здѣсь подвизавшіеся! а лики преподобныхъ, возсіявшіе намъ изъ мрака пещернаго, по манію великихъ отцевъ иночества Антонія и Θеодосія, и доселѣ какъ бы заживо почіющіе на ложахъ своихъ во свидѣтельство вѣкамъ минувшимъ! —сія сокровищница мощей въ нѣдрахъ земли, драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ, сзывающая къ себѣ тысячи богомольцевъ отъ Дуная и до Амура, развѣ она возбуждаетъ малѣйшее сочувствіе нынѣшнихъ мнимыхъ родичей Кіева, на него посягающихъ какъ бы по праву мѣстныхъ землевладѣльцевъ, хотя они искони были ему чужды и въ новѣйшія времена не могутъ съ нимъ сродниться ни сердцемъ, ни душою.

Но какъ отличилъ премудрый Соломонъ, на своемъ судилищѣ, истинную мать отъ мнимой?—не по материнскимъ ли ея чувствамъ къ своему младенцу, когда возвратилъ ей лукаво-усвоеннаго чуждаго? —Не надобно спрашивать и о Кіевѣ: чей онъ или чьимъ будетъ?—стоитъ только выдти весною на чудный мостъ его или окинуть взоромъ окрестные пути съ какой-либо изъ его высотъ, и вы, безъ всякаго слова, поймете кому единственно можетъ принадлежать Кіевъ. Невольно повторится вашему сердцу сія радостная пасхальная пѣснь: »возведи окрестъ

Очи твои Сіоне, и виждь, се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки«.

И на какомъ прочномъ основаніи утвердили православіе въ Кіевѣ просвѣтитель нашъ и сынъ его Вел. Ярославъ, такъ что и чрезъ восемь столѣтій никакая непріязненная сила не можетъ поколебать его на сихъ завѣтныхъ горахъ!—Если рушилась, отъ разтрома монгольскаго, десятинная церковь Равноапостольнаго Князя, то его уцѣлевшая гробница послужила основнымъ камнемъ для обновленнаго храма; а Св. Софія, древнѣйшая Митрополія всея Руси, гдѣ въ началѣ утвердилась каѳедра первосвятителей нашихъ, устояла сквозь всѣ бури временъ и народовъ, во свидѣтельство тому, что никогда не будетъ сдвинутъ съ мѣста своего сей начальный нашъ свѣтильникъ и нерушима горняя стѣна его подъ молитвенною сѣнью Матери Божіей.

Не поколебался краеугольный камень Св. Софіи и тогда когда уже, казалось самая каѳедра перенесена была на сѣверъ, вмѣстѣ съ столицею князей и владыкъ въ престольную Москву; Кіевскими, а не московскими возглашались, въ соборѣ успенскомъ, митрополиты всея Руси, три ея церковныхъ столпа, Петръ, Алексій, Іона, такъ записаны въ святцахъ русскихъ и всѣ три священнодѣйствователи на престолѣ софійскомъ.—Когда же раздѣлилась митрополія на сѣверную и южную, во главѣ сталъ опять Кіевъ, не смотря на жительство его владыкъ въ предѣлахъ литовскихъ; еще тѣснѣе сдѣлалась связь его съ Царьградомъ, ибо митрополиты кіевскіе приняли на себя титулъ экзарховъ вселенскаго патріарха и этотъ періодъ югозападной нашей церкви запечатлѣнъ мученическою кончиною митрополита Макарія, котораго нетлѣнныя мощи почіютъ въ храмѣ Св. Софіи какъ-бы для новаго утвержденія ея каѳедры.

Отпаденіе въ унію почти всей іерархіи югозападной, начиная съ самой главы, временно угрожало совершеннымъ запустѣніемъ церкви, но не могло однако здѣсь поколебать православія. Напрасно стучалась непріязненная унія въ двери софійскія; онѣ оставались заключенными на все время преобладанія западнаго и замолкъ гласъ молитвы, внутри святилища, доступнаго только православному богослуженію, которымъ впервые оно огласилось »Господь утвердитъ селеніе свое утро за утра«, начертано греческими письменами поверхъ нерушимаго образа пречистой Дѣвы, стоящей на камени, воздѣвшей къ небу руки о своемъ домѣ и людяхъ, и домъ Премудрости Божіей, съ древней его каѳедрою, остался на всегда краеугольнымъ камнемъ православія на югѣ нашего отечества.

Патріархи восточные подвиглись съ своихъ престоловъ, чтобъ не дать его сдвинуть иновѣрнымъ, и святитель іерусалимскій обновилъ опять митрополію кіевскую и всю іерархію югозападной Руси, а рядъ великихъ мужей церкви на каѳедрѣ софійской, укрѣпилъ на всегда православіе въ Малой Россіи, связавъ ее сперва гражданскими узами съ Великою, а потомъ и церковными съ патріаршимъ престоломъ Москвы, но Кіевъ остался навсегда первенствующей каѳедрой русской церкви.

Знаете-ли какую силу имѣютъ слезы Преподобныхъ?—теченіемъ ихъ и глубиною своихъ воздыханій воздѣлываютъ они безплодіе пустыни, и потомъ изъ мрака ея свѣтятъ вселенной.— Если въ томъ сомнѣваетесь, взгляните на лавру печерскую:— что былъ Антоній безвѣстный отшельникъ? что Ѳеодосій!—отцы иночества на Руси?—Не въ духѣ-ли прозорливости предсказалъ, современный имъ лѣтописецъ Несторъ, какъ прочно полагаемое ими основаніе. »Многія обители, писалъ онъ, основаны были отъ князей и бояръ, но нетаковы онѣ какъ тѣ, которыя созидаются молитвой и слезами«. — Такъ соорудили свою обитель

Антоній и Θеодосій, и вотъ она не только пустила безчисленныя вѣтви во всю русскую землю, но и въ самомъ Кіевѣ сдѣлалась корнемъ православія.

Благодѣтельное вліяніе лавры печерской соображалось съ нуждами времени и было столь-же разнообразно, какъ и самыя обстоятельства его вызывавшія на помощь обурѣваемымъ. Во времена до-монгольскія она разсылала своихъ подвижниковъ проповѣдывать имя Христово между язычниками, и многія изъ новыхъ епископскихъ каѳедръ украсились ея иноками. Когда опустѣлъ Кіевъ послѣ бури монгольской, то въ пещерахъ бывшей лавры появились опять подвижники, возбудившіе духовную жизнь на пепелищѣ древней столицы, доколѣ не поднялась она вновь изъ своихъ развалинъ. Обновилась и самая лавра уже подъ владычествомъ Литвы, еще тогда незараженной фанатизмомъ римскимъ, и стала центромъ православія на всемъ югѣ, когда начались гоненія римскія, съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ и особенно при появленіи Уніи.

Ратовали за православіе, сильные тогда князья Острожскіе, подвигателемъ ихъ былъ именитый архимандритъ лавры Никифоръ Туръ, ревнитель православія на соборѣ брестскомъ, его преемники сдѣлались единственными воителями за церковь русскую, доколѣ необновилась ея іерархія благословеніемъ патріарха іерусалимскаго. Но и тогда лавра печерская оставалась сердцемъ и средоточіемъ, одна отразившая на югѣ, весь непріязненный напоръ Уніи: туда стекались всѣ молитвенники, оттуда истекала помощь духовная и даже вещественная, по обилію ея средствъ.

Когда же настало время дѣйствовать просвѣщеніемъ духовнымъ, чтобы пріодолѣть казни іезуитовъ, которые повсюду домогались распространить свое ученіе, то не изъ лавры-ли опять возникъ сильнѣйшій имъ отпоръ? Братское училище было

по истинѣ чадомъ лавры, ибо ея великій архимандритъ Петръ Могила, восшедши на каѳедру Св. Софіи, сдѣлался не только благодѣтелемъ, но и обновителемъ сего братства, которое пролило столько просвѣщенія духовнаго на всю русскую землю и доселѣ процвѣтаетъ, какъ старшая Академія наша. И такъ смиренные отшельники Антоній и Ѳеодосій болѣе сдѣлали для Кіева нежели самые князья его, и даже до сихъ поръ лаврою ихъ дышетъ Кіевъ, привлекая толпы богомольцевъ къ завѣтной ея святынѣ.

Отнимите лавру и измѣнится весь религіозный характеръ Кіева; заключите врата Св. Софіи, какъ было во дни Уніи, и утратится преданіе древнѣйшей іерархіи нашей; если только опустѣетъ златоверхая обитель, куда зоветъ Великомученица однихъ лишь православныхъ богомольцевъ, хотя она пострадала за Христа въ то время, когда еще не было раздѣленія церквей, и опустѣетъ старый Кіевъ, ибо на сихъ трехъ священныхъ мѣстахъ: въ Лаврѣ, въ Св. Софіи и въ обители Михайловской сосредоточена вся его жизненная сила; тамъ, его душа, его сердце. Безъ нихъ останется одинъ лишь торговый городъ, какихъ много на Руси, но утратится его церковное значеніе, а чрезъ это оскудѣетъ и самый городъ.—Не тоже-ли будетъ и съ Римомъ, когда онъ перестанетъ быть столицею западнаго христіанства?

Тогда только могутъ усвоить себѣ Кіевъ иновѣрцы, если нарушится жизненная его связь съ Россіею, т. е. православіе, которое издревлѣ пропитало собою весь его внутренній церковный бытъ. Но доколѣ теплится тихая лампада надъ гробомъ преподобнаго Антонія въ ближнихъ пещерахъ, доколѣ спускается, при торжественныхъ гимнахъ, чудная икона Успенія въ царскихъ вратахъ великой церкви, доколѣ стоитъ нерушимая стѣна Софійская, съ ликомъ Богоматери, осѣняющей престолъ, на ко-

торомъ уже восемъ вѣковъ приносится безкровная жертва православныхъ,—до тѣхъ поръ не поколеблется древній градъ Владиміра и Ольги, на его завѣтныхъ горахъ благословенныхъ Первозваннымъ Апостоломъ. »Горы окрестъ его и Господь окрестъ людей своихъ,« по выраженію псаломному о Сіонѣ, градѣ Царя Великаго,—а Кіевъ нашъ родной Сіонъ!—

ВСТРѢЧА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА НАЧАЛА XVII ВѢКА..

Глубокая зима лежала въ Сѣверіи (*). Пришелъ и Кузьма съ мостомъ, и Никола съ гвоздемъ; одинъ помостилъ, а другой прикрѣпилъ дорогу. Одѣлись безмолвные лѣса въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ одежду. Ива, береза, дубъ сплелись между собой оцѣпенѣлыми вѣтвями, покрытыми снѣгомъ и инеемъ. Одна сосна чернѣла темною зеленью на бѣломъ фонѣ; но и ея щетинистыя вѣтви гнулись подъ снѣжными комьями. Звонко раздавалось по лѣсамъ карканье воронъ; часто кричали нетревожимые охотниками глухари, куропатки и другія зимующія у насъ лѣсныя птицы. Вороны каркали медленно, держась вблизи дороги и напрасно выжидая добычи. Въ отвѣтъ имъ кое-гдѣ стрекотали сороки и безпрестанно слышался стукъ дятла въ звучныя, лишенныя лѣтнихъ соковъ деревья. Но при всемъ томъ, тишина въ лѣсахъ была всё-таки тишиною. Карканье воронъ, крикъ тетервей, стрекотъ сорокъ и стукъ дятловъ часто оставляли промежутки глубокаго безмолвія, и тогда еще сильнѣе чувствовалась мертвенность природы. Путникъ слышалъ только холодный скрипъ снѣга подъ ногами и полозьями, и пѣсня его

(*) Черниг. губерн. Новгородъ-Сѣверскъ, глав. городъ Сѣверіи.

разливалась широко по лѣсной пустыни, слышная вся отъ перваго до послѣдняго звука.

А путниками въ то время были въ Сѣверіи только ратныя дружины да бездомные бурлаки, толкавшіеся изъ погоста въ погостъ, изъ починка въ починокъ, за поживою. Осѣдлые сѣверяне кормили бурлакъ въ теченіи зимы не столько за ихъ работу (къ работѣ они не слишкомъ привыкли), сколько изъ страха раздражить эту голь отказомъ и подвергнуться ея мщенію. Воеводы и ихъ сыщики уклонялись, по мѣрѣ возможности, отъ преслѣдованія убогихъ скитальцевъ, не находя въ томъ для себя никакой корысти; и терпѣли ихъ, какъ неизбѣжное зло. Поэтому купцы, въ то смутное время, боялись выѣзжать въ дальній путь иначе, какъ съ конвоемъ ратныхъ людей, которымъ за то платили товарами, заплативъ особо воеводѣ и особо въ царскую казну: иначе—дѣлались добычею или бродягъ, непризнававшихъ надъ собой никакой власти, или ратныхъ людей воеводскихъ, которые безнаказанно грабили встрѣчнаго и поперечнаго, то какъ врага *законнаго*, то какъ врага *прирожденнаго* (*) государя, смотря по тому, къ какой сторонѣ сами принадлежали.

Всё однакоже, дороги по снѣгу были проторены вдоль и въ поперегъ по всей Сѣверіи. Эти дороги пролегали вовсе не тѣми мѣстами, что лѣтнія: онѣ шли черезъ рѣки, на которыхъ лѣтомъ немного было переправъ, черезъ озера, черезъ топи непроходимыя, перекрещивая Сѣверію возможно прямыми линіями въ разныхъ направленіяхъ.

Но ни одинъ изъ зимнихъ путей не лежалъ черезъ извѣстныя во всей Сѣверщинѣ Черныя Лозы, хотя онѣ находились на чертѣ между Новымъ-городомъ Сѣверскомъ и Сѣвскомъ.

(*) Законнымъ государемъ называли тогда Бориса Годунова, а прирожденнымъ или природнымъ—Димитрія самозванца.

Изъ славнаго Новгородка бѣгали гонцы отъ Басманова къ царю, по удаленіи Самозванца; воеводы пріѣзжали въ славный Новгородокъ отъ царя къ Басманову, съ вопросомъ о здоровьи и съ государевымъ великимъ жалованьемъ; проѣхалъ наконецъ и самъ Басмановъ съ ратнымъ конвоемъ въ Москву; гдѣ ожидали его новыя почести; но всѣ держали путь мимо Черныхъ Лозъ. Черныя Лозы были точно очарованы и скрыты отъ сѣверскихъ путниковъ. И дѣйствительно ни Кузьма, ни Никола не проложили черезъ нихъ дороги. Окружавшія ихъ воды питались теплыми ключами и, хотя покрывались иногда тонкимъ льдомъ и снѣгомъ, но всѣ знали, что подъ этимъ покровомъ скрывались бездонныя топи, въ которыя можно было рухнуть вмѣстѣ съ пластомъ снѣгу. Всѣ огибали ихъ на далекое пространство, и никто не безпокоилъ Прокла Прокловича, владѣльца Черныхъ Лозъ, во всю зиму. Самъ же онъ не имѣлъ охоты выѣзжать куда бы то ни было изъ своего владѣнія, а слугъ посылалъ на куньи ухожаи, на бобровыя гоны и на всякіе охотничьи промыслы пѣшихъ, съ тенётами, луками и рогатинами; да и тѣ пробирались только имъ свѣдомыми болотными сакомками, прыгая съ кочки на кочку, съ одного пня на другой, чего не могъ бы сдѣлать ни одинъ захожій. Плотина, мало того, что была бы для Прокла Прокловича дѣломъ безполезнымъ, да еще приводила бы къ нему на островъ незванныхъ безпокойныхъ и опасныхъ гостей.

Выпалъ ночью глубокій снѣгъ и засыпалъ ѣзжалую дорогу, подходящую близко къ неприступнымъ владѣньямъ Прокла Прокловича. Путникъ отыскивалъ ее въ лѣсу только по прорѣди между деревьевъ, съ которыхъ сыпался на него пушистый снѣгъ при малѣйшемъ движеніи вѣтерка. Но дорога, указанная прорѣдью, повидимому никому не была нужна. Ловчіе Прокла Прокловича пересѣкали ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гоняясь за до-

бычею, не видно было на ней ни одного слѣда человѣческаго. Только, возвращаясь домой наткнулись они на слѣды конскихъ ногъ, оставленныя на снѣгу. Старшій изъ ловчихъ, шедшій впереди, остановился и сказалъ своему спутнику на сѣверскомъ нарѣчіи, близкомъ къ украинскому языку:

— Ось глянь сюда, Сидоре! Вотъ, говорятъ, ратные люди покинули нашу Сѣверщину! хорошо, что мы вышли безъ собакъ: се воеводскіе сыщики!

— Голова! возразилъ старикъ, взглянувъ на него съ укоромъ. —Видишь, о дву-конь! Поѣдутъ теперь этакъ сыщики мимо Черныхъ Лозъ!.... Тутъ бы ихъ загребельные бобровники подсѣкли. Теперь и въ нашемъ дуплѣ завелись осы. Да и до того-ли теперь воеводамъ, чтобъ разыскивать бѣглыхъ затинщиковъ? Они рады-радешеньки, что отсидѣлись отъ Самозванца. Черезъ торговыхъ людей сзываютъ народъ на погорѣлый посадъ въ Новгородокъ, — и то немного, слышно, охотниковъ. А то сыщики! Еще Богъ знаетъ, которому царю служить придется. Воеводы теперь притаились въ Новгородкѣ, наче пчелы въ зимовникѣ. Не всякъ родился на свѣтъ Басмановымъ!

Между тѣмъ Сидоръ всматривался въ конскіе слѣды, разгребая концомъ лука навалившійся на нихъ снѣгъ.

— Такъ и есть! вскричалъ онъ.—Ратные люди, чужестранные! Смотри, дядько Харитонъ!

Дядько Харитонъ посмотрѣлъ.

— Я говорилъ тебѣ! Я съ разу смекнулъ. Воеводы не станутъ ковать лошадей по такой зимѣ: куютъ они только на бумагѣ, и казну изъ царскаго кармана въ свой перекладываютъ. Это люди походные. Да и подковъ у насъ такихъ не дѣлаютъ. Гляди, братъ Сидоръ, вотъ въ эту ступку. Шипы-то, шипы! а? Этакихъ шиповъ у насъ не выкуютъ; точно серна снѣгъ зацѣпила по конскому ступню?

— Що-же се за проява такая! говоритъ Сидоръ, ковыряя лукомъ конскіе слѣды.—И о дву-конь! Мало смѣлости у этого народу!

— Видно на себя надѣются, да и на коней тоже. Ты посмотри на копыты: наче покрышка съ золійника! Это не наши сѣверскіе кони. Да что ты дивуешься—о дву-конь? Хиба ихъ всего двое?

— А слѣду больше нема, сказалъ Сидоръ.

— Голова! слѣду нема.... Се передовые. Они проѣхали не раньше передъ нами, какъ на борть слазить; а колибъ намъ тутъ пришлось перекусить, то не успѣлъ бы спекти на спичкѣ кусокъ сала—какъ разъ навалили бъ сюда толпою.

Напоминаніе о салѣ оживило въ воображеніи товарища домашній обѣдъ, котораго они сегодня не видали, выйдя на охоту по зорѣ.

— А Богъ съ ними! сказалъ онъ:—пойдемъ, дядько Харитоне, скорѣе. Проклъ Прокловичь не любитъ запоздалыхъ ловцовъ.

— Запоздали, кажется, не даромъ! сказалъ дядько Харитонъ, взваливая на плеча тяжелаго козла съ крупными длинными рогами.

Сидоръ поднялъ также на плечи убитую серну, и оба перешагнули черезъ дорогу, повернувъ съ любопытствомъ головы въ ту сторону, куда вели загадочные конскіе слѣды.

— Ну, пойдетъ теперь возня съ вѣстовщиками! сказалъ дядько Харитонъ. — Поспѣшимъ, чтобъ не засыпало снѣгомъ слѣдовъ. Пока Прокло Прокловичь надумается, да пока переправитъ верховыхъ черезъ теплынную заточку, — какъ разъ загладитъ.

— Да самъ же ты говоришь, что это передовые.

— А чортъ ихъ знаетъ! Можетъ быть, бѣглые козаки Самозванцевы. Ты слышалъ—расползается во всѣ стороны его око-

пище. Запорожцы, говорятъ, не поладили съ Ляхами. Да кто бы ни былъ, а выслѣдить, куда поѣхали, надо. Прокло Прокловичь не уснетъ спокойно, пока не узнаетъ, что дѣлается кругомъ Черныхъ Лозъ.

Едва они скрылись изъ виду, какъ въ лѣсу послышался говоръ. Показалось въ лѣсной синевѣ трое верховыхъ. Бараньи шапки и тулупы не отличали ихъ отъ ловчихъ Прокла Прокловича, одѣтыхъ въ такую же простую одежду. Но поверхъ тулуповъ сверкали оправленныя въ серебро рукояти сабель, за поясомъ также свѣтились въ серебрѣ пистолеты; наконецъ привѣшенныя къ сѣдламъ ружья своей богатой оправой давали знать, что всадники — не изъ воеводскихъ осадныхъ людей, которые вооружены были если не плохо, то убого; ружей съ собою возить не умѣли; стрѣляли изъ нихъ только сквозь крѣпостной тынъ, или въ пѣшемъ строю, при помощи сошки. Усы, нависшіе надъ бритыми, но давно запущенными, подбородками показывали всего яснѣе, что это люди не изъ московской рати. Висѣвшіе изъ-подъ шапокъ чубы обнаруживали въ нихъ Запорожцевъ.

— Гей, панове братці! говоритъ передній, пробираясь между деревьями по слѣдамъ, оставленнымъ ловчими Прокла Прокловича. — Я вамъ и прежде говорилъ, что это охотники. Теперь смотрите сами: вотъ они останавливались. Вотъ и снѣгъ протаялъ подъ свѣжею охотничею добычею, и кровь на снѣгу. — Ну, не вдавайтесь же въ тугу: доберемся по этому слѣду до какого-нибудь жилья.

— Ой, пане Овра́ме! сказалъ одинъ изъ его спутниковъ, — видно тебѣ снѣгомъ глаза залѣпило: — посмотри поперекъ пѣшихъ слѣдовъ — конные слѣды!

— А справди! сказалъ панъ Оврамъ. — Да се жъ наши!...

Ну, стойте жъ, братці! Зробімо раду: по которымъ слѣдамъ намъ ѣхать.

— А вже жъ по конскимъ! сказалъ одинъ изъ его спутниковъ.

— Якого чорта? возразилъ другой. Теперь наши братчики скитаются по лѣсамъ такіе жъ голодные, какъ и мы. Не дала проклятая погоня промыслить корму и охотою. И чего было кидаться опрометью? Успѣлибъ захватить по дорогѣ изъ возовъ харчи. Возы какъ нарочно покинуты были на перепутьи. Можно былобъ всего набрать да тогда и уходить спокойно. Москаль не татаринъ: пока догонитъ, то добрый козакъ успѣетъ заколоть, обсмалить кабана, надрать шкурокъ и поснідать.

— Тимъ-то и обсмалено тебе, Гáврикъ! замѣтилъ насмѣшливо отаманъ, указывая на обгорѣлый усъ товарища.—Ну, такъ по охотныцькимъ слідамъ, чи що?

— Видно, що такъ, отвѣчали въ одно слово козаки.

Отаманъ смотрѣлъ на нихъ съ усмѣшкою.

— Ну, сказалъ онъ, — а если жъ эти слѣды приведутъ въ западню? Мы теперь совсѣмъ тощіе—не подужаемъ и по одной московской бородѣ. Кони наши тоже тощіе—не уйдутъ и отъ пѣшаго. Да куда и уходить? Слава Богу, что обманули погоню. Лучше братцы поѣдемъ по битой дорогѣ прорѣдью.

— А я бы сказалъ Гаврикъ, догналъ скорѣе охотниковъ и отнялъ добичу.—Славный былъ бы обѣдъ.

— Дожени! сказалъ отаманъ.—И такъ на силу выбились изъ гущины, а въ ту сторону бачишь яка нéтра! Поѣдемъ по битому шляху, догонимъ своихъ. Тогда насъ будетъ пятеро. Коли встрѣтимъ купца, то однимъ гикомъ налякаемъ, отгонимъ провожатыхъ отъ саней, и наберемъ харчей сколько вынесутъ кони, а не то случится застрѣлить хоть якого птаха, искрошивши пулю!

— Лабо панъ атаманъ говоритъ, сказалъ Гаврикъ,— да не

такъ то догнать комонниковъ. Богъ знаетъ, гдѣ они до сихъ поръ очутились.

— Такъ засыпало жъ бы слѣды съ самыхъ вѣтокъ! сказалъ отаманъ,—когда бъ они давно проѣхали.

— Отто правда, то правда! подхватилъ третій.—Отто атаманское слово!

— Ну, сказалъ отаманъ, оправляя возлѣ себѣ оружіе,—кони наши еще двинутся!... Ги, гу!

Это дикое восклицаніе произвело на усталыхъ лошадей удивительное дѣйствіе: встрепенулись они, какъ испуганныя птицы, и трое козаковъ помчались одинъ за другимъ по лѣсной прорѣди.

— Я чую носомъ, кричалъ оглянувшись отаманъ,—что наши близко.

— Добре, батьку, говоришь! Сказалъ ближайшій къ нему козакъ. Справді кони забираютъ подъ ноги снѣгъ, какъ лопатою: чуютъ близкое стойло.

— Да таки справді близкое! прибавилъ третій:— долго такъ не погоните. Придется, можетъ, и въ поводу вести, або зовсімъ стать.

Однако жъ размахивалъ рукою, точно подстреленная птица здоровымъ криломъ, и кричалъ по примѣру переднихъ: ги, гу!

— Ну, сказалъ передній,—коли мы сей часъ не наскачемъ на козаковъ, то я вамъ не отаманъ.

— Братці! вскричалъ второй:— дымъ пахне! дымомъ по вытру тягне!

— То-то и есть! сказалъ отаманъ.—Ги, гу! ги, гу!

Кони понеслись шибче прежняго, и скоро передъ вершниками показался косой столбъ дыму.

Двое разсѣдланныхъ лошадей, стоя одна противъ другой, рыли копытами снѣгъ, добываясь до сухой травы, служившей

имъ теперь единственнымъ кормомъ. Козаки повалили у пылающаго костра молодую сосну и, содравши съ нея кору, скоблили саблями сладкую заболонь и жадно ее глотали. Вдругъ слышатъ вдали: *пугу! пугу!* Какъ ни обрадовалъ ихъ этотъ крикъ, возвѣщающій приближеніе товарищей, но они не прервали своего занятія. Голодъ очевидно пожиралъ ихъ. Они отвѣчали только обычнымъ отзывомъ: *Козаки зъ Лугу!* и продолжали свой жалкій обѣдъ.

— Ваши головы [2]! весело говорили имъ наскакавшіе козаки.

— Эге, панове! отвѣчали тѣ,—теперъ не жаль бы и головье за кусокъ хлѣба. Пускайте коней на пашу, а самыхъ просимъ до куреня: тутъ всего въ волю есть, и *сырно*, есть и *стябло*, [3] а снѣгу—по горло!

— Не гараздъ, брачики, мы зробили, що стояли въ полі; лучше було бы убраться зъ отаманьемъ, поки москалі не насунули. Теперь чортъ знае, куда й іхать, де ихъ и найти. Край опустѣлъ, все прячется больше прежняго. Прежде по крайней мѣрѣ не боялись обзываться за *природнаго осударя*,— какъ метлой мели мы Годуновцевъ передъ собою; а теперь ни тотъ ни другой не одолѣваетъ, надъ головой у бѣдныхъ поселянъ разомъ два меча виситъ.

Такъ говорилъ отаманъ, разсѣдлывая своего коня. Другіе также спѣшили облегчить измученныхъ животныхъ.

— Да куда жъ наша сила потянула? сказалъ одинъ изъ козаковъ.— Не съ Самозванцемъ же они бѣжали. Когда бѣжать съ нимъ, то съ нимъ бы и стояли; а то—наче гедзь [4] имъ

---

[2]) Это значило: имѣемъ честь кланяться.

[3]) *Сырно* трапезный столъ. *Стябло*—родъ блюда для рыбы или чего другаго.

[4]) Особенный оводъ, котораго боится скотъ.

задзижчавъ підъ носомъ—метнулись и очистили поле въ самую важную минуту. Наробилы сорому.

— Соромъ не соромъ, отвѣчалъ отаманъ,—а добыча изъ рукъ ускользнула. Хвалились носить парчевыя жупаны съ московскихъ бояръ, а придется вернуться домой въ сермягахъ.

— Да какою жъ дорогою они направились? Видно путивльскими сакомками, вовчимъ слідомъ? сказалъ козакъ Гаврикъ.—Чи не повернуть бы намъ, братчики, въ ту сторону?

— Нехай же выберутъ товарищи тебе атаманомъ, сказалъ Оврамъ съ неудовольствіемъ.—Чи знаешь, дурню, що вліво сврізь идуть нетри да болота. Тамъ есть такіе затоны, що хиба такій легкодухъ, якъ ты, пане Гаврику, проберется сухо. Вотъ лучше сруби намъ шаблюкою сосну на обѣдъ, чѣмъ разсуждать объ атоманскомъ дѣлѣ.

— А чи правда, пане отамане, обратился одинъ изъ козаковъ къ сѣдоусому,— что здѣсь посреди неприступныхъ болотъ есть какое-то царство?

— Есть, отвѣчалъ положительно отаманъ.—Тутъ середъ затоновъ сидитъ недоступный царь, древній, предревній старецъ.

— Чью жъ онъ сторону держитъ?

— Ничью. Онъ всѣхъ называетъ блазнями; война у него—дѣтская блажь. Древній человѣкъ заболотній царь. Нѣтъ ему ровесника во всемъ свѣтѣ. Отъ старости пустилъ онъ корни въ землю....

— Ого-го! сказали козаки, дивуясь необычайной древности Заболотняго царя!—Такъ онъ и на коня уже не садится?

— Говорю вамъ—въ землю корни пустилъ! Стоитъ какъ коренастный дубъ посреди своето царства и вѣку, говорятъ, ему не будетъ.

Дивовались козаки словамъ отамана, но голодъ подавлялъ въ нихъ любопытство.

Между тѣмъ костеръ, разложенный у корней старой сосны разгорался ярче и ярче. Огонь обвилъ уже смолистый стволъ развѣсистаго дерева, дымъ наполнялъ промежутки зеленаго навѣса. Вѣтерокъ стихнулъ. Сосна дымилась прямымъ столбомъ, какъ башня.

— Незнать що отсе вы зробили братці! сказалъ атаманъ: но— хлопъяги розложили огонь. Того и гляди, наѣдутъ сѣверяки на дымъ и заберуть насъ къ воеводѣ.

— Пускай попробуютъ! отозвались козаки по привычкѣ и тутъ же начали жаловаться на голодъ.

— Братці! сказалъ одинъ,—знаете щó я думаю? Чи не завелись у мене въ животі раки? Такъ щипле, наче кліщами поміжъ хляками!

— Эге, сказалъ отаманъ:—видно, що Левкó Корбачъ не пивъ воды дунайськои! Не козацьке діло кволиться на живітъ.—Гляди дитину приведешъ, нарóбишъ сорому своему милостивому, природному осударю.

— А въ его усъ не такъ-то росте! сказалъ одинъ козакъ другому въ полъ-голоса, но такъ, что всѣ слышали;—у відёмъ бувае красчій.... Чи не баба справді нашъ Левкó?

— Ось иды сюди, прудиусе! сказалъ съ наружнымъ хладнокровіемъ Левко Корбачъ:— я тобі покажу, хто зъ насъ баба.

И сдѣлалъ саблей на воздухѣ знакъ креста.

— Справді попробуемъ шабель! отвѣчалъ тотъ тоже очень спокойно и, перекрестивъ также воздухъ, подошелъ къ обиженному козаку.

Отаманъ и остальные два козаки смотрѣли спокойно на эту ссору.

— Я давно говорилъ Карпу Постовику: »Эй Карпо друже! не распускай языка дуже. Будешъ ты міжъ козацтвомъ языкъ роспускати, будуть тобі козаки-молодці уши обтинати». Я вижу,

что Левко одолѣетъ. Бачте якъ вінъ повагомъ мухъ одганяе.

Отгонять мухъ значило у запорожцевъ отражать удары.

— Отъ же скоро насяде вінъ на Карпа Постовика, продолжалъ отаманъ.

Козаки приняли сторону Карпа Постовика.

— Эй, Карпо, не подавайся безусому!

— Цитте! сказалъ грозно отаманъ: — развѣ это кулачники? Можетъ, иному придется наложить головою? Видите, у обоихъ разгорѣлись очи, какъ у котовъ на тыну? Завзятый народъ.... Жаль такого народу.

И вдругъ онъ подбѣжалъ къ поединщикамъ и сильнымъ ударомъ отбилъ ихъ сабли въ разныя стороны.

— Годі! вскричалъ онъ, стоя между ними.— Оба добрые молодцы! годі! Левко, ты показацки за свою честь вступился. Карпо, ты вышелъ на бой порыцарски. Козакамъ жаль вашего здоровья,—годі! Подайте другъ другу руку.

Соперники сверкали глазами, но то было раздраженіе внѣшнее. Слова отамана совершенно ихъ примирили. Они подали другъ другу руку и, смѣясь, обратились къ своему обѣду.

— Глянь, братъ Левко! сказалъ усатый Карпо Постовикъ:— теперъ соснина наче посолодшала!

— Что й хотіти! отвѣчалъ тотъ:—и дешево, и смачно!

Слухайте, слухайте! сказалъ отаманъ.

Козаки остановивши свою работу и умолкли.

— Чуете? спросилъ онъ, поднявъ руку надъ ухомъ.

Ничего не было слышно, кромѣ треску огня, обвивавшаго сосну до верхнихъ вѣтвей.

— Чуете? спросилъ отаманъ.

Козаки ничего не слышали.

— Приляжте который до земли!

Левко Корбачъ разгребъ ногами снѣгъ и приложилъ къ землѣ ухо.

— Коні! вскричалъ онъ, вскакивая съ мѣста,—не меньше десятка и ѣдутъ доброю рысью.

— А годи трапезовать! сказалъ отаманъ, и козаки съ необыкновеннымъ проворствомъ осѣдлали и взнуздали своихъ лошадей.

Вдругъ изза дерева раздалось: *пугу! пугу!* и передъ ними показался Запорожецъ на добромъ конѣ, вооруженный съ головы до ногъ, въ чистомъ, не заношенномъ еще тулупѣ. Онъ снялъ шапку и низко опустилъ ее въ знакъ поклона, но тотъ часъ повернулъ коня и ускакалъ обратно по дорогѣ.

— Слава тебѣ, Господи! говорили крестясь козаки—опять дали свободу лошадямъ.

— Кто жъ бы это? говорилъ въ раздумьи отаманъ, и вонъ откуда отъ Новгородка! Ужъ не съ Низу ли новая сила? Дай Богъ, чтобъ это былъ Бурлій съ Незаймайловпами! Пора бы имъ и подоспѣть. Обѣщали притягнуть подъ Черниговъ, а до сихъ поръ нема!

— Намъ-то добре пане отамане, сказалъ Карпо Постовикъ,—а Бурлій съ Незаймайловцами ухопить шиломъ патоки.

— Еще Богъ знаетъ, на что его потуга пригодится.

— Что жъ, развѣ къ Годунову наняться противъ ляховъ? Теперь война завяжется, какъ ни хитри паны. Надѣлали кутерьмы въ Московщинѣ. Даромъ это не пройдетъ Полякамъ!

— Погоди, голубе! еще не похоронили Сѣверяки природнаго своего государя. Еще онъ воплыветъ на верхъ.

— Куда ему къ чорту! Я самъ видѣлъ, на какомъ конѣ улепётывалъ онъ отъ Добрыничъ. Конь подбитъ, а заплечами нависли Москали. Мы его обогнали, и никто не перемѣнилъ ему коня. Погоня была жаркая. До сихъ поръ Грицько уже въ Мо-

скву въѣзжаетъ, коли остался живъ. То-то розговины будутъ батюшкѣ Борису! До сихъ поръ онъ всё постилъ да молебны правилъ.

Ближе и ближе слышался глухой конскій топотъ.... Гаврикъ, исполнясь радостнаго духа, затянулъ пѣсню:

Ой гукъ, мати гукъ!
То козаки йдуть,—
Счастливая доріженька,
Куди вони йдуть...-

Въ глубинѣ лѣса послышалось продолженіе пѣсни ревущимъ хоромъ:

Куди вони йдуть,
Тамъ бори гудуть,
Передъ себе вражихъ ляхівъ
Облавою пруть!

— Ого, братці! сказалъ отаманъ:— сі не закляли съ голоду!... Чую, чую трапезу! не журітесь!

Гаврикъ, въ качествѣ привиллегированнаго весельчака, подбоченился и затопалъ по женски, припѣвая искуственнымъ голосомъ:

Ой мала я журитися.—
Нехай на петрівку!

А на дорогѣ между тѣмъ показался отрядъ козаковъ, ѣхавшихъ по парно. Ихъ длинные списы съ цвѣтными прапорцами чернѣли и сверкали на бѣлой лѣсной глубинѣ, прорѣзанной поррачной синевою. Не видно было и конца вереницѣ всадниковъ, растянувшихся по извилистой лѣсной прорѣди. Они сперва проявились въ туманѣ лѣсной глубины и сами казались прозрачными видѣніями; но скоро передніе ряды вырисовались яснѣе; послышался стукъ и хряскъ оружія; ярче и ярче отдѣлялись отъ бѣлыхъ пушистыхъ деревъ разноцвѣтные прапорцы. Козаки ѣха-

ли тихою рысью, и каждое мгновеніе оживляло картину. Впереди виденъ былъ сѣдой отаманъ. Всѣхъ онъ превосходилъ и величиной коня и собственнымъ дородствомъ. Два бѣлые уса торчали въ разныя стороны, какъ двѣ блестящія косы. Смуглое багровое лицо его издали казалось свирѣпымъ, но когда онъ приблизился къ нашимъ козакамъ на разстояніе, позволявшее различить ясно глаза, осѣненные висячими густыми вѣками, то господствующимъ его выраженіемъ сдѣлалась глубокая задумчивость. Онъ держалъ голову нѣсколько внизъ, отъ чего глаза его свѣтились сквозь бѣлыя брови, какъ огни сквозь лѣсную чащу. Важнымъ спокойствіемъ отличалась его объемистая фигура отъ другихъ козаковъ. Движенья его выражали гордое сознаніе, что на него устремлены глаза всего хоробраго товариства. Онъ повторилъ въ половину своего голоса, рокочущаго, какъ труба, отвѣтныя слова пѣсни, а козаки загремѣли опять вѣрные своему смыслу стихи:

Куди вони йдуть,
Тамъ бори гудуть....

И въ самомъ дѣлѣ кругомъ шелъ гулъ по безлюдной лѣсной пустынѣ.

Возвеселились сердца голодовавшихъ козаковъ. Они вышли на встрѣчу Запорожцамъ, предводимые своимъ отаманомъ и стояли позади его молча и не снимая шапокъ. Съ другой стороны также молча и неподвижно сидѣли на коняхъ козаки. Только предводители розмѣнялись шапочными поклонами и обычными выраженіями встрѣчи. Тогда начался между отаманами разговоръ.

— Панъ Харло́ Дожени́— Каторга! сказалъ пѣшій отаманъ.

— Панъ Оврамъ Тупу—Тупу—Табунъ! отвѣчалъ ему конный.

Это было выраженіе взаимнаго знакомства.

— Оттакъ! сказалъ Харло Дожени— Каторга:—»летівъ воронъ съ чужихъ сторонъ»!

И этимъ стихомъ изъ пѣсни далъ понять, что съ перваго взгляда догадался, въ какомъ положеніи встрѣтилъ козаковъ.

— Шарахнули, добродію, отвѣчалъ тотъ,— якъ горобці съ проса!

— Що жъ? упустили слідъ якъ тупицею?

То есть не напрасно ли мы пришли на помощь.

— Надвое баба ворожила, отвѣчалъ Оврамъ, Тупу-Тупу-Табунъ.

Конный отаманъ совершенно этимъ удовлетворился и сдѣлалъ рукой на воздухѣ условный знакъ. По всему длинному ряду загремѣла буря; козаки слѣзли съ коней. Джура подъѣхалъ къ *батьку*, какъ величалъ онъ пана отамана, и взялъ подъ уздцы его коня. Бодро спрыгнулъ съ сѣдла старикъ, бросилъ поводья и обнялся съ другимъ отаманомъ, котораго спутники бросились въ ряды пріѣхавшаго отряда, отыскивая знакомыхъ и пріятелей. Ихъ засыпали вопросами, они съ своей стороны разспрашивали пріѣзжихъ, но никто изъ нихъ не заговорилъ о голодѣ, который они терпятъ.

— Просимъ, пане добродію, на трапезу, сказалъ между тѣмъ атаманъ Оврамъ атаману Дожени Каторгѣ и съ важностью подвелъ его къ пылающему костру.

Тотъ посмотрѣлъ на ободранныя деревья и сказалъ только:

— Оттакъ попри зъ обозу!

Это значило разбили васъ на голову.

— Черезъ дурный нашъ розумъ, пане Харло! отвѣчалъ Оврамъ.— Стояли козаки въ засадѣ подъ селомъ Добриничами и издали подстерегли, що квартою гостей не отбудешъ. А мы, самъ знаешь, пришли не дорогу мостить Дмитрику своими головами. Есть у насъ за что класть головы. Мы привыкли однимъ лякомъ одолѣвать москаля. Рушили наши заздалегідь. А мы того и не знаемъ. Мы чатовали кругомъ по байракамъ. Выскочили на горбокъ, а мимо насъ и Ляхъ и Литвинъ и мо-

сковскія бороды рынуть. Дмитрикъ саблею машетъ, впереди знамени—не слушаютъ. А тутъ и самому жарко. Коня подбили, Пошкандыбавъ бідолаха слѣдомъ за своими. Мы—нечего дѣлать и себѣ по татарски въ ростычъ. За нами погоня.... Вотъ и загнали чортъ знаетъ въ какія нетры.

П. Кулишъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

— ОТВѢТЪ г. Падалицѣ.*) Въ Октябрской книжкѣ „Основы“ въ отвѣтѣ своемъ г Антоновичу, г. Падалица сравниваетъ Кіевскую Археографическую Коммиссію съ садомъ, изъ котораго выносятъ однѣ кислицы, хотя въ немъ есть хорошія, сладкія яблоки.— Гдѣ-же они, Г. Падалица? Не угодно ли указать вамъ ихъ. Вѣдь я просилъ объ этомъ печатно,**) принимая на себя обязательство давать мѣсто въ нашихъ изданіяхъ всякому акту, намъ указанному или доставленному и могущему свидѣтельствовать въ пользу польскаго здѣсь начала.— За тѣмъ я предложилъ здѣшнему польскому дворянству дать коммиссіи средства имѣть особаго редактора изъ поляковъ, по собственному выбору дворянъ, и исходатайствовалъ у главнаго здѣшняго начальства согласіе на эту мѣру. Когда Г. Грабовскій привезъ ко мнѣ избранное къ тому лице, я тутъ-же объявилъ этому лицу, что его историческія изысканія должны будутъ имѣть въ виду, исключительно, польскіе интересы. Наконецъ, я не разъ заявлялъ лично многимъ представителямъ дворянства здѣшнихъ губерній, что всѣ акты, собранные ихъ редакторомъ, будутъ издаваемы коммиссіею вмѣстѣ, безъ всякихъ пропусковъ, или-же, въ случаѣ препятствія тому какихъ-бы то ни было обстоятельствъ, я немедленно сложу съ

(*) Отвѣтъ этотъ былъ написанъ своевременно и отправленъ для напечатанія въ газету «День» еще въ Февралѣ мѣсяцѣ. Но Редакція этой газеты не помѣстила его у себя, по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ. А какъ этотъ отвѣтъ заключалъ въ себѣ категорическое опроверженіе взводимыхъ г. Падалицей на здѣшнюю Археографическую Коммиссію обвинененій, то я не могу отказаться отъ его опубликованія, хотя онъ и лишенъ уже, быть можетъ, вполнѣ современнаго интереса.

(**) См. мое предисловіе ко 2-му т. Архива Юго-западной Россіи.

себя званіе председателя коммисіи. Главный деятель ея г. Иванишевъ, съ своей стороны, искренно содействовалъ осуществленію предложенной мною меры и, во время прошлыхъ дворянскихъ выборовъ, по приглашенію местнаго губернскаго предводителя, былъ составителемъ самаго проэкта оной, который, съ некоторыми измененіями въ окончательной редакціи, былъ одобренъ дворянствомъ Кіевской губерніи и представленъ на утвержденіе местному начальству; но какъ губерніи Подольская и Волынская не согласились принять участіе въ денежныхъ на этотъ предметъ расходахъ, (*) то означенный проэктъ и остался до сихъ поръ безъ последствій. По какой причине не последовало по этому предмету общаго соглашенія —мы не знаемъ, но позволяемъ себе спросить: не вследствіе ли добытыхъ здесь или въ Вильне справокъ, показавшихъ, что въ архивныхъ садахъ этого края, кроме кислицъ, никакихъ другихъ фруктовъ не существуетъ? После всего этого, что-же намъ делать, г. Падалица? Куда прикажете намъ деваться съ накопившимися у насъ запасами не только кислицъ, но и такихъ фруктовъ, которые гораздо еще хуже ихъ,— отвратительно горькихъ, какихъ никогда не производила другая славянская почва? У насъ, напримеръ, набралось уже на целый томъ актовъ панскихъ судовъ надъ хлопами, которые свидетельствуютъ, какъ паны, своею державною властью, казнили своихъ крестьянъ смертью, четвертовали ихъ и, потомъ, части разсеченныхъ труповъ разсылали по другимъ своимъ деревнямъ, въ примеръ имъ и назидавіе. Не мы насадили эту мерзость, а ваши предки, г. Падалица, а потому извините, если мы и такими архивными фруктами васъ попотчуемъ.

М. Юзефовичъ.

— ЗАМЕТКА О ПРОЕКТЕ КСЕНДЗА ІЕЗУИТА, напечатанномъ въ №17 Дня. *(Смот. отд. I, н. к. № 2 примѣч. Редак.)* Нельзя не порадоваться, что знаменитый проектъ объ уничтоженіи въ западномъ крае всего, что только было русскаго и православнаго въ уніи и вне уніи, получаетъ нако-

---

(*) На содержаніе польскаго редактора, трехъ его помощниковъ, и на усиленіе средствъ Коммиссіи, по расходамъ печатанія, такъ какъ нынешнія ея средства едва достаточны для напечатанія одного тома въ годъ.

мецъ надлежащую извѣстность. Для специалистовъ этотъ памятникъ, конечно, не новость. Еще Бантышъ-Каменскій разсказалъ сущность изложеннаго въ немъ дѣла и замѣтилъ, что, по свидѣтельству преосв. Георгія Конисскаго, проектъ этотъ былъ напечатанъ, распространенъ и предложенъ на сеймѣ послѣднихъ осьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія. (Истор. объ уніи Бант. Кам. стр. 417 текстъ и примѣч.) Печатный экземпляръ этого проекта доставленъ былъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Археографическую Коммиссію изъ Львовскаго митрополичьяго архива съ извѣстіемъ, что подобные экземпляры есть и въ другихъ мѣстахъ и что самый проектъ составленъ въ 1717 году. Археографическая Коммиссія и издала его въ подлинникѣ, т. е. на польскомъ языкѣ въ 1849 году въ Supplementum ad historica Russiæ monumenta (№ 81), съ указаніемъ откуда онъ взятъ и что объ немъ упоминаетъ Бант. Каменскій. Само собою разумѣется, что и это изданіе и указаніе на этотъ проектъ Бантышъ-Каменскаго могли быть извѣстны очень немногимъ. Правда, этотъ памятникъ былъ изданъ и на русскомъ языкѣ, если не ошибаемся въ 1860 году, и теперь получаетъ извѣстность; даже та странность, что онъ сообщенъ въ редакцію Дня, какъ неизвѣстный памятникъ, прибавляетъ новый фактъ къ его исторіи, именно теперь оказывается, что этотъ памятникъ былъ не только у Георгія Конисскаго (т. е. въ могилевской области), который передалъ объ немъ свѣдѣнія Бантышъ-Каменскому, не только находился во многихъ мѣстахъ Галиціи, въ прошедшихъ сороковыхъ годахъ, но находится и теперь въ Витебскѣ, потому что мы никакъ не думаемъ, чтобы онъ тамъ былъ переведенъ изъ Supplem. ad hist. Russ. Monument. Всѣ эти обстоятельства, которыя большею частію не имѣютъ между собой никакой связи, важны потому особенно, что до сихъ поръ нельзя открыть, кто именно написалъ этотъ проэктъ, кто распространялъ, предлагалъ на сеймъ, когда именно и на чемъ порѣшилъ польскій сеймъ, которому онъ былъ предложенъ,— по крайней мѣрѣ я до сихъ поръ никакъ не могу открыть этого. Но я, въ моихъ безплодныхъ поискахъ этого дѣла, давно уже вознаграждаюсь такого рода открытіями, которыя, какъ надѣюсь, признаютъ и читатели, важнѣе самыхъ точныхъ извѣстій о происхожденіи и сеймовой судьбѣ проэкта. Я даже боюсь, чтобы эти открытія не примирили меня и другихъ съ подобною неизвѣстностію этого памятника. У меня теперь подъ руками цѣлый рядъ свидѣтельствъ о

томъ, что основная мысль этого памятника — уничтоженіе чрезъ унію и въ уніи всего русскаго и православнаго, занимала польское общество и осуществлялась на дѣлѣ не только въ началѣ XVIII столѣтія, когда, по изданію Коммиссіи, составленъ проэктъ, но на пространствѣ очень многихъ лѣтъ съ половины XVII столѣтія и почти до конца XVIII. Подѣлюсь теперь только самою малою частицею этихъ свидѣтельствъ. Считаю не лишнимъ оговориться напередъ, что мои свидѣтельства—всѣ изъ хранящагося при Святѣйшемъ Сѵнодѣ архива уніатскихъ митрополитовъ, которые, безъ сомнѣнія, не имѣли побужденій составлять и хранить для своего руководства подложные документы подлинные, и ихъ списки. Важно тутъ еще и то обстоятельство, что эти свидѣтельства—въ цѣльныхъ книгахъ съ ясными признаками давней домашней сшивки и обклейки.

Надобно замѣтить, что XVII вѣкъ и даже послѣдняя половина XVI очень богаты были въ Польшѣ разными планами уничтоженія. Геній ли Баторія развилъ въ Польшѣ эту страсть, или иные меньшіе геніи, или великіе геніи зла—іезуиты, или всѣ они вмѣстѣ, въ связи съ исторіею Польши, не берусь теперь рѣшать этого вопроса, но несомнѣнно, что плановъ уничтоженія тогда было очень много. Самостоятельность Литвы, Россіи, Швеціи, опять Россіи, существованіе прусскихъ и литовскихъ протестантовъ, западно-русскихъ православныхъ, въ особенности козаковъ попеременно составляли предметъ такихъ проэктовъ, дѣлавшихся общеизвѣстными, распространенными черезъ печать. Дошла очередь и до уніятовъ, и тѣмъ скорѣе и легче, что, какъ я имѣлъ случай показывать въ моихъ изслѣдованіяхъ о литовской церковной уніи, мысль лежала въ самой основѣ уніи, и унія больше всѣхъ другихъ предметовъ уничтоженія, могла быть доступна для этой варварской операціи. И что еще замѣчательно: чѣмъ болѣе унія распространялась, чѣмъ болѣе захватывала душъ православныхъ, тѣмъ рѣзче и настойчивѣе выдвигался впередъ этотъ планъ, тѣмъ серьезнѣе становился въ глазахъ польскаго общества. Это потому, что чѣмъ больше становилось уніятовъ и меньше православныхъ, тѣмъ больше, крупнѣе чувствовалось въ уніи присутствіе русскихъ и православныхъ элементовъ, не смотря на всю ея податливость латинству.

(Окончаніе впредь).

— СЛОВО*) КЪ ВРЕМЕННО-ОБЯЗАННЫМЪ КРЕСТЬЯНАМЪ.

Наше изданіе, между прочимъ, вмѣнило себѣ въ обязанность дѣлиться съ публикою всякимъ замѣчательнымъ явленіемъ, подмѣченнымъ въ югозападной и западной Россіи, не стѣсняясь въ стремленіи къ этой цѣли ни границами нашей отчизны, ни даже характеромъ явленія.

Предлагаемое здѣсь церковное поученіе къ простому народу и есть одно изъ такихъ явленій, котораго не могло не подмѣтить наше изданіе и мимо котораго оно не могло пройдти молча,— тѣмъ болѣе, что это поученіе заключено въ тѣсныхъ предѣлахъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей;" тогда какъ содержаніе его и цѣль, для которой оно предназначено, дѣлаютъ его явленіемъ, которое можетъ и должно имѣть интересъ далеко шире предѣловъ малой епархіи и можетъ имѣть благодѣтельное, примѣненіе къ современнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ временно-обязанныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ всей Россіи.

Само собою разумѣется, что учитель церковный обязанъ изъяснить тѣ частности, устранить тѣ несогласія, которыя подмѣтитъ онъ между своими прихожанами, и которыя не могли быть уяснены и устранены въ предлагаемомъ поученіи, писанномъ для всѣхъ. *Редак.*

Господи! посли намъ свѣтъ твой и истину твою; посли и мнѣ, недостойному пастырю, чтобъ я сказалъ паствѣ моей — духовнымъ чадамъ моимъ одну святую правду, не примѣшивая никакой лжи; посли и имъ, чтобы они уразумѣли истину, повѣрили ей всѣмъ сердцемъ и не подумали, будто что нибудь хочу я утаить отъ нихъ.

Съ такою молитвою, въ присутствіи Божіи, предъ престоломъ Господа нашего Іисуса Христа хочу бесѣдовать съ вами, братія, о великомъ дѣлѣ, нынѣ у насъ совершающемся.

---

*) Предложеніемъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита, даннымъ кіевской духовной консисторіи 17-го минувшаго мая, вмѣнено въ обязанность приходскимъ священникамъ кіевской епархіи, чтобы они особенно въ тѣхъ селахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ еще не составлены Уставныя Грамоты, или отъ неблагонамѣренныхъ толковъ замѣчается въ народѣ нѣкоторое волненіе, угрожающее гибельными для него самаго послѣдствіями, часто въ церквахъ предъ народнымъ собраніемъ прочитывали это слово и, примѣняясь къ его смыслу, сопровождали оное и своими пастырскими увѣщаніями въ томъ же духѣ и направленіи.

Вы знаете какой великій даръ ниспослалъ вамъ Господь, чрезъ возлюбленнаго помазанника своего Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,— даръ, который называете вы *волею*, или свободою: сей-то даръ, по волѣ Всемилостивѣйшаго Государя нашего, нынѣ благоустрояется въ васъ и утверждается навсегда.

Скажу вамъ истину, что благоустроеніе этой свободы много зависитъ отъ васъ самихъ. Вы сами должны постараться упрочить и улучшить свое состояніе средствами законными, какія, то есть, согласны съ закономъ Божіимъ и законами гражданскими. Только законное твердо и благословенно Богомъ, а незаконное нетвердо, неполезно и достойно гнѣва Божія. И вотъ послушайте, что согласно съ свободою законною, и что несогласно.

Согласно съ нею то, если пользуемся мы нашею собственностью, какую пріобрѣли законно, т. е. или своими трудами честными или по наслѣдству; но никакъ не согласно, когда будемъ посягать на чужую собственность, захотимъ пользоваться ею, не имѣя соизволенія на то отъ законнаго владѣтеля. Всѣмъ извѣстно, что такое присвоеніе чужаго совершенно противно 8-й заповѣди Божіей, которая говоритъ: *не укради*, т. е. не отнимай у другаго, что ему принадлежитъ. Извѣстно и то, что десятая заповѣдь запрещаетъ даже желать чужаго: *не желай*, говоритъ она, не только *жены ближняго твоего*, но и *села* (т. е. поля) *его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего*. Послѣ сего судите сами, разумно ли, справедливо ли думаютъ нѣкоторые, будто земля, принадлежащая помѣщикамъ, имъ доставшаяся по наслѣдству, или ими самими купленная и закономъ утвержденная, должна принадлежать не владѣтелямъ, а крестьянамъ? По какому праву кто либо другой сталъ бы пользоваться ею безъ всякаго вознагражденія и безъ соглашенія съ ними, законными владѣтелями? Такого права не имѣли и древніе, когда земля еще не была такъ разграничена и опредѣлена какъ нынѣ. Не давалъ его Господь Богъ самому Аврааму, великому патріарху, которому обѣщано великое наслѣдіе на землѣ. Ибо Писаніе говоритъ, что когда Богъ призвалъ Авраама въ землю ханаанскую, то *не даде ему наслѣдія въ ней, ниже стопы ногу* (Дѣян. 7, 5). Потому праведникъ долженъ былъ покупать землю даже для погребенія умершей жены своей Сарры. Писаніе сохранило и количество цѣны, ка-

кую уплатилъ св. патріархъ за эту землю: *и даде*, сказано, *Авраамъ Ефрону*, владѣтелю земли, сребро—*четыреста дидрахмъ* (*) *сребра искуплена купцами* (Быт. 23, 16). Писаніе упоминаетъ еще о другой цѣнѣ, какую патріархъ Іаковъ уплатилъ за мѣсто въ тойже землѣ ханаанской, чтобы поселить на немъ свое семейство: *и купи* Іаковъ, написано въ священной книгѣ, *часть села, идѣже постави кущу свою тамо, у Еммора, отца Сихемля, стома агнцы* (—33, 18). Такъ святые патріархи, довольствуясь тѣмъ, чѣмъ Господь благословлялъ ихъ собственные труды, уважали собственность и ханаанскихъ жителей,—людей нечестивыхъ, идолопоклонниковъ. За то какъ щедры милости Божіи были къ праведникамъ! Объ Авраамѣ, напр., пришельцѣ на землѣ чужой, сказано: *Господь благослови* Авраама *зѣло, и возвысися; и даде ему овцы и тельцы, сребро и злата, рабы и рабыни и велблюды и ослы* (Быт. 24, 35). Тоже почти пишется о сынѣ его, наслѣдникѣ его имѣній и его добродѣтелей, Исаакѣ: *быша ему скоти овецъ и скоти воловъ и земледѣлія многа* (—26, 14). Подобное читаемъ и о внукѣ Авраамовомъ Іаковѣ (—30, 43): *и разбогатѣ человѣкъ зѣло, зѣло.—Се тако*, скажемъ словами псалмопѣвца, *благословится человѣкъ боящися Господа* (Пс. 127, 5), т. е., тотъ, кто живетъ по закону Божію, уповаетъ на Бога, чужаго не желаетъ, во всемъ честенъ и правдивъ, кто *ходитъ непороченъ и дѣлаетъ правду, глаголетъ истину въ сердцѣ своемъ* (—14, 2).

Имѣйте же, братія мои, всегда въ виду святые примѣры оныхъ древнихъ земледѣльцевъ и скотопитателей любимцевъ Божіихъ. Не желайте безправно возобладать чѣмъ либо чужимъ, а, уповая на Бога, старайтесь сами пріобрѣтать что нужно трудами рукъ своихъ и мирными условіями съ владѣльцами. Подумайте, какая это не только правда, но и милость; что предлагаютъ вамъ пріобрѣсть во всегдашнюю собственность землю извѣстную, близкую къ вамъ, пріобрѣсть законно, т. е., или за труды ваши въ пользу владѣльца, или за умѣренную цѣну, въ уплатѣ которой само правительство готово помочь вамъ. Истинно это милость. Когда въ прежніе годы какой либо владѣлецъ давалъ волю нѣсколькимъ людямъ своимъ: то, хотя не давалъ имъ въ тоже время земли и не продавалъ ее, это почиталось великою милостію. А вамъ, бр., не только дается воля, но и дается земля за умѣренное

(*) Дидрахма, по еврейски шекель, тоже почти что у насъ лотъ.

вознагражденіе. Какъ же это не милость, какъ не благодѣяніе? Подумайте не только о своей пользѣ, но и о пользѣ дѣтей вашихъ, внуковъ и всего потомства вашего. Вы передаете имъ безцѣнное наслѣдство—законную свободу, права гражданскія, а сверхъ того передадите и ваше имущество, какое пріобрѣтете хотя съ трудомъ, но честно, праведно, такъ что никто не посмѣетъ ни васъ, ни наслѣдниковъ вашихъ упрекнуть въ какой нибудь неправдѣ; наслѣдники будутъ благодарны вамъ на вѣки, молиться будутъ за васъ и помнить всегда вашъ трудъ, ваши заботы отеческія, вашъ примѣръ добродѣтельный. И вы можете утѣшать себя тою мыслію, что, послѣдуя вашему примѣру доброму, дѣти ваши и малое, съ правдою пріобрѣтенное и имъ преданное, умножатъ и возрастятъ своими трудами и добрымъ, разумнымъ, употребленіемъ. А отъ сего сколько добра можно ожидать для всего отечества нашего! За то Господь Богъ благословитъ и васъ и потомковъ вашихъ, благословитъ всѣ праведныя стяжанія ваши, и новыя благословенія изліетъ на всю Россію. Словомъ, покажите, что вы благодарны Господу Богу и Его Помазаннику, всемилостивѣйшему Государю, благодарны и послушны начальству и лучше всѣхъ богатствъ цѣните миръ, тишину и благоденствіе любезнаго Отечества.

Братія и други! вамъ предлагаютъ извѣстныя условія въ уставныхъ грамотахъ и предлагаютъ это по соизволенію Самаго Государя, перваго по Богѣ благодѣтеля нашего. Скажу вамъ, по чистой совѣсти, что все это для вашей пользы, никакъ не въ обиду вамъ, не съ лукавствомъ или хитростію. Предлагаютъ вамъ то, что согласно съ положеніями, утвержденными Государемъ Императоромъ. Нельзя, чтобъ тутъ было что обидное или несправедливое, когда это дѣлается въ виду и подъ наблюденіемъ высшаго правительства. Повѣрьте, если хотите, все это съ Положеніями, въ которыхъ изображена вся благая о васъ воля царская. Будьте увѣрены, что великое дѣло крестьянское, какое началось отъ самаго Государя, предъ Его же бдительными очами совершается. Помните Его первое всемилостивѣйшее слово, какое сказалъ Онъ при объявленіи вамъ законной свободы; помните и другое, какое изрекъ Онъ противъ нѣкоторыхъ неразумныхъ людей, ожидающихъ какой-то другой воли; Онъ именно сказалъ, что „никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана“. Это, бр., не чья нибудь выдумка, это царское слово, твердое и неизмѣнное.

Впрочемъ, никто не припуждаетъ васъ, не насилуетъ, а только предлагаютъ вамъ, объясняютъ, совѣтуютъ, какъ собратіямъ, свободнымъ и разумнымъ, чтобы вы, дѣйствуя своимъ, а не чужимъ умомъ, своею доброю волею, перестали колебаться и утвердились въ своемъ состояніи на условіяхъ, составленныхъ согласно съ Положеніями, Высочайше утвержденными. Дѣйствуйте, говорю, своимъ умомъ, а не чужимъ. Не вѣрьте, бр. мои, лживымъ слухамъ, не слушайте людей непосланныхъ къ вамъ отъ правительства, людей неблагонамѣренныхъ или сущихъ невѣждъ. Они только возмущаютъ духъ вашъ, закрываютъ отъ васъ истину. Видно, самъ лукавый духъ, завидуя нашему доброму дѣлу государственному, настраиваетъ такихъ людей, чтобы они давали вамъ совѣты недобрые, внушали надежды пустыя и несбыточныя. Этотъ духъ лукавый хочетъ, чтобъ вы своимъ непослушаніемъ и упрямствомъ прогнѣвали и Бога и Царя — Отца нашего. Сохрани васъ Богъ отъ этой великой бѣды! *Уклонитесь же отъ зла и сотворите благо*, какъ учитъ насъ слово Божіе (Псал. 33, 15); *взыщите мира*, а не вражды,—правды, а не лжи. *Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ; лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ* (—16).

Повторяю, возлюбленные, что все это говорю вамъ предъ Господомъ Богомъ, говорю по іерейской совѣсти, и могу сказать съ Апостоломъ: *се предъ Богомъ не лгу* (Галат. 1, 20). Какая польза мнѣ скрывать отъ васъ правду? Вѣдь съ вами Господь повелѣлъ мнѣ жить, съ вами имѣть всегдашнее общеніе, дѣлить ваши судьбы. Какъ же мнѣ не желать вамъ и себѣ добра; какъ не говорить правды и истины? Я пастырь вашъ, хотя и недостойный. Да сподобитъ меня Господь вашимъ послушаніемъ, вашею довѣренностію ко мнѣ похвалиться и на судѣ Христовомъ праведномъ, и тамъ сказать: *се*, Господи, *азъ и дѣти*, *ихже далъ еси мнѣ*; мы вмѣстѣ жили, вѣровали въ Тебя всѣмъ сердцемъ, служили другъ другу и любили правду и истину. Аминь. (Кіеск. епар. вѣдом.)

— КАКЪ ОПОЛЯЧИВАЛАСЬ И КАТОЛИЧИЛАСЬ РУСЬ?

Историческій очеркъ Карла Шайноха. *(Переводъ съ польскаго).*

Здѣсь раскажемъ мы одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ водворенія на Руси польскаго строя, языка и обычаевъ въ XVI вѣкѣ.

Древняя хелмская страна по р. Бугу принадлежала тогда къ богатѣйшимъ округамъ Червоной Руси, или бывшаго русскаго воеводства. Когда юго-восточныя окраины Червоной Руси, по причинѣ татарскихъ набѣговъ, не были еще населены, а потому населеніе и земледѣліе развивались только на сѣверо-западномъ пограничьѣ къ Польшѣ,—нашъ прибугскій хелмскій край считался однимъ изъ прекраснѣйшихъ округовъ на всемъ пограничьѣ, славился многолюднымъ населеніемъ, необыкновеннымъ плодородіемъ почвы и лучшимъ, можетъ быть, въ цѣлой Польшѣ сельскимъ хозяйствомъ.

Это доказывается между прочимъ сеймиковымъ постановленіемъ хелмской шляхты отъ 1477 года, обстоятельно опредѣлившимъ для цѣлаго края отношенія и обязанности подданныхъ; это—древнѣйшій во всей Польшѣ законодательный памятникъ того рода, до сихъ поръ остававшійся почти въ полномъ забвеніи.

Въ XVI вѣкѣ, въ хелмскомъ краю Червоной Руси древняя вѣра и народные обычаи получили тяжкій уронъ; значительная часть жителей перешла въ р. католичество, и русская церковь лишилась не только своихъ послѣдователей, но и старыхъ поземельныхъ владѣній.

1533 года, октября 20 дня, королевскимъ декретомъ отняты были у хелмскаго владыки Иваська три давнія помѣстья русской епископіи въ Хелмѣ и отданы латинскимъ, хелмскимъ бискупамъ. Въ декретѣ короля Сигизмунда мы читаемъ: „по просьбамъ нѣкоторыхъ благонамѣревныхъ нашихъ подданныхъ, принимая во вниманіе и то, что почти всѣ наши подданные въ хелмскомъ повѣтѣ, особенно знатнѣйшіе изъ рыцарскаго сословія, благодаря Бога,—перешли отъ греческаго или русскаго обряда къ церкви римской..... мы постановили, какъ по указанной причинѣ, такъ и по многимъ другимъ, отобрать у хелмской епископіи селенія Чессинъ и Стшижовичь съ фольваркомъ Скурдеёвымъ, и дѣйствительно отбираемъ ихъ у названной епископіи, и даримъ ихъ хелмскому костелу и бискупству „(разумѣется латинскому).

Теперь мы знаемъ, что случилось въ хелмскомъ краю около 1533 года, нужно еще узнать, какъ это случилось? Мы слыхали о знаменитомъ явленіи ополяченія въ это время коренной русской страны; остановимся теперь на одномъ изъ частныхъ фактовъ этого явленія, обстоятельнѣе извѣстныхъ намъ, и посмотримъ, какъ ополячивалась Русь?

Приведенный нами королевскій декретъ отъ 1533 года,

октября 20-го дня, даетъ знать, что въ его время уже очень значительная часть хелмской шляхты приняла римское вѣроисповѣданіе.

Счастливый случай сохранилъ памятную запись объ одной изъ такихъ новообращенныхъ шляхетскихъ фамилій, описывающую рукою ближайшаго родича любопытную исторію обращенія ея въ католичество, и тѣмъ самымъ очерчивающую одну изъ страницъ исторіи ополяченія Руси. Запись предлагаетъ слѣдующій разсказъ объ ополяченной въ то время фамиліи русской.

Въ хелмскомъ краю былъ древній домъ шляхетскій, герба Корчакъ, чисто русскаго происхожденія (кромѣ принятаго польскаго шляхетства), всею душею преданный русской вѣрѣ, русскому обычаю, русскимъ учрежденіямъ. Члены этой фамиліи отъ наслѣдственнаго помѣстья Верещина, въ окрестностяхъ Грубѣшова, прозывались Верещинскими. Въ началѣ XVI вѣка Верещинскомъ владѣлъ панъ Ѳедоръ Верещинскій, вѣрный наслѣдникъ предковъ въ приверженности къ русской вѣрѣ.

Верещинскій женился на приверженной, подобно ему, къ русской вѣрѣ дѣвицѣ изъ дома пановъ Сосновскихъ изъ Сосновицы, герба Наленчь. Этотъ домъ нетолько былъ русскій по происхожденію и обычаю, но и въ большемъ между православными почетѣ, чѣмъ сами Верещинскіе. Много славы ему придавалъ родный братъ Г-жи Верещинской Иванъ Сосновскій, предстоятель русской церкви въ Хелмѣ и окрестныхъ краяхъ, тотъ самый епископъ греческій Ивасько, при которомъ хелмская епископія лишилась трехъ доходныхъ помѣстьевъ. Князь владыка,—какъ его звали обыкновенно русскіе, часто бывалъ въ гостяхъ у своей сестры, и многими другими знаками показывалъ свою благосклонность къ ея дому; этимъ еще болѣе возвышалось уваженіе русскихъ къ обоимъ супругамъ Верещинскимъ.

Но никогда блескъ мірской славы не бываетъ безъ пятна, и знаменитость Верещинскихъ много потеряла въ послѣднее время въ глазахъ православнаго населенія хелмскаго. Другой братъ г. Верещинской, прежде Григорій, а въ это время Гржегоржъ Сосновскій, перешолъ нѣсколько позже въ католичество, сдѣлался ретивымъ капланомъ этого вѣроисповѣданія, и даже,—какъ это обыкновенно бываетъ съ прозелитами,—рьянымъ пропагандистомъ на Руси католицизма.

Даже родные не знали причины столь важной перемѣны

въ жизни Григорія. Фамильная запись даетъ только знать что родные, сколько могли, удерживали его отъ перехода въ католичество; но Григорій настоялъ на своемъ, и съ того времени счастіе благопріятствовало ему въ свѣтѣ. Какъ скоро взрослый юноша познакомился съ латинскими писателями, его взялъ подъ свою опеку латинскій бискупъ хелмскій Іаковъ Бучацкій также прозелитъ католической вѣры, помогъ ему достигнуть капланства, сдѣлалъ его каноникомъ хелмскаго латинскаго собора, а потомъ своимъ прелатомъ—оффиціаломъ. Сосѣди поляки оказывали ему свою благосклонность; особенно тѣсно сблизились съ ксёндзомъ Гржегоржемъ паны Гнѣвошовы изъ радомскаго повѣта и, въ знакъ своего благорасположенія, дали ему довольно богатый приходъ въ наслѣдственномъ помѣстьи Олеховѣ надъ Вислой, съ правомъ самому назначать себѣ викарія.

Потому ксёндзъ оффиціалъ Сосновскій жилъ при своемъ костёлѣ и бискупѣ, то есть, не въ самомъ Хелмѣ, гдѣ латинскій капитулъ не могъ имѣть приличнаго помѣщенія, а въ новомъ, очень зажиточномъ, а главное населенномъ поляками мѣстечкѣ, Красномъ Ставѣ. Уважаемый своими сослужителями и всѣми католиками, ксёдзъ оффиціалъ продолжалъ питать къ своей фамиліи родственныя чувства, посѣщалъ иногда князя владыку хелмскаго, но особенно любилъ бывать у своей сестры въ Верещинѣ. Живя гораздо ближе къ Верещину, нежели князь владыка, братъ католикъ могъ навѣщать сестру чаще, нежели братъ православный, и съ какою то особенною заботливостію регулярно посѣщалъ ея домъ.

Панъ Θеодоръ Верещинскій, по любви къ женѣ, не противился открыто его посѣщеніямъ, но въ душѣ сильно досадовалъ на нихъ. Каждое новое посѣщеніе ксёндза оффиціала все болѣе и болѣе развивало его давнюю нелюбовь къ католикамъ и тѣснѣе привязывало его къ русской вѣрѣ и обычаю.

По этой причинѣ онъ прервалъ даже всякія связи съ сосѣднею польскою шляхтой, пренебрегъ всѣми земскими дѣлами и, занятый исключительно своимъ хозяйствомъ, жилъ уединенно въ своемъ Верещинѣ. Искренно вѣря, что римскихъ христіанъ, то есть, всѣхъ поляковъ въ сосѣдствѣ, ждетъ на томъ свѣтѣ пекло (адъ), каждаго поляка иначе и не называлъ какъ „пекельникомъ“ и „бѣсовымъ ляхомъ.“

Тѣмъ благосклоннѣе былъ панъ Θеодоръ къ русскому брату изъ Холма. Князь владыка принималъ все болѣе важное участіе во всѣхъ дѣлахъ Верещинскихъ. Ему было предостав-

лено располагать судьбою будущаго ихъ потомка, котораго небо однако долго недавало Верещинскимъ. Какъ скоро молитвы родителей были услышаны и можно было ожидать рожденія желаннаго наслѣдника Верещина, князь владыка рѣшилъ окрестить его своею рукою въ праотеческое православіе, дать ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ заботливое воспитаніе вблизи себя, вполнѣ опредѣлить его судьбу и будущность.

Это не укрылось отъ взора ксёндза оффиціала красноставскаго и въ высшей степени противорѣчило его планамъ. Онъ самъ думалъ окрестить латинскимъ крещеніемъ ожидаемое дитя и воспитать его на утѣшеніе римской церкви, лишь бы только поскорѣе Богъ благословилъ имъ сестру.

Такъ какъ отецъ дитяти никогда не согласится на это добровольно, то ксендзъ оффиціалъ тщательно скрывалъ свой планъ, но не могъ вполнѣ утаить его отъ князя владыки. Сей послѣдній проникъ его намѣреніе, и, по возможности, тщательнѣе слѣдя съ тѣхъ поръ за братними происками, съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ желанного извѣстія о рожденіи у Верещинскихъ сына.

Еще младенецъ и не родился, какъ по странному стеченію обстоятельствъ двое близкихъ и горячо любящихъ его кровныхъ, двое родныхъ братьевъ, но разной вѣры, два апостола различныхъ вѣроисповѣданій, вступили въ упорную борьбу за его будущность, за его вѣру.

Дѣйствительно, у Верещинскихъ родился сынъ. Счастливый отецъ немало не медля далъ знать о томъ въ Хелмъ. Чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ пріѣхать оттуда будущій опекунъ и воспитатель дитяти и крещеніемъ племянника въ греческую вѣру начать его воспитаніе. Но прежде нежели можно было ожидать его пріѣзда, стукъ подъѣзжающей къ двору Верещинскихъ коляски возвѣстилъ о прибытіи дѣйствительнаго дяди дитяти, но не князя владыки изъ Хелма, а ксендза оффиціала изъ Краснаго-Става.

Близость этого мѣста отъ Верещина позволила ему упредить владыку въ домѣ пановъ Верещинскихъ и исполнить весьма важный по своимъ послѣдствіямъ обрядъ; но пусть обстоятельнѣе раскажетъ о томъ сама фамилія Верещинскихъ. Наша памятная запись-разсказъ сына о обстоятельствахъ рожденія его отца, съ плѣнительною искренностію поляковъ времени Сигизмунда, передаетъ намъ слѣдующее:

„Какъ только узналъ ксендзъ оффиціалъ, что сестрѣ далъ Богъ сына, упреждая его милость князя владыку, немедленно

поспѣшилъ въ Верещинъ, подъ предлогомъ посѣщенія слабой отъ родовъ сестры своей и, выбравши удобную минуту, тайно взялъ дитя изъ колыбели, при помощи заранѣе подговоренныхъ къ тому людей, тотъ часъ окрестилъ его, назвавши Андреемъ".

„Исполнивши это спасительное дѣло, онъ поспѣшно выѣхалъ, избѣгая встрѣчи съ его милостью княземъ владыкою хелмскимъ, своимъ роднымъ братомъ, который уже ѣхалъ крестить младенца въ греческую вѣру".

„Князь владыка пріѣхалъ и, узнавши о крещеніи дитяти, поднялъ крикъ на весь домъ. Сами родители сильно досадовали на такой поступокъ ксендза оффиціала, но видѣли, что сдѣланного разъ уже не воротишь, — и успокоились. Съ тѣхъ поръ дитя оставалось въ пренебреженіи у своихъ родителей, всего же болѣе у хелмскаго владыки, не хотѣвшаго и знать онемъ. Свою нелюбовь къ дитяти онъ старался поселить и въ родителяхъ его, и успѣлъ въ томъ на столько, что по крайней мѣрѣ отецъ нелюбилъ его, часто горько жалуясь на оффиціала, что онъ сдѣлалъ его дѣтя бѣсовымъ ляхомъ".

„Но любящая мать скоро перестала обращать на то вниманіе и поручила это дѣло всеблагому Богу, приписывая то волѣ Божіей и Его святому Провидѣнію. Потому всегда о томъ только заботилась, чтобъ исполнить материнскую въ отношеніи къ сыну обязанность: съ любовію ухаживала за нимъ, убаюкивала, воспитывала его. Когда ему исполнилось восемь лѣтъ, она просила церковника научить дитя русской грамотѣ. По желанію своей сестры, владыка хелмскій взялъ мальчика къ себѣ; у него и училось дитя грамотѣ два года". „Ксендзъ оффиціалъ сильно боялся, чтобы князь владыка не обратилъ его въ греческую вѣру. Онъ понялъ, что и крещеніе нисколько не поможетъ, если дитя перемѣнитъ вѣроисповѣданіе, такъ какъ въ совершеннолѣтнихъ ни крещеніе надъ вѣроисповѣданіемъ, ни вѣроисповѣданіе надъ крещеніемъ не имѣютъ никакого преимущества и особенного значенія; а потому и рѣшился увезти мальчика отъ князя владыки и исполнилъ свое намѣреніе. Однажды пріѣхалъ онъ къ владыкѣ, и, вызвавши къ себѣ Андрея въ особенное мѣсто, ласковой рѣчью вмигъ привлекъ его къ себѣ, такъ что онъ на другое же утро вслѣдъ за ксендзомъ оффиціаломъ ушелъ, въ сопровожденіи курьера, изъ Хелма въ Красный Ставъ.

„Съ этого времени Андрей потерялъ благорасположеніе своего отца и князя-владыки, такъ, что они не хотѣли даже

пускать его на свои глаза. Ксендзъ оффиціалъ виновникъ столь сильнаго отвращенія къ Андрею его родителей и знакомыхъ и полнаго забвенія ими, за то всѣми силами старался дать ему хорошее образованіе, чтобы оно въ свое время сугубо вознаградило его за великія несчастія, нанесенныя ему неріязнью родителей.

Чтобъ удобнѣе исполнить свое желаніе, ксендзъ-оффиціалъ нашелъ для питомца хорошаго наставника. Одно сильно огорчало ксендза-оффиціала—тупость способностей ребенка. За то мальчикъ, желая угодить дядѣ, старался замѣнить прилежаніемъ тупость разсудка, помогая несовершенству способностей трудолюбіемъ, и ему удалось образовать себя и привлечь къ себѣ особенную милость дяди.

Видя значительные успѣхи своего питомца въ наукахъ, ксендзъ-оффиціалъ желалъ сдѣлать его капланомъ. Онъ намѣревался передать Андрею всѣ свои доходы, а самъ хотѣлъ поступить въ сѣцѣховскій монастырь. Потому, когда исполнилось Андрею 19 лѣтъ, ксендзъ-оффиціалъ сильно настаивалъ на посвященіе его въ низщую степень священства.

Памятная запись на томъ не прерывается, расказывая чрезъ нѣсколько страницъ дальше позднѣйшую судьбу фамиліи, за то прерывается нить такъ удачно исполнявшихся до этого времени замысловъ ксендза-оффиціала. Племянникъ Андрей не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія къ духовному званію и только изъ послушанія дядѣ принялъ его предложеніе. Но дядя вскорѣ послѣ того умеръ; тогда девятнадцатилѣтній клерикъ поспѣшилъ снять съ себя духовное званіе и сталъ хозяйничать въ олеховскомъ приходѣ, который паны Гнѣвошавы, по дружбѣ, оставили за нимъ. Покровительство другихъ благожелателей поляковъ вскорѣ неожиданно открыло ему лучшую карьеру въ свѣтѣ.

Вблизи Олехова находилась деревенька Ярошинъ, помѣстье старопольской фамиліи Яровскихъ, герба Равичь. Въ это самое время воротилась домой изъ любельскаго монастыря, —мѣста воспитанія,—тринадцатилѣтняя дочь Яровскихъ Анна, которую благочестивые родители торопились выдать замужъ, чтобы предохранить отъ соблазновъ свѣта. Польскіе благожелатели Андрея посовѣтовали ему просить у ногъ родителей руки панны Анны и богатаго за ней приданнаго. Андрей охотно согласился на то, благочестивое воспитаніе снискало ему въ Ярошинѣ благосклонный пріемъ. Въ томъ же самомъ

году, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже стоялъ съ своей невѣстой предъ алтаремъ.

Это былъ годъ славной битвы при Обертынѣ. Безпокойный валахскій господарь Петрило овладѣлъ за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ Покутьемъ и, угрожая вторженіемъ въ предѣлы Польши, возбуждалъ въ ней большій ужасъ, нежели предшествовавшіе ему господари, водившіе дружбу съ Портой. Вся русская шляхта поднялась, по призыву славнаго Яна изъ Тарнова, на защиту отечества. Кто только дорожилъ добрымъ именемъ, особенно кто владѣлъ юношескою отвагой, надѣвалъ панцырь для защиты края и поспѣшалъ съ большею или меньшею дружиною къ польскому обозу.

И въ молодомъ Верешинскомъ пробудилось чувство честолюбія. Разорвавши своимъ польскимъ воспитаніемъ и женитьбой всѣ связи съ своимъ родствомъ, выступивши изъ прежней провинціальной неизвѣстности на поприще болѣе широкихъ гражданскихъ отношеній и обязанностей, онъ долженъ былъ начать его какой нибудь знаменитой заслугой. Походъ противъ валахскаго господаря представлялъ самый удобный для того случай. Потому (хотя послѣ Андрей никогда уже не показывалъ воинственныхъ наклонностей), тотчасъ послѣ брака, съ оружіемъ въ рукахъ, поспѣшилъ на защиту отчизны.

Ни тринадцатилѣтняя жена, ни родители ея не могли ничего сказать противъ его намѣренія. Немедленно они поспѣшили выдѣлить приданное, чтобы скорѣе и великолѣпнѣе отправить зятя въ польскій лагерь. Андрей выступилъ въ походъ съ чрезвычайною для его умѣреннаго состоянія роскошью,—со свитой изъ двѣнадцати отлично вооруженныхъ жолнѣровъ и указнымъ числомъ погонщиковъ и возовъ. Словно малая сенаторская хоругвь, двигался отрядъ двѣнадцати Андреевыхъ рыцарей, съ тринадцатымъ Андреемъ во главѣ, сопровождаемый всеобщимъ восторгомъ и удивленіемъ, къ обозу гетмана при Обертынѣ.

Конецъ не былъ напечатанъ.

— Корреспонденція, извѣстія изъ Червоной Руси (Галиціи) и извлеченія изъ львовской газеты »Слово« 1862 г.

NIEMA RUSI.

Odpowiedź na plakaty Polaków w uniwersytecie we Lwowie. (Нѣтъ Руси. Отвѣтъ на пасквили Поляковъ, выставленные въ Львовскомъ университетѣ).—

— (Стихи присланныя изъ Лемберга въ редакцію „Основы" и напечатанные въ февральской книжкѣ сего журнала за 1861 г.)

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?
Wszakże »Rusi niema« w dawnej jej stolicy.—
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!
»Niema Rusi, niema!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją straszą
Twoję wyobraźnię tolerancką, laszą.
Nie trwóż się, mój bracie, —wszakże Rusi niéma;
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie,— grob zapisał tobie!...
Mówią że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki spędzał po odludnych szlakach,
Aż *tam* znowu odżył na chwilę—w Kozakach...
Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łancuhach przywiedli;
Ależ napisano unije Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już w cale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....
Mowią że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyzmy w ręku— powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarażem,—
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.
Mówią, że już potem sczezły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspominano w sejmie jéj imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....
Minęły te czasy,— wspomnąć by nie warto,

Gdyby nie przez Ruś-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana
Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....
Owoż dzisiaj prawią, że póznym wieczorem
Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
Ow pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
Ow drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,
*R*ówność i braterstwo przed Europą głosi,
Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!
A żaś ruski upior — służalec wiekowy —
Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
Ale zcicha — zwykle jak sługa w przestrachu —
Szepcze w duchu k'sobie: »Brate, ne wir Lachu!«
Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
A może nakoniec doznasz, że plakaty
Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
Na ruinach Rusi dźwigła się z nicości,
I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....
Dziś tej Rusi niéma,—tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu—
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Księże Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał...
Niebespiecznie wwodzić włóczęgów natrętnych
W katakomby *R*usi do pamiątek świetnych;
Bowiem stać się może, że śród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!
Lecz dziś *R*usi niéma! i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polskie mędrcy piszą: »Lwów, ziema Podolska,
Wołyń, Ukraina—że to wszystko—Polska!!...
A więc niéma *R*usi, jej niema w głowie
Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niéma ruskiej mowy,—bo nawet jéj zgłoski!

Zamienia polskiemi hrabia Gołuchowski!..
Niema *R*usi, niema!— z książek ją wymażcie,—
Choć jest ruskich chłopów miljonow piętnaście!
Niéma *R*usi, niéma!—choć jest i być musi
Przeciw rządom Polski wieczny protest Rusi!...

(*Переводъ*).

НѢТЪ РУСИ.

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея древней столицѣ.... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

„Нѣтъ, Руси!.... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темные призраки безпокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ,—Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробѣ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ее жизнь, тебѣ завѣщалъ ее гробницу!

„Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навь* (¹) Руси долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновеніе—въ Козакахъ....

„Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но— написали *Любельскую Унію*, и доколотили ею лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма—сжечь упыря-Павлюка (²) въ мѣдномъ волѣ.

»Говорятъ, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были видны толпы ихъ и подъ Збаражемъ....но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

„Говорятъ, что послѣ того эти привидѣнія изчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ ста-

---

(¹) Слово—upiór—бродящій (живой) мертвецъ,—мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навь*, (существовавшимъ и въ южнорусскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(²) По народной пѣснѣ— не Павлюка, а Наливайка. Фактъ не подтверждаемый историческими доказательствами.

ли пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъбы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ— о Гайдамакахъ.....

„Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать... еслибъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси отъ смерти Богдана все разстравляется рана Польши; — — — —

„А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навь Польши сходится съ навью Руси: первая— въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая—въ сѣрмягѣ и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ,—равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говоритъ Русину: „Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то—я дамъ тебѣ почувствовать свою руку!" а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно— какъ обыкновено рабъ въ испугѣ—шепчетъ самъ себѣ: *брате, не вірь Ляху!*

„Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе,—оно не для шутки написано; вглядись добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь, что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

„Нѣтъ уже той Руси.... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-руски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбъ раздастся русскій голосъ, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ русскихъ людей.

„Но теперь—нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Волынь, Украина—все это Польша!

„И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополяченномъ Львовѣ.... нѣтъ и русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

„Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть русскихъ хлоповъ милліоновъ съ пятнадцать.... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ польской власти!"

— Отзывъ англійской газеты Таймсъ о польскихъ дѣлахъ.— Поляки опять жалуются на Россію. Мы къ тому привыкли съ дѣтства. Однакожъ если примемъ во вниманіе, что поляки во время наполеоновскихъ войнъ находились постоянно въ рядахъ нашихъ враговъ, что Польша, во все время ея самостоятелности, была, подобно Испаніи, самою *нетолерантнѣйшею* и суетливѣйшею державою, и подобно Мексикѣ безпокойнѣйшею и беззаконнѣйшею; то трудно найти оправданіе, зачѣмъ мы должны лишать себя спокойствія для этого жалующагося польскаго упыря. Мы никогда никакого зла не сдѣлали полякамъ: однакожъ допустимъ, что эти поляки народъ самый интересный, самый откровенный и самый *толерантнѣйшій*—то какое намъ до этого дѣло, а равно и лордамъ Кларендону и Росселю?. Къ какой стати этимъ двумъ джентельменамъ выказывать свое сочувствіе къ многимъ страданіямъ поляковъ, которыхъ они не могутъ облегчить? Развѣ не смѣялись и не гнѣвались бы мы, еслибы оффиціальныя газеты въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ безцеремонно толковали объ обидахъ, какія мы Великому Моголу и всѣмъ его чертямъ сдѣлали и постоянно напоминали бы намъ, чтобъ мы давнія народности Индіи возстановили? Пріятно-ли было бы намъ все это слышать?

Правда, мы радовались бы всѣ, еслибы Польша получила свободныя уставы и была *въ состояніи ими пользоваться*. То же самое касается и всякой другой державы, которая имѣетъ причину жаловаться. И во Франціи есть люди, которые имѣютъ различныя желанія; Греки, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, недовольны своимъ баварскимъ королемъ и предъявляютъ свои жалобы; Венгерцы находятся въ хроническомъ *ребеллійномъ* состояніи; въ разныхъ областяхъ Турціи происходятъ мятежи и возстанія недовольныхъ правительствомъ; бѣдная Венеція побрякиваетъ своими кандалами предъ глазами всей Европы; а сѣверные Американцы съ огнемъ и мечемъ нападаютъ на южныхъ, при рукоплесканіяхъ своихъ филантроповъ. Міръ преисполненъ обидъ, но чѣмъ мы можемъ помочь ему? Какое мы имѣемъ право мѣшаться въ дѣла этихъ народовъ? Всякій знаетъ, что еслибы

даже посредствомъ одного полка или одолженнаго фрегата мы въ состояніи были стараго Болеслава, или какого либо изъ древнихъ великихъ королей польскихъ, посадить на польскій престолъ, то мы однакоже этого никогда бы не сдѣлали. Въ наилучшемъ случаѣ отъ насъ можно ожидать только холоднаго сочувствія и дешевыхъ совѣтовъ. У насъ самихъ есть довольно много дѣлъ, касающихся интересовъ Великой Британіи въ сношеніяхъ ея съ иностранными народами, чтобъ еще лорду Росселю ломать себѣ голову надъ задачею: владѣть Россія Польшею или нѣтъ? (Львовское Слово, 1862 г. № 24).

— **Статистическія свѣденія о народонаселеніи нѣкоторыхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ губерній, по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ, за 1860 годъ.** — 1) По Кіевской губерніи.— По племенамъ: *Малороссіянъ* 1,355,320; *Бѣлоруссовъ* 11,699; *Великоруссовъ* 1,876; *Поляно-руссовъ* (остатокъ племени древнихъ славянъ, обитавшихъ по Днѣпру, въ окрестностяхъ Кіева, и сохранившихъ древніе обычаи, языкъ и нравы) 1,355; *Поляковъ* 83,351 (въ томъ числѣ большая половина природныхъ здѣшнихъ давнихъ жителей, но ополячившихся чрезъ принятіе ими самими, или ихъ предками латинства); *Литовцевъ* 38,026; *Нѣмцевъ* 1,632; *Евреевъ* 225,074; *Татаръ* 23.- По вѣроисповѣданіямъ: *Малороссіянъ* православныхъ 1,354,827, римско-католиковъ 493; *Бѣлоруссовъ* 11,699; *Велико-руссовъ* 1,876; *Поляно-руссовъ* 1,355; эти три племена всѣ православные; *Поляковъ*: православныхъ 10,368, римско-католиковъ 72,983; *Литовцевъ*: православныхъ 38,026; *Нѣмцевъ* протестантовъ 1,632.— Всего по вѣроисповѣданіямъ: православнаго: 1,418,151, римско-католическаго 73,479 (но и это число преувеличено, потому что уже дознано на опытѣ, что католическое духовенство, чтобъ для извѣстной цѣли показать большее число римско-католиковъ, въ своихъ статистическихъ показаніяхъ, цифру ихъ преувеличиваетъ; тоже самое дѣлаютъ и полицейскіе чиновники, которые большею частью въ западныхъ губерніяхъ римско-католическаго вѣроисповѣданія); прочихъ вѣроисповѣданій 226,729.

2) По Могилевской губерніи.— По племенамъ: *Бѣлоруссовъ* 713,375; *Малороссіянъ* 1,405; *Велико-россіянъ* 4,449; *Поляковъ* 27,238 (почти всѣ изъ природныхъ, но ополяченыхъ чрезъ латинство бѣлорусиновъ); *Литовцевъ* 945; *Нѣмцевъ* 381; *Евреевъ* 102,855; *Татаръ* 6. — По вѣроисповѣданіямъ: Бѣлоруссовъ

православныхъ 701,987, *римско-католиковъ* 11,388 (разумѣются совращенные изъ унія или изъ возсоединенныхъ православныхъ); Малороссовъ *православныхъ* 1,405; Великороссіянъ *православныхъ* 4,449; Поляковъ *римско-католиковъ* 27,238; Литовцевъ: *православныхъ* 13, *римско-католиковъ* 932; прочихъ племенъ и вѣроисповѣданій 103,242. Всего *православныхъ* 707,854, а *римско-католиковъ* 39,558.

3) По Минской губерніи.— По племенамъ: *Бѣлоруссовъ* 661,770; *Малороссіянъ* 21,015; *Великороссіянъ* 53,390; *Поляковъ* 116,789 (большая часть ополяченыхъ латинствомъ Бѣлоруссовъ); *Литовцевъ* 64,149; *Нѣмцевъ* 527; *Евреевъ* 96,981; *Татаръ* 2,365.— По вѣроисповѣданіямъ: Бѣлоруссовъ *православныхъ* 654,416, *римско-католиковъ* (совращенныхъ въ латинство изъ уніи и возсоединенныхъ православныхъ) 11,388; Малороссіянъ *православныхъ* 19,546, *римско-католиковъ* (тоже совращенныхъ въ латинство) 1,469; Великороссіянъ *православныхъ* 53,390; Поляковъ *римско-католиковъ* 116,789; Литовцевъ *православныхъ* 9,026, *римско-католиковъ* 55,123; прочихъ племенъ и вѣроисповѣданій 99,873. Всего *православныхъ* 736,378, *римско-католиковъ* 180,735. (Извлечено изъ статист. таблицъ изд. Центральнымъ Статистич. Комитетомъ).

— ДЕНИСЪ ЗУБРИЦКІЙ. (Некрологъ). Въ самомъ началѣ текущаго года, Русь и Славянщина понесли великую потерю. Безпощадная смерть отняла у насъ мужа глубокой учености, необыкновенной быстроты ума и неутомимаго трудолюбія, мужа славящагося въ ученомъ мірѣ и всѣми уважаемаго, знаменитаго историка и члена разныхъ ученыхъ обществъ. *Денисъ Ивановичъ Вѣнява изъ Зубрицы-Зубрицкій* умеръ $^{16}/_{4}$ Января текущаго года, утромъ въ три четверти девятаго часа, отъ старости (marasmis senilis) проживши 84 года. Онъ происходилъ изъ дворянской русской фамиліи, родился 1777 года въ селѣ Батятычахъ, Жолковскаго округа, гдѣ отецъ его былъ арендаторомъ. Послѣ первоначальнаго домашняго приготовленія, онъ началъ образованіе свое во Львовѣ, гдѣ окончилъ въ 1790 г. гимназическій курсъ, съ отличнымъ успѣхомъ. Дальнѣйшія науки онъ изучилъ частнымъ образомъ.

Будучи еще юношею, въ четвертомъ гимназическомъ классѣ, онъ былъ принятъ въ число командированныхъ для разсмотрѣнія городскихъ и земскихъ актовъ, хранящихся въ

Бернардинскомъ архивѣ и, подъ руководствомъ начальства, помогалъ вносить въ списокъ эти акты. Окончивши рано курсъ наукъ, онъ началъ свое поприще—служенія отечеству, неутомимо трудясь для блага общества, науки и просвѣщенія. Въ первомъ десяткѣ настоящаго столѣтія мы застаемъ его на службѣ въ магистратѣ мѣстечка Березова, Саноцкаго округа. Здѣсь, отличившись прилежаніемъ и дѣятельностію, онъ получилъ должность мѣстнаго городскаго синдика. Прямотою своего характера, добротою и хорошимъ поведеніемъ онъ пріобрѣлъ себѣ любовь и довѣріе всѣхъ областныхъ жителей и всего образованнаго сословія. Живя на границѣ польскаго и русскаго народа, онъ посредствомъ сношеній изучилъ обѣ народности, ихъ сходство и различіе.

Въ 1809 г. онъ былъ избранъ секретаремъ временнаго военнаго правительства подъ эгидою великаго Наполеона, какъ тогда его называли. Послѣ того онъ занималъ мѣсто юстиціарія въ перемысльком̆ и другихъ округахъ. Въ этой должности онъ, какъ и прежде, часто былъ избираемъ и назначаемъ судомъ въ число лицъ довѣренныхъ и занимающихся разборомъ разныхъ споровъ и тяжбъ между обывателями. Въ тоже время, т. е. во второмъ десяткѣ настоящаго столѣтія, онъ былъ назначенъ опекуномъ имущества малолѣтнихъ дѣтей графа Понинскаго, занялся сиротами, какъ своими родными, привелъ въ порядокъ растроенное имѣніе, въ хозяйствѣ завелъ образцовую экономію и отдалъ пришедшимъ въ совершеннолѣтіе наслѣдникамъ покойнаго графа имѣніе, очищеннымъ отъ долговъ и въ цвѣтущемъ состояніи. За такую безкорыстную, отцовскую заботливость онъ получилъ въ награду деревню въ пожизненное владѣніе. Здѣсь онъ поселился съ своею супругою для спокойной жизни, добывая себѣ содержаніе собственнымъ трудомъ и благороднымъ веденіемъ благопріобрѣтеннаго имѣнія. — Онъ заводилъ у себя образцовое хозяйство и пытался осуществить его на практикѣ. Но болѣзнь жены привудила его около 1820 г. оставить отдаленное отъ лѣкарей и аптеки имѣніе и переселиться въ большой городъ. Онъ продалъ свое недвижимое имѣніе и купилъ во Львовѣ домъ, съ постоялымъ дворомъ, на Бернардинской площади.

Не желая, однакожъ, разстаться съ сельскимъ хозяйствомъ, онъ взялъ на откупъ у львовскаго магистрата приселокъ около Львова—Сегенѣвку (Segniowka), но, по случаю болѣзни жены, хозяйство его шло неуспѣшно. По смерти жены, покойникъ совершенно предался воспитанію троихъ своихъ дѣтей:

сына Альбина и двухъ дочерей Агнеты и Станиславы. Сынъ окончилъ юридическій факультетъ и, послѣ обыкновеннаго испытанія, былъ произведенъ въ военно-штабовые аудиторы; дочери тоже получили приличное воспитаніе. Отецъ утѣшался добрымъ сыномъ,—онъ хотѣлъ завѣщать наслѣднику сыну имущество и всю свою богатую библіотеку. Между тѣмъ ему недолго пришлось утѣшаться сыномъ; скоропостижная смерть отняла у неутѣшнаго отъ печали отца единственную надежду въ его преклонныхъ лѣтахъ. Въ 1840 г. онъ продалъ свой домъ и купилъ другой на высшей ормейской улицѣ ч. 145 и здѣсь доживалъ свой вѣкъ, какъ частный человѣкъ. Зная основательно русскій языкъ, онъ еще съ 1809—1812 г. взялъ на себя должность русскаго переводчика при мѣстномъ судѣ (Landrecht). Въ 1839 г. онъ поступилъ въ члены Ставропигійскаго Института. По смерти сына, онъ подарилъ одну часть своей богатой библіотеки, въ 1832 г., Университету, а другую часть подарилъ Ставропигійскому Институту. Управляя съ 1830 г. Ставропигійскою типографіею, онъ снабдилъ ее лучшимъ матеріаломъ; во время его управленія были отпечатаны всѣ большія книги, отличающіяся хорошимъ, новымъ, четкимъ шрифтомъ, въ листъ: 1832 г. Евангеліе, 1837 часословъ, 1841 Трефологіонъ, 1842 Литургія Златоустаго, 1837 Священническій молитвословъ (8). Сверхъ того, онъ разсмотрѣлъ весь богатый архивъ Института, привелъ его въ порядокъ, составилъ опись. Въ городѣ онъ пользовался репутаціею человѣка справедливаго, посему 1836—1844 онъ былъ выбираемъ отъ общинъ депутатомъ, судебнымъ слѣдователемъ и коммисаромъ сберегательной кассы; суды часто поручали ему опекунство надъ малолѣтними и по сіе время, съ благодарностью вспоминаютъ его имя Графы Гумницкіе и Яворскіе, для которыхъ покойникъ заступалъ мѣсто заботливаго отца.

Такова была частная и публичная жизнь покойника, но обратимъ вниманіе на его литтературную жизнь, которая была не менѣе дѣятельна и разнообразна. Во всемъ Зубрицкій былъ опытнымъ, практическимъ и дальновиднымъ человѣкомъ. Мы выше упомянули, что онъ, будучи ученикомъ гимназіи, употреблялъ свободное отъ занятій время на реэстръ актовъ,—этимъ, можетъ быть, возбудилась любознательность и усидчивость будущаго историка и изслѣдователя историческихъ памятниковъ.

Покойникъ съ юныхъ лѣтъ получилъ привычку вести

ежедневную записку наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ въ продолженіи дня, но изъ девятнадцати книгъ такихъ записокъ едва уцѣлѣли двѣ-три книги. Онъ уже тогда привыкъ было дѣлать наблюденія надъ всѣми текущими происшествіями. Живя еще въ Перемышлѣ, онъ писалъ въ тогдашніе польскіе журналы статьи, относящіяся преимущественно къ земледѣлію и политической экономіи. Припомнимъ нѣкоторыя статьи: O ziemianàch w Rozmaitościach Lwowskich, 1819, стр. 280. Maxymy z Aureliusza, 1820 г., стр. 544. O cenie zboża w Galicyi i billu zbożowym w Anglii. Rozm., 1821, стр. 385—387, 389—391.

Дальновидный взоръ опытнаго мужа безошибочно подмѣчалъ слабыя стороны дѣла. Онъ видѣлъ, что вся сила и благосостояніе земли зависятъ отъ хорошаго воздѣлыванія ея. Онъ замѣчалъ, что вывозъ хлѣба въ Англію былъ и еще можетъ быть самымъ обильнымъ источникомъ богатства страны. По этой причинѣ онъ старался сообщить землякамъ важнѣйшія, обще-понятныя сочиненія раціональной экономіи. Прежде еще, чѣмъ появились Очаповскіе, Касперовскіе и другіе польскіе агрономы и возникли агрономическія общества Краковское и Львовское, онъ изучалъ Теэра и Бургера, перевелъ и издалъ разныя сочиненія на польскій языкъ: Jana Burgera Agronomia z niemieckiego, przez Dyonizego Zubrzyckiego, w Przemyślu, druk J. Gołębiowskiego, 1821, стр. 7—133, потомъ передѣлалъ ее подъ заглавіемъ: Nauka o ekonomii z niemieckiego Jana Burgera, wyłożona przez D. Zubrzyckiego, T. I, o Agronomii, we Lwowie, nakładem i drukiem Jana Pillera, 1822, стр. 2+120+4. O uprawie koniczyny, rada dla pospolitego robotnika, przez D. Zubr. we Lwowie, wyciśnięta u Józefa F. Pillera, 1821 (8) str. 24. — Uprawa lnu, rzecz dla Galicyjskich gospodarzy, przez D. Z. we Lwowie, nakł. F. Pillera, 1829, стр. 89. Въ 1825 г. онъ напечаталъ Nauka robienia i ustanowienia tak zwanych Tholardowskich konduktorów słomianych od piorunów i gradu, z niemieckiego, przez D. Zubrz., z ryciną litografowaną (str. 23), we Lwowie, 1825, drukiem Pillerowskim.

Зубрицкій первый обратилъ вниманіе на красоту народныхъ пѣсень, написавши статью о народныхъ пѣсняхъ въ Галиціи, въ Львовскомъ Pielgrzymie, 1821 и 1822, и приведши нѣсколько пѣсень съ нотами: Не ходы Грицю, И шумитъ, Козакъ коня напововъ, Шумитъ шумитъ дубровонька, А вже три дни и три недили,—возбуждая этимъ къ любви народ-

наго пѣснопѣнія. Вацлавъ Залескій (Pieśni ludu Galicyjskiego, str. XI—XII) говоритъ, что первый обратившій вниманіе на красоту народной поэзіи,—нѣмецъ, профессоръ Гитнеръ (Hüthner), переводчикъ и издатель пѣсни въ современно ему изданномъ календарѣ Pilger von Lemberg 1821 и 1822, между тѣмъ какъ эта честь принадлежитъ Русину.

Съ 1829 года, когда онъ поступилъ въ члены Ставропигіевскаго Института, начинается его литтературная историко-руская дѣятельность; причиною сего было его короткое знакомство съ ставропигійскими актами. Его пытливому взору представился новый свѣтъ. Онъ нашелъ упавшую народность, боровшуюся столько вѣковъ со всѣми препятствіями, и отстоявшую свою вѣру отъ напора полонизма, и нашелъ живой корень, къ которому можно привить новую вѣтвь.

Съ жаромъ человѣка, полнаго силъ и благородной ревности, онъ бросился разсматривать древній ставропигійскій архивъ и привелъ его въ надлежащій порядокъ, спасъ отъ забвенія и потери множество важныхъ актовъ, соединилъ древнюю Русь съ новою.

Сосредоточивъ свое вниманіе на древнихъ памятникахъ родной исторіи, Зубрицкій не переставалъ сообщать пріобрѣтаемыя свѣденія современному міру, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей, зная, что этимъ онъ болѣе всего можетъ поощрить своихъ соотечественниковъ. 1830 г. онъ написалъ статью: Die griechisch-kathol. Stauropigiankirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut, въ лѣтописи, издаваемой въ Вѣнѣ: Neuestes Archiv für Gesch., Staatenkunde, Literatur und Kunst 1830 г. № 77. Эту же статью въ переводѣ онъ передалъ въ Rozm. Lwow., 1831, стр. 37, 39, 44 и 46. Статья эта коротка, но основана на достовѣрныхъ источникахъ и написана съ такою полнотою, что еще и теперь можетъ считаться хорошею статьею для какой угодно газеты. Все, что извѣстно новѣйшимъ историкамъ и компиляторамъ объ этомъ братствѣ и вообще объ исторіи галицкой Руси, этимъ мы исключительно обязаны ему, хотя нѣкоторые хвалятся павлиными перьями.

Въ 1836 г. онъ издалъ замѣчательное въ своемъ родѣ сочиненіе, пополняющее библіографическія сочиненія Самуила Бандтке, І. Лелевеля, Сопикова и Строева, которое переведено на русскій языкъ (Журн. нар. просв. 1838): Historyczne badania o drukarniach Rusko-Słowiańskich w Galicyi, przez D. Zubrzyckiego. Lwów, w druk. Stawr. 1846 (стр. 90).

Это сочиненіе было посвящено ученому историку руской іерархіи Михайлу Гарусевичу, барону Найштернъ. Здѣсь, равно какъ и въ вышеозначенной статьѣ, Зубрицкій первый представилъ въ ясномъ свѣтѣ дѣятельность Ставропигіи въ пользу вѣры рускаго народа и его просвѣщенія. По смерти этого мужа, котораго Зубрицкій весьма уважалъ, онъ написалъ: Nekrolog des Hochgeb. und Hochvürdigsten H. Mich. Harasievicz, Treiherrn von Neustern w. s. w. Wien, 1831, bei E. v. Gelenschen Erben (aus der Wiener Zeitung 1 Aug. 1836), который въ переводѣ вышелъ въ Rozm. Lwow. 1836.

Впрочемъ историческія статьи Дениса Зубрицкаго появлялись въ Rozmaitościach Lwowskich, Bibliotece Warszawskiéj 1841 и др.

(Окончаніе впредь).

— **ПЕРЕМЫШЛЯНИНЪ и ПЕРЕМЫШЛЯНКА. (Интересное объявленіе объ изданіи новаго журнала.)**— Я старый Перемышлянинъ, выступивши всенародно, въ 1850 году, на услуги руской публикѣ, поставилъ для себя цѣлію знакомить моихъ любезныхъ братьевъ съ исторіею, поприщемъ которой былъ мой древній отечественный городъ Перемышль. Для этого я разсказалъ прежде всего исторію Перемышля, предложивъ почтеннымъ моимъ читателямъ искренно и безъ утайки все, что здѣсь случилось, о чемъ я пріобрѣлъ свѣденія изъ самыхъ лучшихъ источниковъ, не имѣя намѣренія, даже въ помыслахъ, оскорбить кого нибудь. Однакоже нашлись недобрые люди, которые оклеветали меня въ Римѣ, будтобы я злонамѣренно распространялъ ложныя извѣстія, противныя католической церкви, говоря о томъ, что каѳедральная владимірская церковь, что въ замкѣ, отнята и преобразована въ латинскій костелъ, и кости умершихъ и погребенныхъ въ этой церкви русиновъ выброшены. Но такъ какъ я заимствовалъ это извѣстіе изъ исторіи іезуита Длугоша, то, оправдавшись въ этомъ предъ апостольскимъ нунціемъ Віале-Преля чрезъ указаніе подлиннаго источника, я сталъ разсказывать дальше кое-что изъ исторіи о перемысльскихъ епископахъ, съ такою однакоже осторожностью, что и самые римскіе критики не могли меня уловить ни въ чемъ. Но и эта усердная моя предосторожность не защитила меня отъ лукавыхъ людей, которые стали меня заподозрѣвать, что я русскій (москаль) и *схизматикъ*, и донесли объ этомъ шефу найвысшаго полицейскаго уряда, Кемпену. А когда наконецъ и краткое

извѣстіе о Смотрицкомъ накликало на меня жестокій гнѣвъ католическаго Тысяцкаго (Тыгодника), то видя, что пора уже перестать писать о прошедшемъ, потому что правда глаза колетъ, я взялся за типикъ, — но и на томъ поприщѣ я не былъ счастливѣе, потому что прогнѣвалъ нѣкоторыхъ нашихъ уставщиковъ. Посему думая, что мнѣ старику пора перестать писать о чемъ бы то ни было, чтобы не раздражить противъ себя людей, я оставляю на нѣкоторое время публичное поприще.

Не желая однакожъ совершенно отказаться отъ услугъ руской публикѣ, я посылаю мою любезную дочь „Перемышлянку“ въ свѣтъ, въ той надеждѣ, что авось либо она найдетъ лучшій пріютъ у добрыхъ нашихъ Русинокъ, чѣмъ какой я нашелъ у мужчинъ. Пріймите се, любезныя красавицы, въ вашъ родной кругъ ласково, потому что она еще молоденька, неизвѣстна и несмѣло выступаетъ въ свѣтъ. Она вамъ будетъ разсказывать хорошенькую исторію о Роксоланѣ, о мертвомъ колодцѣ, будетъ разсказывать вамъ анекдоты, развеселять васъ шутками, будетъ декламировать хорошіе стихи, а также умѣетъ немножко помочь и на кухнѣ, а на другой годъ, если дастъ Богъ дождать, она будетъ слѣдить за модой, тогда она познакомитъ васъ съ дамскими нарядами, сдѣланными по модѣ и со вкусомъ, а также съ нарядами въ національномъ русскомъ духѣ. Забота ея будетъ состоять въ томъ, чтобы предлагать всякія услуги почтеннымъ русскимъ дамамъ и удовлетворить всѣмъ ихъ желаніямъ; при этомъ она съ благодарностью будетъ принимать всякія замѣчанія, исправленія и требованія. «Перемышлянка» хочетъ оставаться всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ господиномъ „Львовяниномъ“ и готова являться съ нимъ на свѣтъ божій или вмѣстѣ, или же въ слѣдъ за нимъ, не опаздывая.

„Перемышлянка“ предлагаетъ свои услуги на 1862 г. всякому, кто этого пожелаетъ, за весьма умѣренную цѣну — 40 кр. а. в., и эти деньги посвящаетъ для весьма человѣколюбивой цѣли, т. е. для умноженія фонда на содержаніе вдовъ и сиротъ священническихъ Перемышльской епархіи, и проситъ всѣхъ человѣколюбивыхъ Русинокъ къ благосклонному соучастію въ этомъ дѣлѣ милосердія.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОПЕЧАТКИ.

По обстоятельствамъ сопровождавшимъ изданіе первой книжки и по скорости печатанія, Редакція никакъ не могла предусмотрѣть вкравшіяся въ эту книжку опечатки,—а потому долгомъ считаетъ указать на болѣе важнѣйшія изъ нихъ или измѣняющія смыслъ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
		Отдѣлъ I.	
5	28	я бы отдалъ	я отдалъ бы
22	4	имъ	имъ
26	8	называемы	наказываемы
32	15	русиновъ,	русиновъ
39	19	римлянъ, то,	римлянъ,—
50	25	когда	тогда
		Отдѣлъ II.	
2	9	по ев	по ея
9	8	сему	ему
1	18	отдиленныя	отдаленныя
2	30	невниманіе	невниманія
3	2	неуступчиво-сти	неуступчиво-сти,
4	9	занятую	занятою
6	29	является	являются
7	6	и чисто	а чисто
—	—	всѣ частно	всѣ части
8	18	по обѣимъ	по обоимъ
—	27	русско-славянскія,	руско-славянскіе,
—	31	отъ него	на него
9	2	военныя,.	, военныя
10	13	обѣихъ	обоихъ
11	3	гнѣздо	Гнѣзно
—	11	розь	рознь.
—	23	онѣ	они
12	16	обѣихъ	обоихъ
—	28	вѣщей	вещей
13	9	нѣмочи	немочи
—	24	вѣщей	вещей
14	2	въ цѣли	для
15	10	они не	они ни
18	22	отдѣлившимся	отдѣлившимися
19	17	козняхъ	казняхъ
20	4	самимъ	самыхъ
23	2	заключавших-ся	заключавшим-ся
30	14	условившіе	усвоившіе
33	27	ея,	ея
37	8	согласится	согласиться
47	17	обстояльной	обстоятельной
—	18	всѣмъ	всемъ
—	28	деметтными	денежными

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
48	12	съ разу	сразу
—	19	потому	помину
58	4	превратившее-еся	превратившіеся
—	5	открытное	открытое.
62	8	ужалиться	ужиться
—	9	державѣ	державѣ—
—	24	мировыми	мирными
64	29	былъ	билъ
66	3	косы	носы
—	9	искушеніе и добылъ	изступленіе и добилъ
67	12	1854	1584
		Отдѣлъ III.	
16	13	сословное	сословная
—	—	народное	народная
19	5	приписывая смыслъ	принисывая баснѣ смыслъ
30	10	умышленное ли	умышленное,
31	8	самыхъ	самихъ
32	11	убѣдительними	убѣдительными
—	21	но и давнѣе	но и недавнія
		Порядокъ страницъ съ 32-й, по ошибкѣ типографіи, продолжается цыфрою 17 и такъ далѣе, до конца отдѣла.	
20	19	самыхъ	самихъ
—	29	дерзости	мерзости
22	19	водоизмѣненіе	видоизмѣненіе
—	28	лѣкара	лѣкаря
23	10	гражданщину	гражданицу
—	18	БѦ	БѦндзь
24	21	Предліогенѣ	Предлогенѣ
—	—	Хорошо	Хороша
26	3	въ замѣнъ	взамѣнъ
28	13	zadawanającу	zadawalniającу
29	5	буквы	буквъ
31	31	не то	не та
32	25	алафитами	алфавитами

ОТДѢЛЪ IV.

3	9	особый уровень	особый научный уровень	5	19	самоотвѣтственностію за дѣйствія	самоотвѣтственностію
—	10	не стѣсняйте же своей	нестѣсняйте ничьей	9	6	живодоснаго	живоноснаго
3	13	поставьте	поставте	—	18	всепѣло	всецѣло
—	26	отрешиться	отрѣшиться	16	19	подвигателемъ	но двигателемъ
4	8	зачительному	значительному	—	29	пріодолѣть	иреодолѣть
4	12	самоотвѣтственностію за свои дѣйствія	самоотвѣтственностію	—	—	казни	козни

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція Вѣстника, движимая чувствомъ человѣколюбія къ несчастнымъ погорѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, открываетъ у себя пріемъ пожертвованій въ ихъ пользу. Пожертвованія эти будутъ отсылаемы немедленно по принадлежности, а о количествѣ ихъ и о пожертвователяхъ будетъ публиковано ежемѣсячно.

Редакторъ **Говорскій.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Кіевѣ въ Редакціи журнала; въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ и въ книжномъ магазинѣ гг. книгопродавцевъ Кораблева и Сирякова, на Садовой улицѣ, противъ Гостиннаго Двора, въ домѣ Балабина; въ Москвѣ въ Конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Цѣна Вѣстника за годъ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 р. 50 к. — за доставку на квартиру и пересылку во всѣ города Имперіи прилагается **ОДИНЪ** руб.

Гг. Иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ Редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать Редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу Говорскому, въ г. Кіевѣ.

Редакція «Вѣстника» находитъ нужнымъ извѣстить своихъ постоянныхъ и случайныхъ сотрудниковъ, что тѣ ихъ статьи, которыя найдетъ она неудобными къ напечатанію, не будутъ пересылаемы обратно авторамъ, и редакція не намѣрена по этому поводу входить въ объясненія съ своими сотрудниками. Само собою разумѣется, что это обстоятельство не лишаетъ авторовъ права получать свои статьи въ самой редакціи — или лично, или чрезъ уполномоченное ими на то лице, но неиначе, какъ послѣ полгода, по присылкѣ ихъ въ редакцію «Вѣстника».

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.